

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

№ 4

2007

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2007. № 4

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2007

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),

М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феокистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),

А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),

И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),

В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),

К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Гарвалик М.</i> К вопросу о современной ономастической терминологии.....	5
<i>Матвеев А. К.</i> К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера.....	14
<i>Напольских В. В.</i> Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики.....	28
<i>Карлова О. Л.</i> Ареальная дистрибуция <i>-l</i> -овой топонимической модели на территории Карелии.....	34
<i>Ивашова Н. М.</i> Топонимы и катойконимы в «Словаре областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого.....	45
<i>Мороз А. Б.</i> Народный календарь и квазиагиография.....	59
<i>Топорков А. Л.</i> Номинация <i>царь</i> и персонажи-«цари» в русских заговорах XVII–XIX вв.....	67

МАТЕРИАЛЫ

<i>Воронцова Ю. Б.</i> Материалы к Словарю коллективных прозвищ жителей Архангельской области. II. Л–Я...	83
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы	110
X Международная научно-практическая конференция «Ономастика Поволжья» (<i>И. А. Петрова</i>).....	110
XV Общепольская ономастическая конференция «Новые имена собственные. Новый взгляд» (<i>Б. Афельтович</i>).....	114
Симпозиум «Имя в экономике и экономической истории» (<i>С. О. Горяев</i>).....	122
Краткие сообщения.....	127
Рецензии	129
Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) (<i>Л. Г. Гусева, Н. В. Кабинина</i>).....	129
Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым (<i>И. И. Муллонен</i>).....	134
Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ (<i>А. Н. Кужлин</i>).....	137
Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения (<i>Д. Г. Демидов</i>).....	143
Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста (<i>А. А. Фомин</i>).....	145
Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен (<i>Л. П. Быков</i>).....	158
Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий (<i>А. Г. Мосин</i>).....	160
Новые книги	164
Новый журнал	170
Экспедиции	174
Экспедиция на Осудареву дорогу (<i>И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмин</i>).....	174
Из материалов экспедиции Уральского университета в Кадуйский район Вологодской области (<i>А. А. Макарова</i>).....	179
Прозвища жителей чадромского куста деревень Устьянского района Архангельской области (<i>В. Н. Калущков</i>).....	185
Юбилей	188
Елена Николаевна Полякова: Исследователь и Учитель (<i>Т. А. Сироткина, И. И. Русинова</i>).....	188
СОКРАЩЕНИЯ	192

CONTENTS

ARTICLES

<i>Garvalik M.</i> On the question of modern onomastic terminology.....	5
<i>Matveev A. K.</i> On the problem of the Russian North substrate toponymy language classification.....	14
<i>Napolskikh V. V.</i> Origin of <i>vepsä</i> self-naming in the context of the Eastern Baltics ethnic history.....	28
<i>Karlova O. L.</i> Areal distribution of the L-type toponymical model on the territory of Karelia.....	34
<i>Ivashova N. M.</i> Toponyms and katoikonyms in the "Dictionary of the Regional Arkhangelsk Dialect" by Podvysotsky A. O.....	45
<i>Moroz A. B.</i> People's calendar and quasihagiography.....	59
<i>Toporkov A. L.</i> The name of the tsar and «tsar» characters in russian charms of the 17 th -19 th centuries.....	67

MATERIALS

<i>Vorontsova Yu. B.</i> Materials for the Dictionary of collective nicknames of Archangelsk region people. II. <i>L–Ya...</i>	83
--	----

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposia	110
The X International theoretical and practical conference "The Volga region onomastics" chronicle (<i>I. A. Petrova</i>)...	110
The XV General Polish onomastics conference chronicle (<i>B. Apheltovich</i>).....	114
Symposium "Name in economics and economic theory" (<i>S. O. Goryaev</i>).....	122
Short reports.....	127
Reviews	129
Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) (<i>L. G. Gusyeva, N. V. Kabinina</i>).....	129
Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым (<i>I. I. Mullonen</i>).....	134
Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ (<i>A. N. Kuklin</i>).....	137
Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения (<i>D. G. Demidov</i>).....	143
Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста (<i>A. A. Fomin</i>).....	145
Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен (<i>L. P. Bykov</i>).....	158
Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий (<i>A. G. Mosin</i>).....	160
New books	164
New journal	170
Expeditions	174
Expedition to the Osudarev road (<i>I. I. Mullonen, D. V. Kuzmin</i>).....	174
Urals University expedition materials to the Kadujsky district of the Vologda region (<i>A. A. Makarova</i>).....	179
Collective nicknames of Chadroma villages people (Ustjansky district of the Archangelsk region) (<i>V. N. Kalutskov</i>)...	185
Jubilees	188
Yelena Nikolayevna Polyakova: the Investigator and the Teacher (<i>T. A. Sirotkina, I. I. Rusinova</i>).....	188
ABBREVIATIONS	192

С Т А Т Ь И

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2007. № 4

М. Гарвалик

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

The first part of the article analyses some examples of particular onomastic terms and their meanings. It attempts to illustrate the differences between different languages and onomastics schools and to show how the further development of onomastic research could be improved by means of adopting a more unified terminology. In the next part, the author informs about recent activities of the Terminology Group of the International Council of Onomastic Sciences (ICOS), the aim of which is – on the basis of existing dictionaries of onomastic terminology and excerpts from onomastic works – to elaborate an international manual of current onomastic terms with their definitions. Last, but not least, the study also aims to lay the ground for a new, revised and enlarged edition of the Osnoven sistem i terminologija na slovenskata onomastika (Basic System and Terminology of Slavonic Onomastics).

Настоящая статья базируется на двух работах автора, подготовленных для 21-го международного конгресса ономастических наук (Упсала, 2002 г.) и для 13-ой польской ономастической конференции (Кальборния, 2002 г.) [см.: Harvalik, 2005; 2003]. Статья продолжает и дополняет их новыми результатами, полученными во время работы над международным словарем основных ономастических терминов, подготовляемым терминологической группой при Президиуме Международного совета ономастических наук (*International Council of Onomastic Sciences – ICOS*).

Начиная со второй половины XX в., в связи с активизацией изучения проблем общей теории ономастики, мы оказываемся свидетелями углубленной разработки ономастической терминологии. Существует несколько причин, вызывающих интерес к данной специфической ономастической поддисциплине, при этом одной из главных является значительно более интенсивное международное сотрудничество

и взаимосвязь, чем это было в прошлые годы. Отдельные направления и методы исследований собственных имен устанавливают более тесные взаимные контакты, что в некоторой степени усложняется расхождениями в применяемой терминологии. Такие расхождения являются следствием неодинаковой степени проработки теоретических подходов к именам собственным и разных мнений о них и представляют серьезное препятствие как для межъязыковых контрастивных исследований, так и для дальнейшего развития принципов общей теории ономастики.

Ономастической терминологии, ее формированию, применению и унификации уделяется внимание в мировом масштабе, о чем свидетельствует существование разных типов ономастических терминологических словарей и ряда работ, посвященных указанной проблематике [ср. в частности: Alhaug, 2002; Aljoksina, 2001, 2002; Brylla, 2001; De Stefani, 2004; Dorion, Poirier, 1975; Frydriх, 1966a, 1966b; Helleland, 2001; Kaleta, 1998; Karaś, 1968; Kiviniemi, Pitkänen, Zilliacus (ред.), 1974; Kuba, 1997; Majtán, 1976, 1979, 1989; Miodunka, 1971; Нимчук, 1966; Olivová-Nezbedová, 1998; Основен систем..., 1983; Petr, 1969; Pleskalová, 2000; Подольская, 1988; Room, 1996; Rzetelska-Feleszko, 1993; Schmidt, 1981; Smith, 1967; Sonderegger, 1985; Strandberg, 2001, 2002; Svoboda, 1961a, 1961b, 1964; Svoboda, Šmilauer et al., 1973; Šmilauer, 1976; Šrámek, 2000, 2003; Vasil'eva, 1998; Walther, 1998; Witkowski, 1964, 1995; Zgusta 1966, 1967, 1995, 1996, 1998]. О важности, придаваемой ономастической терминологии, свидетельствует и тот факт, что этому вопросу уделяется внимание также в работах, первоначально ориентированных или более широко, или даже на иную проблематику.

Основные трудности, с которыми мы встречаемся при сопоставлении отдельных ономастических терминологий, связаны с использованием нескольких разных терминов для обозначения одного и того же явления или типа имен, с разным пониманием (содержанием) одного и того же термина в разных ономастических школах, а также с конкуренцией международных и отечественных терминов. Укажем на некоторые случаи неоднозначного понимания терминов и/или их определений. Целью в данном случае является не рассмотрение того, какие обозначения и толкования терминов более или менее пригодны, а демонстрация того факта, что одно и то же называют часто по-разному, а разное – одинаково [ср.: Harvalík, 2005].

Особенно показательна разнородность в обозначении отдельных классов хремотонимов и в их классификации. Данный факт в значительной мере обусловлен тем, что изучение указанной онимической системы в большей мере развивается только в последние годы, следовательно, в ее изучении нет столь долгой традиции, как у исследования топонимов или антропонимов. Сам термин *хремотоним* понимают по-разному. В славянской ономастической терминологии его определяют как «собственное имя вещи, созданной человеком, не прикрепленной к данной территории: а) собственное имя общественного явления (праздника и т. п.), б) собственное имя общественного института, в) собственное имя предмета или продукта: аа) единичной продукции (пароход, колокол, картина), бб) серийной (автомобиль, мотоцикл, пищевая машинка, косметический препарат и т. д.)» [Основен систем..., 1983], причем в комментарии к данному заглавному слову указано, что в русском

языке имена серийной продукции не считаются собственными именами и что в немецком к хремотонимам относятся только собственные имена объектов, указанных в группе «а», с другой стороны, к ним относятся не только изделия человеческого производства. А. Рум рассматривает хремотонимы как «unique cultural objects of value» (единичные культурные объекты, представляющие определенную ценность) [см.: Room, 1996], Г. Дорион и Й. Пуарье считают *chrématonymes* собственными именами средств транспорта [Dorion, Poirier, 1975] – для них, однако, употребляется также термин *порейонимы* [Подольская, 1988; Majtán, 1989, 12; Knappová, Harvalík, Šrámek, 2000, 36].

С вариантностью терминов можно встретиться также в обозначении собственных имен фирм, предприятий, магазинов и т. п. В чешском языке наряду с термином с более широким значением *institucionyma* (институционимы) применяются также наименования *firemní názvy* (фирменные названия) [Čechová, 1994], *obchodní jména* (коммерческие названия) [Knappová, 1995a], *hospodářská chrématonyma* (хозяйственные хремотонимы) [Она же, 1995б]. В словацком языке в последнее время входит в употребление термин *logonyma* (логонимы) [Horecký, 1994], польский язык предпочитает обозначения *nazwy firm, nazwy firmowe* (названия фирм, фирменные названия) [Rzetelska-Feleszko, 2000]. Следующим примером являются термины, обозначающие имена (названия) серийных изделий: здесь встречаются *pragmatonyma, sérionyma* (прагматонимы, серионимы) в чешском и словацком языках [Majtán, 1989, 12; Kuba, 1997, 13; Šrámek, 1999, 14] и *Ökonymen, Produktnamen* (эконимы, названия продуктов) в немецком языке [Platen, 1997].

Пожалуй, еще более запутанное положение в употреблении терминов наблюдается в топонимике. Для названий неживых природных объектов и тех созданных человеком объектов, которые не предназначены для жилья и которые закреплены в ландшафте, славянская ономастика ввела, наряду с национальными терминами, обозначение *анойконимы* [Основен систем..., 1983]. Данный термин, однако, в русском языке относится только к собственным именам незаселенных объектов, созданных человеком [Основен систем..., 1983; Подольская, 1988]. В значении широко понимаемого анойконима некоторые славянские и немецкие ономасты употребляют термин *микротопоним*, который в русском языке отведен для названий земельных участков [Основен систем..., 1983]. Согласно Подольской [1988], он обозначает собственные имена объектов (природных или созданных человеком), известных только узкому кругу людей, живущих вблизи них; это ограничение соответствует пониманию так называемых *(mikro)sociální toponyma* ((микро)социальных топонимов) Й. Кршко [см.: Krško, 1998, 1999]. В немецких ономастических работах часто встречается термин *Flurnamen*, определение которого обычно соответствует тому, что в славянской ономастике в большинстве случаев называется чеш. *pozemkové jméno*, словац. *chotárny názov*, польск. *nazwa terenowa*, луж. *parcelowe mjeno*, рус. *микротопоним*, укр. *урочище*, белор. *урочишча*, хорв. *mikrotoponim, zemljišno ime*, серб. *микротопоним*, словен. *ledinsko ime, katastersko ime*, макед. *микротопоним*, болг. *земищно име, име за полски имот* [Основен систем..., 1983]. С. Сондереггер различает *Flurnamen im engeren Sinne* и

Flurnamen im weiteren Sinne (названия полей в узком и широком смысле) [см.: Sonderegger, 1985, 2070], причем в его понимании содержание второго из данных терминов приближается к пониманию анойконима в «Основной системе и терминологии славянской ономастики», но не включает, однако, гидронимы, являющиеся, согласно славянской терминологической системе, подгруппой анойконимов. Близкие по смыслу значения и размытые границы имеют также *hodonyma* (гдонимы – в славянских языках, за исключением русского, собственные имена всех транспортных коммуникаций [Основен систем..., 1983], в русском языке подгруппа урбанонимов – собственные имена проспектов, улиц, бульваров, набережных и т. п.) и *dromonyma* (дромонимы – в русском языке собственные имена транспортных коммуникаций, но не на территории городов [Основен систем..., 1983; Подольская, 1988]).

Как следует из представленных примеров, многозначность и неопределенность терминов приводят к неясностям, и иногда только на основе приведенных конкретных названий можно понять, что автор имеет в виду. Неопределенная терминология, конечно, не может удовлетворительно выполнять свои функции. С течением времени, однако, термины уточняются и стабилизируются, но если этот процесс не будет координироваться, то стабилизация станет долгосрочным процессом с неопределенным результатом. Поэтому употребляемая терминология должна стать результатом коллективной работы и соглашения или же можно предусматривать ее обязательное закрепление законом.

По этой причине автор настоящей статьи предложил в своем докладе на 21-ом международном конгрессе ономастических наук в г. Упсала в 2002 г. учредить при ICOS специальную комиссию, целью которой была бы разработка международного пособия по употребляемым ономастическим терминам (вместе с их определениями) на основе существующих словарей ономастической терминологии и выписок из ономастических работ [см.: Harvalík, 2005].

Данная терминологическая группа, работающая при Президиуме ICOS, была основана на заседании Президиума ICOS в Праге (25–27.03.2004 г.) и в настоящее время насчитывает 12 членов (в большей части речь идет одновременно о членах Президиума ICOS), представляющих отдельные языки, страны или регионы и ономастические школы, – *Терхи Айниала* (Terhi Ainiala, Финляндия), *Пьер-Анри Билли* (Pierre-Henri Billy, Франция), *Дуня Брозович Рончевич* (Dunja Brozović Rončević, Хорватия), *Энзо Каффарелли* (Enzo Caffarelli, Италия), *Анна Мария Гонзалес* (Ana María Cano González, Испания), *Ричард Коутс* (Richard Coates, Великобритания), *Дорин Герритзен* (Doreen Gerritzen, Нидерланды), *Альбрехт Грюль* (Albrecht Greule, Германия), *Милан Гарвалик* (Milan Harvalík, Чешская Республика – председатель), *Нафтали Кадмон* (Naftali Kadmon, Израиль), *Мартина Питц* (Martina Pitz, Германия, Франция), *Матс Вахльберг* (Mats Wahlberg, Швеция). Работа ведется в сотрудничестве и с ономастами других стран, стоящими вне этой терминологической группы.

Ввиду многолетних традиций употребления терминов в отдельных ономастических школах деятельность группы не состоит в какой-либо унификации, строго устранивающей или подавляющей существующие и употребляемые термины и на-

сильно вводящей иные. На первом этапе работы (2004–2005 гг.) речь шла только об установлении современного узуса, следовательно, о преимущественно дескриптивном подходе. Члены группы сначала при посредстве *e-mail*-дискуссии и на своих заседаниях составили относительно небольшой перечень ключевых ономастических терминов (т. е. тех, употребление которых не ограничивается лишь несколькими языками или ономастическими школами и которые не имеют слишком узкого или специфического значения) на английском языке, дополнили их определениями и конкретными примерами. В ходе работ международного ономастического симпозиума в г. Задар (сентябрь 2004 г.) по вопросу выбора заглавных слов и определения терминов были проведены консультации с другими специалистами – ономастами из Хорватии, России, Финляндии, Латвии, Италии и Южной Африки, мнения которых в значительной мере содействовали общему облику словаря. Указанный выше словарь употребляемых ономастических терминов в трехязычной версии (на официальных языках ICOS – английском, немецком и французском) был представлен на 22-ом международном конгрессе ономастических наук в г. Пиза (28.08.05–03.09.05) и в ближайшее время будет опубликован на Интернет-сайтах ICOS. С целью как можно большей доступности словаря предусматривается также создание версий на других языках – в ближайшее время русской, испанской и итальянской.

Данный терминологический словарь облегчит ориентацию в национальных ономастических терминологиях и одновременно станет исходным пунктом для дальнейшей работы терминологической группы, когда можно будет на основе анализа отдельных терминов и их определений подойти к предписаниям, точнее говоря, рекомендациям относительно того, какие термины употреблять и как их понимать. При создании международного словаря вошедших в употребление и рекомендованных ономастических терминов можно в методологическом отношении исходить из приемов, примененных в существующих словарях ономастической терминологии, особенно в «Основен систем и терминологија на словенската ономастика» [1983].

Нужно, однако, учесть, что со времени издания «Основен систем...» прошло свыше двадцати лет, и поэтому в нем не могут отражаться новейшие тенденции, находящие в последнее время отражение в исследованиях собственных имен и предполагающие возникновение и употребление новых терминов или модификацию в определениях существующих терминов. Следовательно, теперь наступило самое время для того, чтобы инициировать его новое, дополненное и расширенное издание [ср.: Šrámek, 2003; Harvalík, 2003]. Это полностью соответствует намерениям авторов, структурировавших с учетом данного факта «Основную систему и терминологию славянской ономастики» [ср.: Основен систем..., 1983, 71; Olivová-Nezbedová, 1998, 49].

Необходимой предпосылкой для данной работы является обстоятельная выписка терминов из славянских ономастических работ последних лет, сопоставление выявленных терминов и их точное определение, которое исключит многозначность и употребление одних и тех же терминов в разных значениях. Наряду с терминами, обозначающими отдельные группы или типы собственных имен, особого внима-

ния заслуживают в первую очередь понятия, относящиеся к теории и методологии славянской ономастики. Однако, безусловно, следует учитывать общепринятый узус при употреблении терминов в отдельных языках.

В связи с необходимостью расширенной международной коммуникации во время подготовки нового издания словаря славянской ономастической терминологии представляется весьма полезным указать наряду с немецкими терминами и определениями также их эквиваленты на иных языках, в первую очередь на английском и французском, или же на других мировых или европейских языках (например, на испанском или итальянском). Проработанные теоретико-методологические принципы позволяют дать славянской ономастике при международном сопоставлении очень хорошую оценку. Однако за рубежом ряд ее достижений лишь с большим трудом находит себе применение из-за языкового барьера. Поэтому в интересах более глубокого проникновения в мировую науку было бы полезно больше знакомить специалистов за рубежом с результатами исследований славянских ономастов, в первую очередь путем публикаций на языках мирового значения в зарубежных журналах и сборниках и участия в международных конгрессах и конференциях.

Следовательно, новое, расширенное издание «Основной системы и терминологии славянской ономастики» (при условии, что оно снискает признание) принесет пользу в нескольких направлениях: существование актуализированной единой славянской терминологической системы может внести большой вклад в разработку словаря международной ономастической терминологии и одновременно облегчит на международных форумах презентацию научных результатов, которых славянская ономастика достигла в своих исследованиях.

Німчук В. В. Українська ономастична термінологія // Повідомлення української ономастичної комісії. Вип. 1. 1966.

Основен систем и терминологија на словенската ономастика. Основная система и терминология славянской ономастики. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Скопје, 1983.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Alhaug G. Dobbeltnamn og nokre andre termproblem i det terminologiske feltet til dobbeltnamn // Namn och samhälle 13. Nordiskt och ryskt i namnforskningen 2. Uppsala, 2002. S. 7–22.

Aljoksjina M. Russisk antroponymisk terminologi med utgangspunkt i N. Podol'skajas terminologiske ordbok // Namn och samhälle 11. Nordiskt och ryskt i namnforskningen. Rapport från ett symposium om onomastisk terminologi i Uppsala 17 december 1999. Uppsala, 2001. S. 23–41.

Aljoksjina M. Termenes divergens i norsk og russisk antroponymisk terminologi // Namn och samhälle 13. Nordiskt och ryskt i namnforskningen 2. Uppsala, 2002. S. 23–55.

Brylla E. Terminologiska problem inom nordisk personnamnforskning // Namn och samhälle 11. Nordiskt och ryskt i namnforskningen. Rapport från ett symposium om onomastisk terminologi i Uppsala 17 december 1999. Uppsala, 2001. S. 64–75.

Čechová M. Současné změny ve firemních názvech // Naše řeč 77. 1994. S. 169–178.

- De Stefani E.* La terminologia nell'onomastica // *Rivista Italiana di Onomastica* X. 2004. P. 53–71.
- Dorion H., Poirier J.* Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec, 1975.
- Frydrieh M.* Onymie nebo onomastikon? // *Zpravodaj Místopisné komise ČSAV VII*. 1966a. S. 265–267.
- Frydrieh M.* Využití antických řeckých termínů v onomastické terminologii // *Zpravodaj Místopisné komise ČSAV VII*. 1966b. S. 160–162.
- Harvalik M.* K současnému stavu slovanské onomastické terminologie // *Metodologia badań onomastycznych*. Olsztyn, 2003. S. 43–49.
- Harvalik M.* Towards a New Millennium – Towards a Common Onomastic Terminology? // *Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences*, Uppsala 19–24 August 2002, 1. Uppsala, 2005. P. 161–171.
- Helleland B.* FNs terminologiliste for geografiske navn jamført med Fagordliste for norsk namnegransking // *Namn och samhälle* 11. Nordiskt och ryskt i namnforskningen. Rapport från ett symposium om onomastisk terminologi i Uppsala 17 december 1999. Uppsala, 2001. S. 76–102.
- Horecký J.* Logonomastika ako onomastická disciplína // *Jazyková a mimojazyková stránka vlastných mien*. 11. slovenská onomastická konferencia. Nitra 19–20. mája 1994: Zborník referátov. Bratislava; Nitra, 1994. S. 76–78.
- Kaleta Z.* Kierunki i metodologia badań. Terminologia // *Polskie nazwy własne: Encyklopedia*. Warszawa; Kraków, 1998. S. 45–81.
- Karaš M.* Słowiańska terminologia w zakresie obiektów zamieszkałych // *Zpravodaj Místopisné komise ČSAV IX*. 1968. S. 133–141.
- Kiviniemi E., Pitkänen R. L., Zilliacus K.* Nimistöntutkimuksen terminologia. Terminologin inom namnforskningen. Helsinki, 1974.
- Knappová M.* Obchodní jméno jako fenomén onomaziologický a sociologický // *Slovo a slovesnost* LVI. 1995a. S. 276–284.
- Knappová M.* Proměny hospodářských chrématonym // *Termina* 94. Liberec 21–23 června 1994. Konference o odborném stylu a terminologii: Sborník příspěvků. Liberec, 1995b. S. 152–157.
- Knappová M., Harvalik M., Šrámek R.* Tschechische Namenforschung in den Jahren 1993–1999 // *Onoma* 35. 2000. S. 19–69.
- Krško J.* Mikrosociálne toponymá // 13. slovenská onomastická konferencia Modra-Piesok 2–4 októbra 1997, Zborník materiálov. Bratislava, 1998. S. 115–119.
- Krško J.* Výskum mikrosociálnych toponým // *Propria v systéme mluvnického a slovotvorného* (Sborník příspěvků z mezinárodní konference «Onomastika a škola» konané v Brně ve dnech 10–11.2.1998). Brno, 1999. S. 89–93.
- Kuba L.* Dozná Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky brzkých změn? // *Acta onomastica* XXXVIII. 1997. S. 13–14.
- Majtán M.* Základná slovenská toponomastická terminológia // V. zasadanie Medzinárodnej komisie pre slovanskú onomastiku a V. slovenská onomastická konferencia (Prešov 3–7 mája 1972). Zborník materiálov. Bratislava, 1976. S. 113–116.
- Majtán M.* Onomastické termíny podľa objektov pomenovaných menami // *Kultúra slova* 13. 1979. S. 153–159.
- Majtán M.* Klasifikácia chrématonymie // *Chrématonyma z hľadiska teórie a praxe: Sborník z 3. celostátného seminára «Onomastika a škola»*. Ústí nad Labem 21–22.6.1988. Brno, 1989. S. 7–13.
- Miodunka W.* Konferencja terminologiczna Komisji onomastycznej Międzynarodowego komitetu slawistów // *Zpravodaj Místopisné komise ČSAV XII*. 1971. S. 791–796.
- Olivová-Nezbedová L.* K hierarchii onomastických termínů podle objektů pojmenovaných vlastními jmény // *Acta onomastica* XXXIX. 1998. S. 46–54.
- Petr J.* Lužickosrbská onomastická terminologie // *Zpravodaj Místopisné komise ČSAV X*. 1969. S. 538–552.
- Platen Ch.* Ökonymie. Zur Produktnamen-Linguistik im Europäischen Binnenmarkt. Tübingen, 1997.

- Pleskalová J.* K problémům onomastické terminologie // Čestina – univerzália a specifika 2: Sborník konference ve Šlapanicích u Brna 17–19.11.1999. Brno, 2000. S. 41–46.
- Room A.* An Alphabetical Guide to the Language of Name Studies. London, 1996.
- Rzetelska-Feleszko E.* Polska terminologia onomastyczna. Problematyka // Zeszyty Naukowe UG, Prace Językoznawcze 17–18. 1993. S. 217–222.
- Rzetelska-Feleszko E.* Praskie nazwy firmowe // Onomastické práce. Svazek 4: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. PhDr. Ivana Lutterera, CSc. Praha, 2000. S. 424–430.
- Schmidt T.* Fagordliste for norsk namnegransking. Oslo, 1981.
- Smith E. C.* Treasury of Name Lore. Sketches and Observations On the Names We Bear. N. Y.; Evanston; London, 1967.
- Sonderregger S.* Terminologie, Gegenstand und interdisziplinärer Bezug der Namengeschichte // Sprachgeschichte: Ein Handb. zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Zweiter Halbband. Berlin; N. Y., 1985. S. 2067–2087.
- Strandberg S.* Rysk onomastisk terminologi. Kommentarer från en nordbo // Namn och samhälle 11. Nordiskt och ryskt i namnforskningen. Rapport från ett symposium om onomastisk terminologi i Uppsala 17 december 1999. Uppsala, 2001. S. 103–109.
- Strandberg S.* Kortformer och smeknamn i Ryssland och Sverige // Namn och samhälle 13. Nordiskt och ryskt i namnforskningen 2. Uppsala, 2002. S. 57–62.
- Svoboda J.* K slovanské onomastické terminologii // I Międzynarodowa Slawistyczna Konferencja Onomastyczna: Księga referatów. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961a. S. 127–136.
- Svoboda J.* Zpráva ze subkomise pro onomastickou terminologii // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV II. 1961a. S. 322–324.
- Svoboda J.* Otázky onomastické terminologie na V. sjezdu slavistů // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV V. 1964. S. 39–40.
- Svoboda J., Šmilauer V., Olivová-Nezbedová L., Oliva K., Witkowski T.* Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV XIV. 1973. S. 1–280.
- Šmilauer V.* Třídění vlastních jmen (teze) // V. zasadanie Medzinárodnej komise pre slovanskú onomastiku a V. slovenská onomastická konferencia (Prešov 3–7 mája 1972): Zborník materiálov. Bratislava, 1976. S. 109–111.
- Šrámek R.* Úvod do obecné onomastiky. Brno, 1999.
- Šrámek R.* Zur Frage der namentheoretischen Auffassung der Anonymie (am Beispiel der Ononymie) // Onomastické práce. Svazek 4: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. PhDr. Ivana Lutterera, CSc. Praha, 2000. S. 449–458.
- Šrámek R.* Tematizace slovanské onomastické terminologie // Metodologia badań onomastycznych. Olsztyn, 2003. S. 31–42.
- Vasil'eva N.* Onymisch oder *proprial*? Zu Internationalismen in der onomastischen Terminologie // Namenkundliche Informationen 74. 1998. S. 53–61.
- Walther H.* Namenkunde und geschichtliche Landeskunde. Heft 2. Erläuterung namenkundlicher Fachbegriffe. Leipzig, 1998.
- Witkowski T.* Grundbegriffe der Namenkunde. Berlin, 1964.
- Witkowski T.* Probleme der Terminologie // Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik I. Berlin; N. Y., 1995. S. 288–294.
- Zgusta L.* Ještě několik slov k «onymii» // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV VII. 1966. C. 261–264.
- Zgusta L.* Ještě naposled k «onymii», s přídavkem o «onomastice» // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV VIII. 1967. S. 147–151.
- Zgusta L.* Systematická terminologie onomastiky // Acta onomastica XXXVI. 1995. S. 262–272.
- Zgusta L.* Names and Their Study // Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik II. Berlin; N. Y., 1996. C. 1876–1890.
- Zgusta L.* The Terminology of Name Studies (In Margine of Adrian Room's *Guide to the Language of Name Studies*) // Names 46. 1998. P. 189–203.

* * *

Милан Гарвалик – доктор филологии, старший научный сотрудник, заведующий отделом ономастики Института чешского языка АН Чешской Республики, вице-президент Международного совета ономастических наук (International Council of Onomastic Sciences).

А. К. Матвеев

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

The discussion around the problem of the Russian North substrate toponymy language classification, raised by Khelimsky E.A., goes on in the article. The author considers the suggested decision as perspective though some peculiarities of substrate toponyms study are not taken into account and already discovered facts are not fully used in the given classification. The suggested terminology is also arguable.

Основываясь на изданных нами материалах [см.: Матвеев, 2001; 2004], Е. А. Хелимский предлагает выделить северо-западную группу финно-угорских языков, полагая, что северо-западные финно-угорские языки восходят к праязыку, который «в традиционной классификации фигурирует как “финно-саамский” или как “раннеприбалтийско-финский” ((*varhais*)*kantasuomi*)» [Хелимский, 2006, 38]. В состав северо-западной группы финно-угорских языков включаются прибалтийско-финская, саамская, лопская, тоймская и, возможно, мерянская и тверская ветви [Там же, 38–40].

Предлагаемый опыт классификации перспективен, но вызывает ряд замечаний и возражений, начиная с постановки вопроса. Е. А. Хелимский считает, что «при интерпретации лексического (в первую очередь топонимического) наследия на соответствующих территориях использование северо-западных (фактически финно-саамских) и финно-угорских реконструкций более эффективно и методологически более корректно, чем обращение к данным современных прибалтийско-финских и саамских диалектов и тем более волжских, пермских, угорских и самодийских языков» [Там же, 41]. Этот тезис, однако, трудно реализовать как раз в области субстратных топонимов, поскольку их семантика неизвестна, а глу-

бокие (в нашем случае финно-саамские) реконструкции нередко спорны или вообще отсутствуют. Рассмотрим этот принципиальный вопрос более подробно.

Во-первых, надо учитывать, что мы имеем дело с мертвыми языками и «северо-западные» топонимы еще недавно интерпретировались некоторыми исследователями не как финно-саамские, а как пермские, угорские и даже самодийские. Есть ученые, которые и сейчас отстаивают угорскую версию их происхождения. Восстанавливать факты неизвестного мертвого языка при помощи праязыковых реконструкций можно только в тех случаях, когда эти реконструкции не вызывают таких сомнений, как, например, «финно-саамское» **järvä* ‘озеро’ [Korhonen, 1981, 89], уязвимое в свете прасаам. **jävrē* [Lehtiranta, 1989, 34] и субстр. РС **jagr(V)*, **jaxr(V)*. Поскольку прасаамский язык распался сравнительно недавно (приблизительно 2 000 лет тому назад) [см.: Saarikivi, 2004, 167–168] и реконструкции прасаамских лексем в большинстве случаев доказательны [Lehtiranta, 1989], прасаамские формы широко использовались и в нашей работе, тем более что вопрос о древней саамской топонимии на РС дискусионен. Напротив, прибалтийско-финские праформы не принимались во внимание, так как миграции прибалтийских финнов на территорию РС были поздними, прибалтийско-финские названия в большинстве случаев этимологически прозрачны и проблема только в том, что трудно установить конкретные источники прибалтийско-финской субстратной топонимии РС.

Во-вторых, учитывая специфику топонимической этимологии (асемантическую субстратных форм) рискованно обращаться к праязыкам, само существование которых пока не является общепризнанным. Так именно обстоит с *varhaiskantasuomi* (раннеприбалтийско-финским) языком, который правильнее было бы называть прафинно-саамским. Е. А. Хелимский, очевидно, уверен в существовании этого праязыка, но есть и столь же убежденные противники [см.: Saarikivi, 2004, 167–171], так что «вопрос о существовании раннеприбалтийско-финского языка может считаться открытым» [Там же, 169]. Тем не менее в нашей монографии иногда использовались финно-саамские реконструкции, ср. **püšä* ‘святой’, **lešte* ‘лист’ и некоторые другие [см.: Матвеев, 2004, 235, 237]. Вполне может быть, что такой праязык действительно существовал, а после его распада возникли «северо-западные» языки, хотя термин «северо-западный» не кажется адекватным (см. о нем ниже). Но считать это доказанным можно будет только, если удастся выявить хотя бы некоторые фонетические, лексические, словообразовательные, а при особой удаче и морфолого-синтаксические черты субстратных языков (не следует забывать, что в нашем распоряжении, кроме отдельных лексических заимствований, только топонимический – порою очень ограниченный – материал), которые позволят дифференцировать выделенные ветви и выйти за рамки, уже очерченные многократно использованным прибалтийско-финским и саамским материалом.

Проблема еще и в том, что прафинно-саамские реконструкции часто спорны или вообще невозможны. О праформе **järvä* ‘озеро’ уже говорилось выше, для семантемы ‘лебедь’ при фин. *joutsen* и прасаам. **ñukce*, видимо, никто не рискнет восстанавливать финно-саамскую праформу, для ‘пролив’ при фин. *salmi* и прасаам. **éolmē* реконструируют **solma* [Korhonen, 1981, 87] и **colma* [Saarikivi, 2004, 197],

для 'река' – **juka* [Хелимский, 2006, 41] и **joke* [Korhonen, 1981, 87]. Для праса-амских **čāsē* 'вода' и **čukčē* 'глухарь' вообще нет прибалтийско-финских соответствий. А ведь все это важнейшие топонимообразующие лексемы. Именно поэтому учитывать финно-саамские реконструкции необходимо, но трудно представить, что их использование «более эффективно и методически более корректно» [Хелимский, 2006, 41]. У топонимической этимологии давно апробированный путь: от топонимических фактов к языковым (не исключая и реконструированные) с последующим восстановлением лексического инвентаря мертвых языков, их фонетических и словообразовательных особенностей и выявлением связей с живыми и мертвыми языками. Есть надежда, что, напротив, исследование субстратной топонимии РС, открывающее новые источники для финно-угроведения, будет иметь большое значение для решения вопроса о существовании финно-саамского («северо-западного») праязыка и адекватности реконструкций его лексики (см., например, о праформе **solma*: [Матвеев, 2004, 243–251]). Для доказательства реальности этого праязыка нужны новые факты и их объективная интерпретация. Субстратная топонимия РС в этом отношении бесценна.

В-третьих, наконец, в статье Е. А. Хелимского речь идет о северо-западной группе финно-угорских языков. Таким образом, классификация финно-угорских языков представляется в следующем виде: северо-западные (финно-саамские, а также субстратные языки РС и смежных областей), марийские, мордовские¹, пермские и угорские. Поскольку обычное членение финно-угорских языков на финские и угорские тем самым элиминируется, подобную новацию следовало бы, наверное, обосновать.

Проблема связей прибалтийско-финского и саамского праязыков достаточно хорошо разработана, и это освобождает нас от необходимости касаться ее в статье. Заметим только, что нерешенность вопроса о существовании прафинно-саамского языка, а также неразработанность относительной хронологии ведут к альтернативе с далеко идущими последствиями: включать ли в состав северо-западной группы финских языков прибалтийско-финскую и саамскую ветви² по отдельности или прафинно-саамскую ветвь как целое. Этот сложный вопрос выходит, однако, за рамки нашей статьи.

Таким образом, речь должна идти о лопской, тоймской (лучше все-таки было бы «тоемской»), как это принято в местном произношении, ср. *Верхнетоемский район*), а также мерянской и тверской ветвях намечаемой северо-западной группы финских языков.

Для решения «лопской проблемы» накоплен значительный материал, который частично уже проанализирован. Возможна различная интерпретация этого материала. С нашей точки зрения, на территории РС в древности были распространены саамские наречия, наиболее существенным отличием которых от языков фен-

¹ Или волжско-финские (марийские и мордовские), если принимать гипотезу волжско-финского единства.

² Сохраняем терминологию, принятую Е. А. Хелимским.

носкандинавских саамов³ являлось отсутствие протосаамской лексики и соответственно употребление вместо нее других слов, обычно функционирующих в тех или иных финских языках, чаще всего прибалтийско-финских [см.: Матвеев, 2004, 226–227].

Выделяя лопскую ветвь северо-западной группы финских языков и подчеркивая, что носители лопского языка (языков?) не испытали воздействия со стороны протосаамского субстрата, Е. А. Хелимский солидаризируется с высказанным нами положением, но считает целесообразным использовать в этом случае особый термин. Действительно, сейчас с трудом представляется саамский язык без протосаамского субстрата. Но дело, разумеется, не только в термине. Ассимиляция протосаамского населения Фенноскандии произошла, видимо, не в столь отдаленные времена, когда саамы осваивали новые для них северные территории [ср.: Saarikivi, 2004, 171]. Поэтому ничто не мешает предположить, что определенная часть саамов на крайнем востоке древнего саамского ареала вообще не испытала (или почти не испытала) лингвоэтнического воздействия со стороны протосаамов по той причине, что таковых там не было (или почти не было).

Соответственно, «лопскую проблему» можно свести к следующей альтернативе.

Вариант 1. У саамов Фенноскандии и древних саамов РС был общий праязык, но с течением времени на саамов Фенноскандии (когда они продвинулись на север) воздействовал протосаамский субстрат. В этом случае говорить об особой лопской ветви вряд ли целесообразно, если только не будут выявлены такие ее языковые особенности (кроме отсутствия протосаамского субстрата), которые явно противопоставят эту ветвь саамским языкам Фенноскандии. Наличие финского термина *lappi* (> рус. *Лопь*) ‘саамы’ в этой ситуации также не будет способствовать использованию термина «лопская ветвь»⁴.

Вариант 2. У саамов Фенноскандии и древних саамов РС были разные корни (праязыки), а впоследствии на саамов Фенноскандии воздействовал протосаамский субстрат. В этом случае может быть целесообразно использовать предлагаемый Е. А. Хелимским термин, выделяя особую лопскую ветвь, которая тем самым вводится в северо-западную группу финских языков на равных правах с прибалтийско-финской и собственно саамской ветвью.

Задача, следовательно, сводится к тому, чтобы показать специфику лопской ветви, отличающую ее от саамских языков Фенноскандии. Эта проблема затронута, в частности, в статье Я. Саарикиви [см.: Saarikivi, 2004], пафос которой в том, что многое в лексике, извлеченной из субстратной топонимии саамов РС, трудно отделить от древних прибалтийско-финских форм, тем более что в старину бли-

³ Включаем в их число и кольских саамов.

⁴ У нас мало данных об этнониме *лопь* и его функционировании на РС, хотя он в какой-то мере отражен в этнотопонимии региона [см.: Матвеев, 2004, 210]. Скорее всего *лопь* – внешний этноним. В русской традиции древняя *лопь* и ее представители *лопари* или *лопяне* отождествлялись с саамами. Поэтому возникает вопрос, как называть носителей языка лопской ветви. *Лопари?* *Лопяне?* Но если древние саамы РС вовсе не саамы, то как мы можем именовать их *лопарями* или *лопянами*? А если они саамы, то зачем называть их внешним этнонимом?

зость этих языков была более значительной. Поэтому «саамство» (*Saamentum*) древних насельников РС проблематично. Позиция Саарикиви не очень определена, но как будто бы он склоняется к мысли о существовании на РС древних языков, близких как к прибалтийско-финским, так и к саамским языкам. Такая постановка вопроса закономерна, и о возможности существования подобных языков на РС в древности мы в свое время тоже неоднократно писали [см., например: Матвеев, 1978, 61]. Этот путь многообещающ, если будет доказано, что собственно саамов (которые не испытали влияния протосаамского субстрата) на РС не было. Но для решения этого вопроса недостаточно выявления лексических различий, сколь бы существенными они не были, тем более что в значительной части эти различия обусловлены наличием или отсутствием протосаамского субстрата. Для дифференциации тех или иных языковых общностей, решения вопроса о существовании особого языка и тем более языковой ветви наиболее существенны сведения о фонетике субстратных языков, которые удастся получить при анализе древних названий.

В предположительно саамской субстратной топонимии РС часто сохраняется состояние, тождественное прасаамскому или близкое к нему, но нередки и явления, которые могут рассматриваться как более поздние и притом отражающие диалектные различия. Таковы топонимы с ярко дифференцирующей саамские названия консонантной группой *хч*, образованные от основ *нюхч*- ‘лебедь’, *чехч*- ‘осень’ (или ‘орел-рыболов’), *чухч*- ‘глухарь’ [см.: Матвеев, 2004, 94–95, 100, 103–105]. Они топонимически очень важны и широко распространены. Во всех этих случаях восстанавливаются прасаамские формы **ñukce*, **čekće* (или **čēkće*), **čukčē* и приведены соответствия в девяти основных саамских диалектах: западных – южному, Уме, Арьеплуг, Луле, норвежскому (северному) и восточных – Инари, Колтта, Кильдин и терскому [Lehtiranta, 88–89, 20–21, 24–25, 28–29]. Исключения минимальны – отсутствует соответствие для **čēkće* в диалектах Арьеплуг и южном, а также для **čukčē* в терском. Таким образом, эти слова распространены во всем современном саамском ареале, что и обусловило возможность уверенного восстановления соответствующих прасаамских форм, при этом в западных диалектах представлена консонантная группа *kt* (кроме северного, где *kč*), а в восточных – *hč*, *hčč*, *χč* (кроме терского, где *kč*, *kčč*). В то же время все приведенные саамские основы четко дифференцируются от прибалтийско-финских лексических соответствий: для **ñukce* при фин. *joutsen* реконструкция отсутствует, для **čukčē* – нет прибалтийско-финского соответствия (об отношении этого слова к коми *чукчи* см.: [Матвеев, 2004, 104–105]), а для **čekće*, **čēkće* восстанавливаются финно-саамские праформы **šükše* и **šäkše* [см.: Korhonen, 1981, 172, 96], предельно близкие к прибалтийско-финским, но отличные от прасаамских и тем более современных саамских диалектных форм.

Что же отражено в субстратной топонимии РС? Формы, аналогичные прасаамским, здесь не засвидетельствованы, поскольку прасаам. **c*, **č* в этих словах соответствует *ч* (*tš*), притом что в субстратной топонимии РС звуки типа **c*, **č* встречаются достаточно часто [см. об этом: Матвеев, 2004, 222]. Напротив, в суб-

стратной топонимии зафиксированы формы, соответствующие современным саамским диалектам. Хотя реализации саамских лексем при русской адаптации разнообразны, так что нередко параллельные формы, между которыми происходит интенсивное взаимодействие, основные типы консонансов выделяются достаточно четко, тем более что этому способствуют и ареальные данные. Рассмотрим реализации всех трех основ *нюхч*-, *чехч*- и *чухч*- [подробности см.: Матвеев, 2004, 94–95, 100, 103–105], причем варианты формы, как правило, более редкие, во внимание не принимаются.

С основой *нюхч*- выявлены 15 названий, с *нюкиш*- – 2, кроме того засвидетельствованы *Нюкчозеро* (*Нюхтозеро*), *Нюхтезеро* (*Нюхтьозеро*) и *Нюхтозеро*. С основой *чехч*- зафиксированы 2 названия, с *чекч*- – 4, с *чекш*- – 8. С основой *чухч*- выявлены 18 наименований, с *чукч*- – 7 и с *чукш*- – 6. Формы с группой *хт(ь)* редки, встречаются только в названиях с основой *нюхт(ь)*, и должны рассматриваться как вторичные, особенно ввиду возможности чередования *т' ~ ч'* на русской почве (ср. *Тюленьга ~ Чуленьга*, *Чуденьга ~ Тюденьга* в названиях одного объекта) и влияния со стороны консонанса *хт*, широко распространенного в разных типах субстратной топонимии РС. Образования с консонансом *киш* характерны для Белозерского края, а также смежных с ним территорий и принадлежат диалекту белозерских саамов. Наименования с группой *хч* распространены по всему северу региона, но особенно много их на востоке в бассейне Пинеги, тогда как топонимы с группой согласных *кч* преимущественно располагаются западнее между ареалами *хч* и *киш*, особенно в бассейне Северной Двины близ устья Ваги (4 названия) и у Онежского озера (3 названия).

Намеченные границы нечетки вследствие взаимодействия консонансных типов, тем не менее намечается ареальный переход *киш* > *кч* > *хч* с юго-запада региона на север и северо-восток, что дает возможность предполагать наличие диалектного членения. При этом восточные формы с *хч* соответствуют восточным саамским диалектам (кроме терского), формы с *кч* – северному и терскому, а формы с *киш* являются специфическим достоянием белозерского диалекта. Вывод об отражении в субстратной топонимии РС следа праязыковых саамских черт вполне вписывается в рамки наших сегодняшних знаний о саамском языке. Но если это типичные саамские диалекты, возникает вопрос, в чем языковая специфика лопской ветви, и не правильнее ли допустить существование в субстратной топонимии РС реликтов тех древних саамских диалектов, которые существовали на территориях, где протосаамов не было. Естественно, что при этом никоим образом нельзя отождествлять двинские (и тем более белозерские) наречия саамов с какими-либо современными диалектами саамов Финноскандии. Зато становится ясным, что древнесаамский язык функционировал на территории РС в диалектной форме.

Существование особой лопской ветви могут подтвердить только весомые фонетические доказательства, а именно выявление отличий лопских названий от собственно саамских, притом не случайных, а образующих систему или какой-либо ее более или менее значительный фрагмент. Необходимо также помнить о том, что древнесаамские диалекты РС могли развить инновации, которые неизвестны саамам Финноскандии.

Уже установленные фонетические и грамматические характеристики древних саамских наречий РС в своем большинстве не отделяют их от фенноскандинавских диалектов, а объединяют с ними. Так, соответствие саам. *s* ~ саам. РС *š* можно объяснять сохранением ф.-уг. **š* > саам. РС **š*, переходом саам. *s* > саам. РС **š* [см.: Матвеев, 2004, 220], палатальным характером саам. *s* на РС и его восприятием русскими как *ш* [см.: Saarikivi, 2004, 191]. Но в любом случае ясно, что все это факты саамской речи и их русской адаптации, которым противостоит переход **š* > *h* в прибалтийско-финских языках.

Для того чтобы выделить особую лопскую ветвь, важны были бы и структурные признаки, если они отражены в топонимии, что, вообще говоря, бывает нечасто. В данном случае речь может идти о форме генитива единственного числа, который в прасаамском языке характеризовался формантом **n*, типичным и для прибалтийско-финских языков, но затем был утрачен, кроме крайне западных диалектов – южного и Уме [см.: Korhonen, 1981, 212]. В других современных диалектах саамского языка генитивная форма единственного числа образуется путем изменения основы. На РС никаких следов древней генитивной формы в типично саамских названиях пока не обнаружено⁵. Таким образом, и по этому структурному признаку древние саамские наречия РС объединяются с большинством современных саамских диалектов.

Тем не менее ясно, что на РС были особые саамские наречия, частично отражающие древнее состояние. Так, они подобно прасаамскому языку, а также кильдинскому и терскому диалектам сохраняют носовые в интервокальных консонансах типа *носовой* + *гоморганный* [подробнее см.: Матвеев, 2004, 222]. В других случаях возникают инновации, в частности, с кильдинским диалектом саамские наречия РС роднит развитие **ĩ* (или **i*) из прасаам. **ō* [см.: Там же, 223–224]. Как архаизмы, так и инновации весьма важны, поскольку в какой-то мере указывают на сохранение древних лингвоэтнических связей между саамами РС и Фенноскандии (особенно восточными саамами).

Учет междиалектных соответствий имеет большое значение для практики этимологизации субстратных названий РС. Е. А. Хелимский считает небесспорной эволюцию прасаам. **ō* > саам. РС **ĩ* (*i*) > рус. *у*, поскольку в ряде случаев прасаам. **ō* > саам. РС **ō* (*o*) > рус. *о* [см.: Хелимский, 2006, 48–49]. Поэтому он склонен отвергнуть кастреновскую этимологию гидронима *Кулой* (~ прасаам. **kōlē*, Кильдин *küll* ‘рыба’), тем более что этот гидроним прилагается к двум крупным рекам, а фин. *oja* – ‘ручей’ [см.: Castrén, 1862, 102; Матвеев, 2004, 85–86]. Вза-

⁵ Е. А. Хелимский считает, что генитивная конструкция с формантом **n* отражена в многочисленных субстратных топонимах на *-Vn(b)ga* [см.: Хелимский, 2006, 41–44]. Проблема топонимов с формантом *-Vn(b)ga* заслуживает отдельного обсуждения. Здесь ограничимся замечанием, что зона саамских названий на РС совпадает с ареалом *-Vn(b)ga* только частично [см.: Матвеев, 2001, карты 2 и 6], например на северо-востоке РС в бассейне Пинеги, где названия типа *Вырмоньга* (прасаам. **vērme* ‘рыболовная сеть’), *Нельменьга* (прасаам. **ñālmē* ‘устье’), *Явроньга* (прасаам. **jāvvrē* ‘озеро’) и т. п. действительно могут содержать древнесаамский *n*-овый генитив [см. об этом: Матвеев, 2001, 272–273].

мен предлагается этимологическая альтернатива – фин. *kulo* ‘лесной пожар’ и *kuolo* ‘смерть’ [см.: Хелимский, 2006, 48–49]. Думается, однако, что старая этимология М. А. Кастрена не поколеблена.

Во-первых, на РС бытовал не прасаамский язык, а саамские диалекты, поэтому у прасаамского **ō* могли быть разные рефлексy. Свою роль могла сыграть и позиция (тип консонантного окружения) и русская адаптация.

Во-вторых, значения слов в современных и восстанавливаемых языках могут различаться. Следовательно, надо исходить из топонимической действительности, а формант *-ой* (*-оя*, *-уй*, *-уя*, *-бой* и т. п.) на РС употребляется и в значении ‘река’. Есть ряд регионов, где он широко представлен и даже господствует (Белозерский край). Его ареал охватывает бассейн Кулая, притока Ваги. Более северный Кулой, приток Мезенской губы, имеет, видимо, перенесенное название. Это доказывается тем, что метонимическая калька *Кулой* ~ *Коленьга* (приток Кулая) есть у обоих Кулаев. Еще одно соображение относится к сфере закономерностей топонимической номинации, где обычна соотносительность величины объектов и их названий. Именно поэтому очень большая река *Пинега* – «Малая река» (по сравнению с Северной Двиной, притоком которой она является). Важский Кулой по сравнению с Вагой – ручей, как и мезенский Кулой по сравнению с Мезенью. Наконец, если мы считаем, что *-ой* в гидрониме *Кулой* не имеет значения ‘река’ или ‘ручей’, то возникает вопрос, какова же семантика этого форманта⁶.

В-третьих, семантическая модель «Рыбная река» распространена очень широко, особенно у народов, живущих рыбной ловлей и охотой. Метонимическая калька *Кулой* ~ *Коленьга* со своей стороны поддерживает предложенную этимологию [см.: Матвеев, 2000, 111–112]. Альтернативные же этимологии неприемлемы прежде всего с точки зрения закономерностей топонимической номинации. «Горелые» и «Мертвые» реки и ручьи встречаются весьма часто в топонимии разных народов, но это, как правило, ситуативные названия, которые характерны для малых объектов. Значительные реки *Горелыми* и *Мертвыми* не называют. Надо также иметь в виду, что основа *кул-* в топонимии РС засвидетельствована неоднократно и, следовательно, означала нечто существенно важное для местного населения.

Результатом обсуждения «лопской проблемы» могут быть следующие соображения.

Если считать, что обособление саамских языков от прибалтийско-финских произошло до ассимиляции протосаамов (в прибалтийско-финских языках нет следов протосаамского субстрата), то в субстратной топонимии РС могут быть засвидетельствованы реликты саамской речи, не содержащей протосаамского компонента. Однако выделение лопской ветви может быть апробировано только в том случае, если будут выявлены значительные различия между саамскими языками Фенноскандии и РС, тогда как предлагаемая классификационная схема уже сейчас приравнивает лопскую ветвь к прибалтийско-финской и саамской, допуская

⁶ Предположение о связи гидронима *Кулой* с русскими прилагательными на *-ой*, *-ая*, *-ое* исключается ввиду его ареальной общности с другими субстратными названиями этого типа.

тем самым, что различия между лопской и саамской ветвью аналогичны различиям между прибалтийско-финской и саамской, хотя это не подтверждено фактами. Если такие факты будут обнаружены, предлагаемое наименование, конечно, можно использовать, особенно если допустить, что носители языка (языков) лопской ветви не имели самоназвания **sāmē* [см.: Хелимский, 2006, 39]. Однако и этот вопрос нельзя считать окончательно решенным, так как в субстратной топонимии РС широко распространена основа *сям-*, которая предположительно может быть связана с этнонимом **sāmē*, ср.: *Сяма* I, р. > оз. Кубенское (Влгд), *Сяма* II (*Сямова*), реч. > Пира > Выя (В-Т), *Сяма* III (*Сямохта*), тоня (Нянд), *Сяма* IV, бол., бор (Шенк), *Сямана*, поле (Вель), *Сямбу́й*, р. > Пурно́я > Тавре́ньга > Вель (Кон), *Сяменжа*, р. > Нозрега > Андома (Выт), *Сяменское*, бол. (Бабуш), *Сяменьга*, р. > Емца (Плес), *Сямка* I, хут. (Нянд), *Сямка* II, р. > Лохта > Уфты́га > Сухона (Тарн), *Сямков*, мыс (В-Т), *Сямов*, пере́кат (В-Т), *Сямова*, р. > Выя (В-Т), *Сямовка*, р. (и луг) > Болту́нья > Кокше́ньга (Тарн), *Сямово* I, мыс (В-Т), *Сямово* II, поле (В-Т), *Сямово* III, рукав Сев. Двины (К-Б), *Сямовское*, луг (К-Б), *Сямонево*, лес, поле (Он), *Сямоньга*, р. > Мезенская Пижма (Леш), *Сямручей* > Онега (Он), *Сямские*, бол. (Шенк), *Сяму́й*, руч. > Кимжа > Мезе́нь (Мез).

Эти названия представляют интерес по многим причинам: 1) они очень многочисленны и, следовательно, обозначают нечто топонимически (географически и исторически) важное; 2) среди них много посессивных образований на русской почве (10 из 24), что часто указывает на этноним в основе; 3) ареально эти названия охватывают бо́льшую часть территории РС, однако выклиниваются на юго-востоке и вообще отсутствуют в бассейне р. Юг, где распространена северно-финская топонимия; 4) основа высокочастотна, но для нее до сих пор не предложена этимология. Все это позволяет предположительно сопоставить топонимы с основой *сям-* с прасаам. **sāmē*, саам. сев. *sabme*, Инари *säämi*, Колтта *sää'mm*, Кильдин *sā'mm* и тер. *samte* 'саам' [Lehtiranta, 1989, 120–121]. Закономерно возражение, что на русской почве следовало бы ожидать основу *сам-*, а не *сям-*. Но надо учитывать не только прасаамскую, но и диалектные формы, а данные диалектов Инари (*säämi*) и Колтта (*sää'mm*) как раз позволяют реконструировать основу *сям-*. Прафинно-саамская реконструкция **sāmā* [Korhonen, 1981, 42; Хайду, 1985, III] также подтверждает возможность предполагаемого этимологического решения, а переход **š > s* прямо свидетельствует о древнесаамском происхождении топонимов с этой основой.

Многочисленность и разнотипность приведенных 24 названий со своей стороны указывают на то, что они могли принадлежать не только саамам, но и народам, которые с ними контактировали. Показательно, что надежные субстратные форманты зафиксированы лишь в шести случаях, а детерминант **-сяма* вообще не засвидетельствован. При высокой частотности основы это делает географическую семантику основы маловероятной. Поэтому можно предположить, что основа, которая в языке-источнике могла выглядеть как **sä(ä)m(V)* действительно была этнонимом ('саам'), который был самоназванием саамов и был известен соседям. В речи русского населения реконструированная форма этнонима закономерно была бы преобразована в **сям(a)*.

Это предположение хорошо согласуется с объяснением этнонима *самоед*, который возник в результате переноса самоназвания саамов на ненцев [см.: Хайду, 1985, 124], разумеется, не без посредства русской народной этимологии, а также с замечанием Е. А. Хелимского, что «подобный перенос мог произойти только в мезенско-печорской зоне лопско-ненецких контактов» [Хелимский, 2006, 39]. В пределах региона РС возможности переноса этого этнонима на другие народы были еще шире.

Выделение особой тоймской ветви также вызывает вопросы. Прежде всего надо внести ясность в интерпретацию предлагаемого обозначения. Е. А. Хелимский пишет, что тоймская ветвь «в южной части бассейна Северной Двины... примерно соответствует “севернофиннам” А. К. Матвеева и заволочской чуди» [Хелимский, 2006, 39]. Но «северно-финские языки» – термин условный, обозначающий еще не идентифицированные языки РС, которые содержат компоненты, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамских языках, вместе с тем обнаруживая определенную близость с волжско-финскими и пермскими языками, а также имеют свою собственную специфику, т. е. это языки субстратной топонимии РС, которые мы не можем определенно считать прибалтийско-финскими или саамскими, причем соотношение прибалтийско-финских, саамских, волжско-финских и иных параллелей в них может быть различным. Таким образом, в нашем понимании термин «северно-финские языки» имеет временный методический статус. В дальнейшем этот термин может и не понадобиться или получить другое значение. Однако территориально эти языки действительно связаны прежде всего с юго-востоком РС, хотя, например, язык гидронимии на *-Vn(ь)ga*⁷, будучи одним из таких северно-финских языков, иррадиировал далеко на север и северо-запад. Возникает вопрос, можно ли назвать язык самого распространенного гидронимического типа региона по жителям бассейнов небольших рек, даже если на них обитала некая особая этническая общность (*тоймичи поганые*). К северно-финским же безоговорочно надо относить язык гидронимии на *-Vz* в бассейне реки *Юг*, ареал которого намного превышает зону тоймской топонимии. Этот язык можно именовать южанским, тем более что этноним *южане* зафиксирован в древнерусских памятниках, хотя и не совсем понятно, относится ли он к финно-уграм или к какой-то территориальной группировке русских.

Отсюда следует, что термин «северно-финский» по своему содержанию никак не может быть соответствием для «тоймский». Он намного шире и по языковому континууму и территориально, поскольку древние тоймичи населяли лишь ничтожную часть северно-финского ареала. Вполне возможно, что тоймичи говорили на каком-то северно-финском языке, но их топонимия как единый комплекс пока не изучалась. Своя специфика в языке тоймичей, очевидно, была, однако гидроним *Тойма* встречается и в других местах РС, а также и за его пределами, причем А. И. Попов считает первичным этноним *тойма*, а его носителей – финно-угорским племенем пермского типа [см.: Попов, 1965, 57–59].

⁷ Может быть, языки гидронимии на *-Vn(ь)ga*.

Все это в совокупности не позволяет считать целесообразным перенос наименования *Тойма* > *тоймский* на всю обширную зону распространения северно-финских языков. Но этот термин может использоваться в собственном прямом смысле для обозначения языка (диалекта) древних насельников бассейнов рек Верхняя и Нижняя Тойма в независимости от того, окажется ли данный язык северно-финским или пермским. Следует, однако, подчеркнуть, что неоднократно цитируемое место из «Слова о погибели Русской земли» о расселении поганных тоймичей [см. также: Хелимский, 2006, 39] можно понимать по-разному: или они занимали всю территорию от Корелы до Устья (это явно не соответствует действительности), или жили где-то на этой территории, или обитали около Устья (это скорее всего). Но следы пермской топонимии обнаруживаются на правобережье Северной Двины.

Сходная ситуация сложилась и на Пинеге, где по ее притоку реке *Сура* обитала тоже упоминаемая в древнерусских источниках *сура поганая*. Возможно, и существовал какой-то *сурский* диалект, но было бы ошибкой переносить этот термин на весь пинежский регион, а юго-восток РС еще обширнее. Как *тоймичи поганые*, так и *сура поганая* – типичные микроэтнонимы, указывающие на язычество местного населения, обитавшего в определенном микрорегионе (по какой-либо реке), которое могло, разумеется, иметь свое наречие, но могло и пользоваться каким-нибудь широко распространенным языком или его диалектом. Все это – предмет будущих разысканий.

Мерянская ветвь в северо-западную группу финских языков включается Е. А. Хелимским со справедливой оговоркой, что это небесспорно. Действительно, монография О. Б. Ткаченко [1985] о мерянской лексике русских говоров основана на очень пестрых фактах, во многом некритически воспринятых, что обусловило и проблематичность выводов. Многочисленные статьи А. Альквист [1997, 2000а, 2000б, 2001 и др.], посвященные мерянской субстратной топонимии, несмотря на ряд отдельных ценных наблюдений, не содержат каких-либо более или менее аргументированных выводов о природе мерянского языка. Кое-какие надежные результаты, правда, уже получены, и они могут служить своего рода точкой отсчета для будущих исследований. Так, установлено, что: 1) мерянский язык – финский, но на обширной мерянской территории топонимия очень пестра и может принадлежать разным языкам и диалектам; 2) восточно-мерянская территория по некоторым топонимическим показателям отличается от западно-мерянской; 3) есть общие черты, объединяющие мерянскую и северно-финскую топонимию; 4) имеются интересные параллели между мерянскими и саамскими названиями (на что указывал в свое время и А. И. Попов [1974, 26]). Но это соображения самого общего характера, поэтому до решения мерянской проблемы вопрос о связи мерянского языка с прафинно-саамским может считаться только постановочным.

Сейчас актуально решение двух частных, но немаловажных для лингвостнической идентификации мерянской топонимии вопросов – о происхождении ойконимов на *-бал*, *-бол* на мерянской территории и гидронимов на *-ингирь* в восточно-мерянской зоне.

Традиционно ойконимы на *-бал*, *-бол* в мерянском ареале более или менее удачно объясняются из марийского языка, во всяком случае, лучших этимологий

пока никто предложить не мог. Попытка А. Л. Шилова осуществить массовую этимологизацию названий этого типа путем привлечения данных субстратной топонимии РС и разных финских языков [см.: Шилов, 2001, 17–24] была полезной, но интерпретация названий, распространенных от Мезени до Оки, без учета географии (расположенных по алфавиту, как в статье А. Л. Шилова), способна в конечном счете дать только самый общий результат, что это финские в широком смысле топонимы. Для решения мерянской проблемы должна привлекаться первоначально только топонимия исторических мерянских земель, которую затем можно сопоставить с аналогичными названиями РС. Смешение же ареалов непродуктивно.

Гидронимы на *-ингирь* А. И. Попов считал поздним марийским наслоением [см.: Попов, 1974, 24–25]. К этой точке зрения присоединилась А. Альтквист, которая не исключает, однако, «возможное наличие данного географического термина, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка» [Альтквист, 1997, 31]. Е. А. Хелимский поддерживает предположение А. И. Попова [см.: Хелимский, 2006, 39].

При решении этого вопроса необходимо учитывать следующее: 1) на восточно-мерянской территории зафиксированы этнотопонимы, образованные от этнонима *меря*, типично мерянские детерминанты (*-бал*, *-бол*) и основы (*вёкс-*, *яхр-*); 2) на восточно-мерянской территории, кроме названий на *-ингирь* (*Ингирь*), не выявлены топонимы, форманты которых можно было бы интерпретировать как марийские, что для адстратной ситуации необычно; 3) некоторые гидронимы на *-ингирь* имеют убедительные соответствия не в марийской, а в мерянской топонимии, ср. *Ухтынгирь* ~ *Ухтубуж*, *Шачингирь* ~ *Шачебол* и особенно недавно выявленное ТЭ *Печенгирь* ~ *Печегда* с основой *печ-* ‘сосна’ (прасаам. **pēscē*, морд. **pitše*), отличающейся от мар. *nūnčō* ‘сосна’. Поэтому, видимо, не стоит сомневаться в функционировании термина **iŋir* в восточно-мерянском языке (диалекте), особенно учитывая распространение названий этого типа не только в западной части Костромской области, но и в Ивановской и Владимирской областях, т. е. там, где пребывание древних марийцев вообще проблематично.

Существование еще одной ветви северо-западных финских языков – тверской – обосновывается единственным примером: рус. твер. *ви́ша*, *вишь* ‘речная зелень’ ~ ф.-уг. **wiša* ‘яд; зеленый’ > приб.-фин. *viha* ‘ненависть’ с сохранением *š (> приб.-фин. *h*) [см.: Хелимский, 2006, 39–40]. Это сопоставление примечательно, но одного лексического заимствования все-таки недостаточно для предположения о существовании особой тверской ветви в северо-западной группе финских языков, тем более что в этом случае нельзя исключить обычное обратное словообразование на русской почве (**viha* > **виха* > **вишка* > *виша*, *вишь*). Кроме того, следует учитывать и многочисленные факты тверской и новгородской субстратной топонимии, в частности распространение на территории Тверской области и даже севернее – в Новгородской области географических названий финно-угорского типа, тяготеющих по своим фонетическим и структурным характеристикам к зоне исторических мерянских земель, ср. гидронимы *Верегжа*, *Колошка* (< ? *Колокша*), *Корокса*, *Менекша*, *Мологжа*, *Порогжа* и т. п. и *Верекса*, *Колокса*, *Колокша*, *Молокса*, *Молокша* и т. п. в мерянских и смежных с ними землях. Может

быть, названия такого рода как раз и помогут выделить искомую тверскую ветвь, но для начала следовало бы отделить их от мерянских или объединить с ними, а также решить вопрос о связи тех и других с субстратной топонимией РС.

В заключение несколько слов о предлагаемой терминологии в целом. Оба обозначения вновь выделяемой группы финно-угорских (или финских) языков – северо-западная и верхневолжская – не представляются удачными. Прилагательное *северо-западный* создает трудности с производными. Уже с этой точки зрения термин «(пра)северо-западно-финский» язык не кажется находкой. Кроме того, он вызывает определенные ассоциации с употребляемым за рубежом (а иногда и у нас) термином «западно-финские» (нем. *westfinnisch*) в смысле «прибалтийско-финские языки» и образует нелогичный ряд: северо-западные, марийские, мордовские, пермские языки (или, если использовать «забракованный» термин «волжско-финские языки»: северо-западные, волжско-финские, пермские языки). В любом случае классификация непоследовательна, так как смешиваются генетический и географический принципы членения языкового континуума. Не лучше и термин «верхневолжские языки»: как по вышеизложенным причинам, так и потому, что марийские и мордовские языки также относятся к верхневолжскому региону.

Если выделение северо-западной группы финских языков будет апробировано (и даже если окажется, что их членение сложнее, чем сейчас предполагается), то, может быть, приемлемее будет следующая терминологическая схема: северно-финские языки (термин, как уже указывалось, «свободен»), соответствующие северо-западным языкам Е. А. Хелимского и географически привязанные к северу Восточной Европы (Фенноскандии и Русскому Северу), который традиционно противопоставлен русскому Северо-Западу, восточно-финские (пермские) языки (термин уже употреблялся) и южно-финские (мордовские, марийские). Объединение мордовских и марийских языков проблематично, но в остальных отношениях это терминологическое построение кажется более удобным. Вопрос, разумеется, дискуссионен.

Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // *Вопр. языкознания*. 1997. № 6. С. 22–36.

Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // *Вопр. языкознания*. 2000. № 2. С. 15–34.

Альквист А. Меряне, не меряне... (II) // *Вопр. языкознания*. 2000. № 3. С. 83–96.

Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // *Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и Финны* / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 436–467.

Матвеев А. К. Русск. диал. *чильма* // *Этимология русских диалектных слов*. Свердловск, 1978. С. 54–61.

Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XII // *Этимология 1997–1999*. М., 2000. С. 106–115.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. I. Екатеринбург, 2001; Ч. II. Екатеринбург, 2004.

- Попов А. И.* Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов А. И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 13–28.
- Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985.
- Хелимский Е. А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
- Шилов А. Л.* О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкознания. 2001. № 6. С. 13–27.
- Castrén M. A.* Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862. S. 86–106.
- Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu., 200. Helsinki, 1989.
- Saarikivi J.* Über das saamische Substratnamengut in Nordrußland und Finnland // FUF 58. 2004. S. 162–234.

* * *

Александр Константинович Матвеев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

В. В. Напольских

ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМОНАЗВАНИЯ ВЕПСОВ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

*The self-designation of the Veps, *vepsä is considered in the article as a result of interaction of Lappish, Scandinavian and Baltic-Finnic groups in Finland in end of the 1st mil. BC – beginning of the 1st mil. AD. On the first stage, when the aboriginal Lappish tribes of the Southern Finland had immediate close contacts with the Germanic incomers from Scandinavia to their land (which was called by the last **Finnland**, i. e. originally 'land of the Lapps'), the most southern Lappish groups had to know their Scandinavian name, **Finnar** 'Lapps' (< Germ. *fēnþ- 'to look for, to find'), which they confused with Germanic *fenne 'finn'. Thank to this paronymy, the name **Finnar** could be understood by the Lapps as 'fins' and therefore could be adopted by some of their groups as a self-designation in translated Lappish form *vepsē lit. 'fin'. As later the first Baltic-Finnic groups began coming to Finland from the southern coast of the Gulf of Finland and settling around the country, they assimilated the southernmost Lapps and borrowed the name, Lap. *vepsē > Fin. *vepsä as a pure ethnonym. This name became the self-designation of the Veps, the tribe, which probably was the pioneer among the Baltic-Finns moving north- and north-eastwards into the formerly Lappish lands.*

Имя вепсов (вепс. *veps*, *βeps* < приб.-фин. **vepsä*) является среди всех прибалтийско-финских этнонимов, пожалуй, самым загадочным и аттестуется как слово неясного происхождения [SKES, 1702–1703; Grünthal, 1997, 97–112]. Слово это, однако, имеет давно замеченную интересную параллель в виде саам. **vēpsē* (> саам. норв. *væk'se* (-*k's-* < **-ps-*), ин. *vepsi*, кильд. *viēps^E* и т. д.) 'рыбий плавник'. Эта параллель приемлема фонетически (см. ниже) и весьма интересна потому, что в герман-

ских языках, которые давно находятся в тесном контакте с прибалтийско-финскими и саамскими, слово для обозначения рыбьего плавника (шв. *fena*, норв. *finne*, англ. *fin* и т. д.; в плане индоевропейской этимологии ср. лат. *pinna*) дает квазиомонимичные формы со старым германским названием саамов и (вторично) финнов – *Finne*.

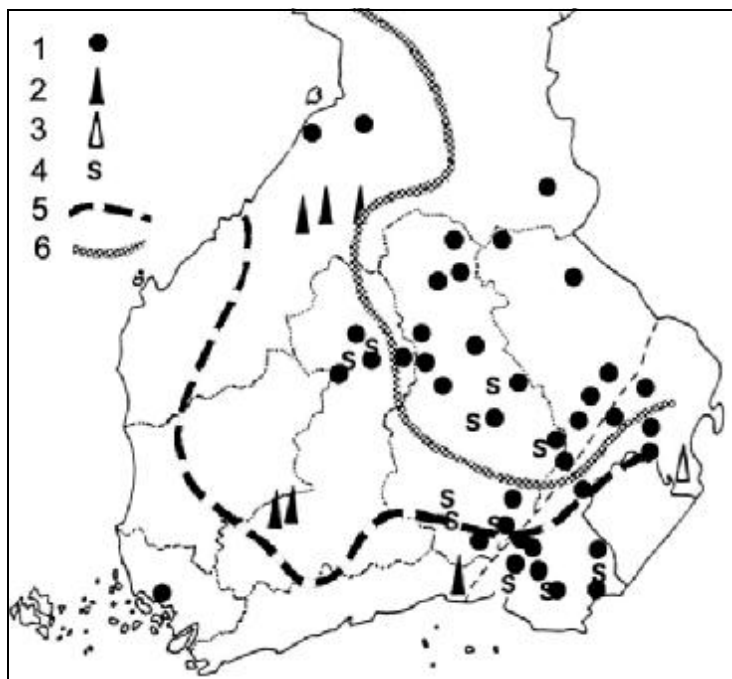
Саам. **vēpsē* ‘рыбий плавник’ пытались привлекать для разрешения проблемы происхождения имени **vepsä*, но только в связи с прибалтийско-финскими и саамскими этнонимами, которые возводили к апеллятивам со значением ‘клин’, ‘клин-вставка в одежде’, ‘треугольный предмет’ (и далее, согласно некоторым этимологам, ‘рыбий плавник’) (самоназвание воды *Vadja* в конечном счете восходит к балтскому слову со значением ‘клин, свая’, саам. *wiäwiäsh*, самоназвание одной саамской локальной группы, происходит от саамского слова – первоначально ‘(клинообразная) тряпка’ и т. п.). Поскольку, однако, эти гипотезы являются весьма надуманными и не только не решают проблему, но вызывают лишь новые вопросы (связанные прежде всего с мотивацией подобного именования), сопоставление прибалт.-фин. **vepsä* с саам. **vēpsē* не получило поддержки [см.: Grünthal, 1997, 48–49, 110–111].

С фонетической стороны рассматриваемая параллель прибалт.-фин. **vepsä* ~ саам. **vēpsē* проблем не вызывает, будь то общее наследие прибалтийско-финско-саамского праязыка (прибалт.-фин.-саам. **-ps-* > саам. **-ps-* > саам. норв. *-k's-*, прибалт.-фин.-саам. **CeCä* > саам. **CēCē* ~ прибалт.-фин. *CeCä*, ср., например, саам. **ēēcē* ~ фин. *setä* < **šečä* ‘дядя’) [см.: Korhonen, 1981, 100, 170–171] или более позднее заимствование из прибалтийско-финского в саамский (ср., например, фин. *metsä* > саам. **mēccē* по вокализму и фин. *kypsyä* > саам. норв. *gik'sât* по консонантизму [см.: Lehtiranta, 1989, 74–75, 146–147; Korhonen, 1981, 38]). Примеров обратного заимствования (саам. > прибалт.-фин.) не так много: на основании саам. норв. *jæg'ge* > фин. *jänkä* [Korhonen, 1981, 39] следовало бы скорее ожидать саам. **vēpsē* → прибалт.-фин. **vāpsä*, но поскольку колебания в вокализме здесь едва ли можно исключать, в особенности в свете таких колебаний в прибалтийско-финских заимствованиях в саамский (ср. наряду с приведенным выше примером еще фин. *velka* > саам. **vēlkē*, фин. *väärä* > саам. **verē*), то саамское происхождение данного прибалтийско-финского этнонима следует считать возможным. Нужно только иметь в виду, что в этом случае прибалт.-фин. **vepsä* должно быть заимствовано из языка, близкого к общесаамскому (т. е. такого, где сохранялась бы форма, фонетически близкая к **vēpsē*): саам. норв. *væk'se* дало бы скорее прибалтийско-финскую форму с **-ks-*, саам. ин. *vepsi* – скорее прибалт.-фин. **vepsi* и т. д.

В настоящее время вепсы живут к югу от Онежского озера, на стыке Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. В X–XI вв. начальная русская летопись помещает принимавшую активное участие в ранней политической истории Руси *Весь* (очевидно – предки вепсов, носители интересующего нас самоназвания) в район Белого озера. У арабского путешественника ко двору правителя Волжской Булгарии Ахмеда ибн Фадлана (первая половина IX в.) описываются представители народа *вису*, жившего к северу от Булгарии. Самое раннее упоминание интересую-

щего нас имени следует видеть в первом компоненте комплекса *Vasinabroncas* в списке народов, якобы подчиненных готскому королю Эрменрику-Германариху у Иордана (VI в. н. э., источник информации как минимум на сотню лет раньше). Таким образом, по меньшей мере с I тыс. н. э. это имя хорошо известно на путях, соединяющих Волгу и Балтику.

Археологически летописная *Весь* связывается с культурой юго-восточного побережья Ладожского озера, складывающейся в IX в. [см.: Голубева, 1973, 14–20]. Хотя более ранние истоки этой культуры неясны, считается возможным предполагать изначальный импульс с запада, с территории Финляндии [см.: Рябинин, 1997, 84–85]. На это же направление указывает и распространение топонимов с основой *vepsV-* (см. карту), причем по ним уже достаточно ясно просматривается путь из Центральной Финляндии через северное побережье Ладоги, в то время как к югу от Ладоги интересные нас топонимы неизвестны.

Древнее расселение саамов в Финляндии и распространение топонимов на **vepsV-*:
1 – названия на *vepsä-/vepsa-*; 2 – названия на *vepsu-*; 3 – названия на *vepsö-*; 4 – самые восточные названия на *suom(i)-*; 5 – южная граница расселения саамов около 1200 г.; 6 – южная граница расселения саамов около 1500 г. [Valonen, 1980; Grünthal, 1997; Itkonen, 1984, I]

Эти данные свидетельствуют о том, что **vepsä* было именем древнего прибалтийско-финского племени, которое, сформировавшись в Центральной Финляндии, продвинулось затем вдоль северного побережья Ладожского озера на восток и юго-восток. Поскольку при этом на исторической велеской территории в Ме-

жозерье, в треугольнике между Ладожским, Онежским и Белым озерами, собственно вепсская топонимия перекрывает более древний топонимический слой, который интерпретируется как саамский [см.: Муллонен, 1994, 118–122; Напольских, 1995, 136–137; Матвеев, 2001, 296–297, 306–308, 344], следует полагать, что при своем движении на юго-восток прибалтийско-финские носители этнонима **vepsä* занимали территории, которые до них были заселены носителями древне-саамских («южно-саамских») [Korhonen, 1981, 50] диалектов.

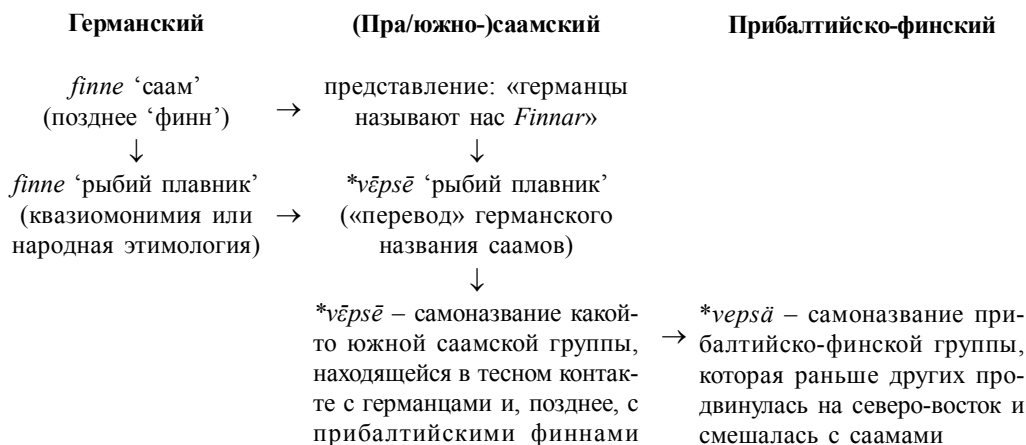
Первые контакты прибалтийско-финских предков вепсов с древними («южными») саамами, однако, должны были иметь место еще в Центральной Финляндии: носители этнонима **vepsä* начали свое движение из Центральной Финляндии на юго-восток во всяком случае до IX в., т. е. тогда, когда Финляндия была еще *Финляндией* (*Finnland*) в изначальном смысле этого слова – «страной саамов» и основным населением ее районов, за исключением побережья, были все те же «южные» саамы. На прилагаемой карте видно, что западная граница топонимов на *vepsV*- практически совпадает с линией исторического отступления саамов и с северо-восточной границей старых топонимов на *suom(i)*-. Из этого можно заключить, что имя **vepsä* возникло на северо-восточной периферии раннего прибалтийско-финского ареала Финляндии, в контактной зоне между прибалтийскими финнами и саамами и скорее всего – в окружении еще саамского по языку населения. Таким образом, роль «южно-саамского» населения Финляндии в ранней истории вепсов должна была быть весьма велика, и к перспективе поисков этимологии этнонима **vepsä* в саамском языке следует отнестись максимально внимательно.

Остаются, правда, неясными семантические основания для именования группы словом со значением ‘рыбий плавник’. Для восстановления истинной картины языковых и этнических отношений в Финляндии в начале нашей эры важно иметь в виду, что в саамском и прибалтийско-финском языках имеются независимые параллельные заимствования из примерно одного и того же германского языка-источника [см.: Ritter, 1993, 34–36]. Исторически это может быть объяснено только принятием гипотезы о том, что носители уже отдельно существовавших прибалтийско-финского и саамского праязыков жили на общей территории с носителями какого-то раннего германского языка, который, возможно, отделял их друг от друга. Традиционно предполагаемые контакты саамского с ранним скандинавским на севере Фенноскандии и прибалтийско-финского с германским в Финляндии едва ли соответствуют такой картине. Гораздо удачнее согласуется эта картина с гипотезой о контактах вокруг Финского залива, где, с одной стороны, древние саамы внутренних районов Финляндии, а с другой – прибалтийские финны современной Эстонии и северо-западных областей России уже в I тыс. до н. э. были разделены происходившими с территории современной Швеции скорее всего протогерманоязычными носителями культуры курганов с каменными ящиками, причем скандинавское германоязычное население продолжало непрерывно занимать южное и северное побережья Финского залива и позже на протяжении длительного времени. Таким образом, предположение о тесных непосредственных контактах «южно-саамского» населения Финляндии с германцами, жившими в ее прибрежных районах, выглядит вполне обоснованно.

По крайней мере с I в. н. э. (Тацит: *Fenni*) германцы называли охотников и рыболовов саамов, живших в восточных пределах Балтии, в соответствии с их образом жизни: *Finn(ar)* < **fenn(oZ)* ‘ищу(е)’ < **fenþ-* ‘искать, находить’ [см.: Grünthal, 1997, 49–50]. Как уже было сказано выше, это имя практически омонимично с герм. **fenne* ‘рыбий плавник’. Вследствие этой квазиомонимии могла возникнуть народная этимология германского названия саамов – и не только в собственно германских языках, но и в диалектах южно-саамских групп Финляндии, которые находились в особенно тесных контактах с германцами и могли быть двуязычными. Таким образом, можно предположить возможность своего рода народно-этимологического калькирования германского **finne* ‘рыбий плавник’ → ‘саам’ в какой-то саамский диалект в виде саам. **vēpsē* ‘рыбий плавник’ → ‘самоназвание определенной южно-саамской группы’.

Уже в последние века до н. э. начинается переселение потомков создателей культуры курганов с каменными ящиками и вырастающей из нее культуры могильников с каменными оградками с юга на северное побережье Финского залива [см.: Salo, 1968]: среди последних, вероятно, были и первые носители прибалтийско-финской речи в Финляндии. В отличие от германцев, которые были более тесно связаны с морем и тяготели к побережью, прибалтийские финны по своему хозяйственному укладу (прежде всего следует иметь в виду подсечно-огневое земледелие, сохранявшееся как основное занятие у «лесных финнов» Скандинавии до XVIII в. и обеспечившее их быстрое распространение далеко на север) были скорее склонны к освоению внутренних районов страны и начали не позднее сер. I тыс. н. э. активное продвижение на север и восток, колонизируя территории современных Финляндии и Карелии и вытесняя саамское население. Одной из самых передовых групп прибалтийских финнов были, очевидно, предки вепсов, которые уже в Центральной Финляндии должны были вступить в тесные контакты и частично смешаться с южными саамами, в ходе чего и могли заимствовать самоназвание одной из южно-саамских групп, саам. **vēpsē* > приоб.-фин. **vepsä*.

В целом предлагаемая гипотеза может быть представлена в виде следующей схемы:

Необходимо заметить, что эта схема может быть понятна только при условии принятия высказанной выше гипотезы об очень позднем проникновении прибалтийско-финского языкового компонента на территорию Финляндии (не ранее конца I тыс. до н. э. и во всяком случае гораздо позднее появления на южном побережье Финляндии скандинавского германоязычного населения). Эта гипотеза выглядит практически безупречно с точки зрения как исторической, так и лингвистической: ср., например, топонимическую картину южной Финляндии, где ареал германских названий прибрежных районов, не имеющих порою и по сей день финских соответствий, смыкается с ареалом топонимов на *lapp(i)-*, указывающих на бывшее присутствие саамов, и оба эти пласта оказываются перекрыты собственно финскими топонимами.

-
- Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. X–XII вв. М., 1973.
Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
Напольских В. В. [Рецензия] // Финно-угроведение. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1995. Рец. на: Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit // Castrenianumin toimitteita, 51. Helsinki, 1997.
Ikonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Osat I–II. Toinen painos. Porvoo, 1984.
Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
Lehtiranta J. Yhteisaamelainen sanasto // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 200. Helsinki, 1989.
Ritter R.-P. Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen // Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia, 5. Frankfurt am Main, 1993.
Salo U. Die Frühromische Zeit in Finnland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, 67. Helsinki, 1968.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Toim. Y.Toivonen et al. N. 1–8. Helsinki, 1955–1963.
Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica, 10. Helsinki, 1980.

* * *

Владимир Владимирович Напольских – доктор исторических наук, профессор кафедры теории языка и перевода факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета (Ижевск).

О. Л. Карлова

АРЕАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ -L-ОВОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

The analyzed in the research paper l-type model is the most informative among suffixal oikonymal models. The detection of areals, distribution and functioning features of the model serve as the source for Karelia colonization history study. The oikonymy analysis of anthroponymic origin against the general background of Karelian oikonymy convincingly testifies that l-type names are assigned to the oldest Karelian communities (settlements) with earlier origin. The maximum density areal of the l-type oikonyms coincides with the nest settlement areal which comes into being in agrarian land development and reaches the maximum concentration in regions with more favorable farming climatic conditions (Olonetzk Karelia). The full-fledged settlement nests are also discovered in Segoz'er'je (Middle Karelia) and in the northern Karelia (Kalevala and Kesten'ga) where the "bursting" nature of Karelian migration of the 17th century decisively influenced on the settlement net development level.

В предлагаемом исследовании на материале -l-овой топонимии Карелии мы попытались применить методику ареально-типологического анализа, основанного на учете специфики словообразовательных топонимических моделей и выводящего на решение ряда этноязыковых и этноисторических задач.

Как известно, во многих случаях топонимическая модель имеет четко очерченный ареал, изучение которого позволяет получить информацию о путях миграций определенных групп населения, формировании новых мест жительства и хронологии освоения ими новых земель. Эта возможность обусловлена тем, что именование географических объектов на вновь осваиваемых территориях происходит под непосредственным влиянием той традиционной системы, которая была известна

переселенцам на материнской территории. Иными словами, в процессе освоения новых земель люди, именуя географические объекты, пользуются теми же структурными и лексическими моделями, которые были известны им в местах прежнего проживания. В этом отношении особенно показательны и информативны суффиксальные топонимические модели. Выявление и изучение их ареалов на территории Карелии может способствовать решению вопросов, связанных с возможными путями и этапами расселения карел.

Среди суффиксальных топонимических моделей Карелии наибольшей информативностью, несомненно, обладает -l-овая модель. Функционирующая на довольно обширном географическом пространстве, -l-овая топонимическая модель имеет общее происхождение в финском, эстонском, вепском и карельском языках. По данным финских ономастов, она появилась на территории Западной Финляндии, где рост ее активности отмечается до XVI в., после чего происходит явный спад [см.: Kepsu, 1987, 61–72]. На территории Карелии, по всей видимости, ситуация была несколько иной. Исследование топонимии одного из приходов северо-западного Приладожья – в историческом карельском ареале – указывает на то, что названия на -la/-lä начинают появляться на этой территории после XV в. Наибольшей продуктивности модель достигает в конце XVIII – начале XIX в., после чего активность ее снижается. Что касается истоков модели в Приладожье, то не исключена вероятность распространения ее на восток с переселенцами из Западной Финляндии [см.: Lehtikoinen, 1988, 232–234].

Известно, что данный топонимический тип закреплялся первоначально за наименованиями домов: к имени первопоселенца присоединялся -l-овый суффикс. Позднее, по мере выделения новых хозяйств из родового дома, его название распространялось на все поселение, а на следующем этапе – при формировании гнезда поселений – могло получить статус названия сформировавшегося куста деревень [см.: Nissilä, 1962, 92]. В связи с этим обратим внимание на существенные особенности достаточно типичного для Карелии гнездового расселения.

Гнездом (кустом) поселений считается группа тяготеющих друг к другу деревень, имеющих самостоятельные названия, но объединенных общим наименованием и осознаваемых жителями как единое целое [см.: Тароева, 1965, 80]. Исследования гнездового расселения на территории Карелии показывают, что отдельные деревни, входящие в состав гнезда, могут иметь русские названия, однако общее название гнезда, как правило, имеет прибалтийско-финское происхождение. При этом названия гнезд часто имеют патронимические окончания – в русском варианте -ицы, в карельском – -la, ср.: *Нурмолицы* – карел. *Nurmoilu*, *Реболы* – карел. *Rebol'a*, *Эссоила* – карел. *D'essoilu* [см.: Витов, 1955, 32–33; Пименов, 1964, 7].

По подсчетам этносоциолога Е. И. Клементьева, в Карелии в 1926 г. насчитывалось около 190 гнезд, объединяющих 830 деревень. Это более трети поселений от их общего количества. Исследователь отмечает наибольшую плотность гнездовой поселенческой сети на юге Карелии (в Олонецком, Пудожском районах и в Заонежье). Для районов средней и северной Карелии гнездовой тип поселений нехарактерен, за исключением Сегозерья (район Падан), а также Калевальского

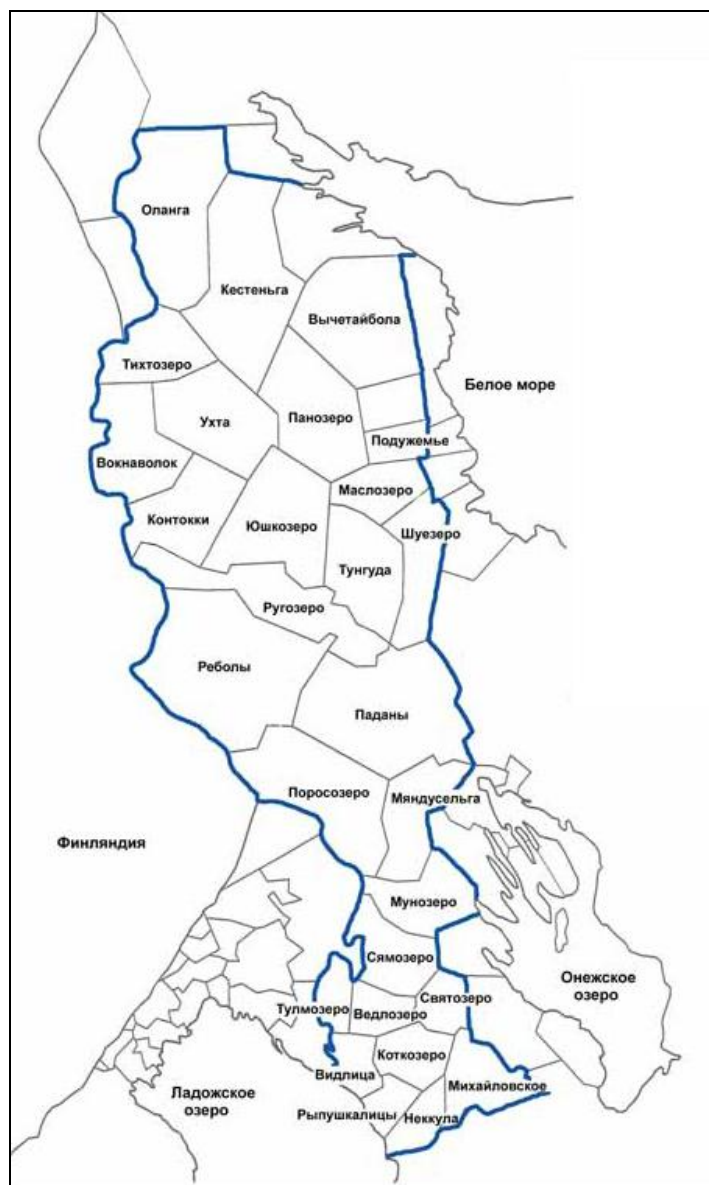
и Кестеньгского районов (последний входит в состав современного Лоухского района) [см.: Клементьев, 1992, 57].

На территории Карелии гнездовое расселение достигает максимальной концентрации в районах с наиболее благоприятными для земледелия климатическими условиями. Таким районом является прежде всего Олонецкая Карелия, особенно ее юго-западная часть – Олонецкая равнина. Кроме того, гнездовой тип широко распространен на территориях с достаточно ранним развитием земледелия. Районы же, где господствовала безгнездовая система расселения, напротив, отличаются относительно молодой аграрной культурой [см.: Орфинский, 1998, 14–18].

Вернемся к рассматриваемой нами *-l*-овой топонимической модели. Картографирование демонстрирует, что ареал данной модели на территории Карелии имеет достаточно четкие очертания (карта 1). Прежде всего необходимо отметить особенно высокую концентрацию топонимов на *-l* в восточном Приладожье (современные Олонецкий и Пряжинский районы), на территории проживания карел-ливвиков. В процентном соотношении *-l*-овые топонимы указанного ареала составляют 1/4 (свыше 250) часть всех карельских названий на *-l*. Отметим, что *-l*-овая топонимия в подавляющем большинстве случаев представлена здесь наименованиями поселений. Исключение составляют названия 17 домов в деревнях Сямозерского куста, зафиксированные в начале XX в. финским исследователем Ахтия (например, *Tavil*, *Sirgoilu*, *Zoral*, *Šuttil*, *Št'oppil*, *Tuhkal*) [Картотека KKS]. Следы *-l*-овой модели в названиях домов обнаруживаются в Сямозерье и сейчас: ср. *Sergoilankodi*, дом в д. Угмойла. Низкая активность *-l*-ового суффикса в названиях домов ливвиковского ареала может объясняться, с одной стороны, проблемами в сборе полевого материала, с другой стороны, *-l*-овая модель могла быть вытеснена моделью «антропоним + детерминант *talo (kodi)* ‘дом’», также известной в наименованиях домов (см., например, *Iivanantalo* или *Iivanankodi*).

Вторым по степени плотности ареалом топонимов *-l*-ового типа (около 200 названий) может считаться район Кестеньгской Карелии (бассейны озер Пяозеро и Топозеро). В этом регионе, напротив, топонимы на *-l* преобладают в наименованиях домов. К Кестеньгскому ареалу вплотную примыкает Ухтинский (бассейн озера Куйтто), где сосредоточено около 160 *-l*-овых топонимов. На этой территории названия домов и поселений представлены в равном соотношении (карта 2). Достаточно широкое распространение топонимов *-l*-овой модели отмечается также в бывших Контокской и Панозерской волостях (около 110 названий). В Сегозерье, в районе Падан, также фиксируется некоторое скопление *-l*-овых названий (25). Спорадически модель представлена в Ругозерском и Ребольском кустах поселений, а также в районе Тунгуды (около 20 названий). Все перечисленные ареалы являются территориями проживания собственно карел.

Очертив области распространения топонимов, оформленных *-l*-овым формантом, мы пришли к вполне закономерному выводу: ареал максимальной плотности названий *-l*-ового типа совпадает с вышеуказанным гнездовым. В долинах рек Олонки, Мегреги, Тулоксы и Туксы, где отмечается «чрезвычайная скученность» поселений [Пименов, 1964, 10], названия деревень на *-l* в сравнении с другими структурными типами имеют наибольшую продуктивность. Этот факт служит

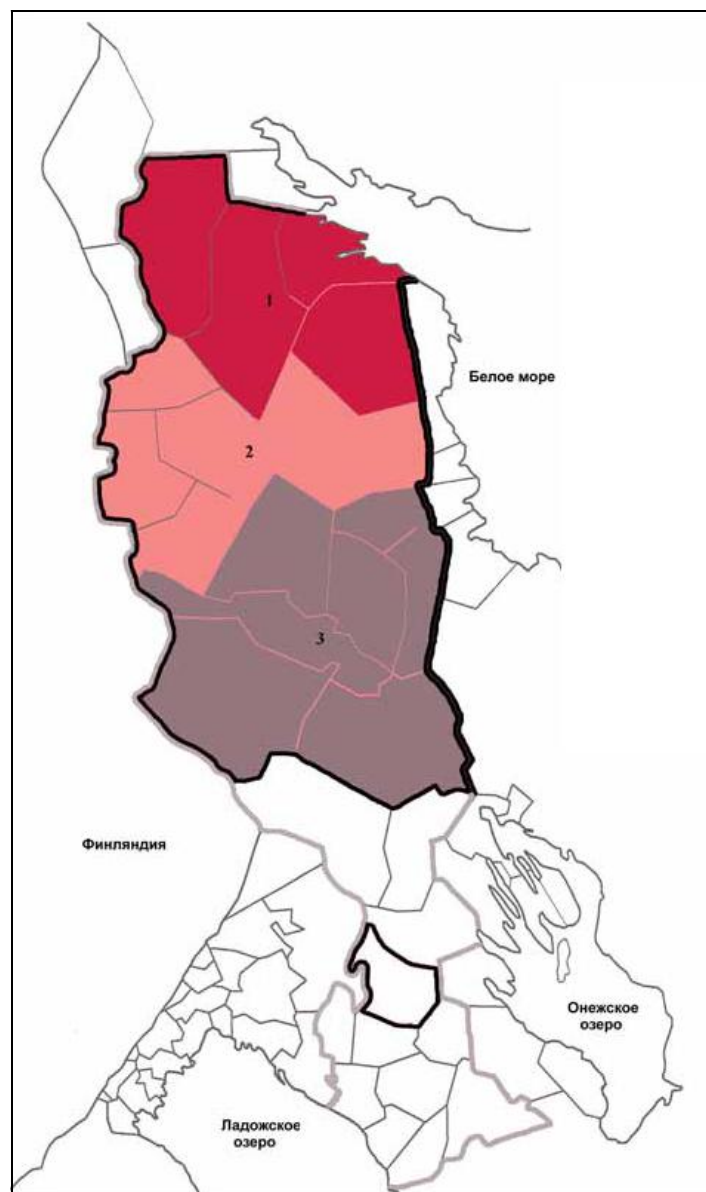

Карта 1. Арел исследования

ярким свидетельством того, что -л-овая топонимия действительно связана с ранним оседлым земледельческим населением и его развитой аграрной деятельностью.

Как же выглядит на фоне гнездовой поселенческой системы распространение ойконимов -л-ового типа в других районах Карелии?

Как отмечалось выше, кроме южных районов, развитые гнезда поселений зафиксированы также в средней (Сегозерье) и северной (Калевала, Кестеньга) Карелии. По мнению В. П. Орфинского, решающее влияние на уровень развития

Карта 2. Ареалы распространения *-l-*овой модели в названиях домов:
1 – зона наибольшей активности модели, 2 – зона средней активности модели,
3 – единичные фиксации

поселенческой сети в указанных районах оказал «залповый» характер карельской миграции XVII в. [см.: Орфинский, 1998, 19–20]. Согласно языковым данным, освоение карелами средней и северной Карелии проходило в несколько этапов. Первая волна переселенцев (XIV в.) колонизировала территорию от реки Суны до озера Сегозера. Вторая волна (XV в.) охватила территории, находящиеся севернее озера

Сегозеро, вплоть до озера Ондозеро и южной части бассейна реки Кемь [см.: Бубрих, 1947, 39–40]. Считается, что третья волна карельской миграции – из северо-западного Приладожья в Лопские погосты в XVII в. – была самой массовой [см.: Орфинский, 1998, 19].

Обратимся к Сегозерью. Учеными, начиная с Д. В. Бубриха, отмечаются некоторые особые черты этнонимии этого края [см.: ДК, 1980, 3]. Так, здешние карелы называют себя, с одной стороны, традиционным для собственно карел этнонимом *karjalazed* ‘карелы’, с другой – *lappalazed* ‘лопары’. Эта особенность, по мнению исследователей, является следствием поэтапного освоения края: этноним *karjalazed* закреплялся в местах массового карельского заселения, на окраинах же, где шло постепенное внедрение карельских поселенцев на занятую лопью территорию, смены этнонимов не происходило. О правомерности последнего утверждения свидетельствует тот факт, что ареал этнонима *karjalazed* и территория гнездового типа поселений совпадают [см.: Орфинский, 1998, 19].

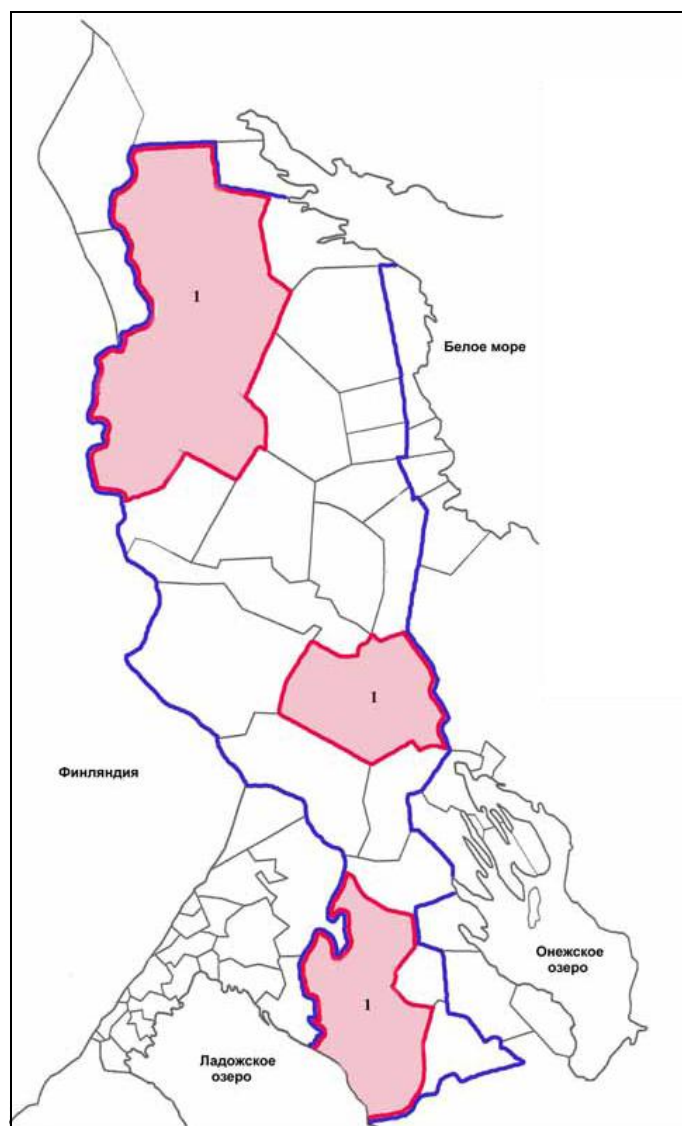
По мнению И. И. Муллонен, распространение -l-овой ойконимической модели в Сегозерье можно достаточно уверенно связывать с последней – самой массовой – волной карельских переселенцев, относящейся к XVII в. Что касается области распространения данной модели, то она совпадает с ареалом самоназвания *karjalazed* и с территорией, на которой отмечен гнездовой тип поселений. Этноним *lappalazed* в ареале сегозерских -l-овых ойконимов не засвидетельствован [см.: Муллонен, 2001, 26–29]. Таким образом, одновременное переселение большими группами способствовало образованию кустов поселений и сопровождалось формированием ойконимов -l-ового типа.

Обратимся к следующей территории, на которой отмечена развитая система гнездового расселения. В. П. Орфинский эта система обозначена как ухтинско-кестеньгская «гнездовая аномалия». Каковы ее особенности? Во-первых, данный регион отличается неблагоприятными агроклиматическими условиями. Во-вторых, как полагают исследователи, он был достаточно поздно заселен карелами, пришедшими из Приботнии: известно, в частности, что последние группы приботнийских карел появились здесь в начале XVIII в. [см.: Бубрих, 1947, 43; Pöllä, 1995]. Таким образом, аграрный потенциал региона (неблагоприятные климатические условия и относительно молодое аграрное освоение) не мог способствовать гнездообразованию.

На гнездообразование в данном регионе решающее влияние оказал характер миграции карельского населения – расселение компактными группами. Дополнительным импульсом образования гнезд, по мнению исследователей, могла стать также активность национального самосознания пришлого населения, направленная на сохранение традиционной культуры. Считается, что гнездовое расселение в XVII–XVIII вв. являлось традиционным для мест прежнего проживания карел-переселенцев и проникло на северо-запад Карелии вместе с ними. Сохранение в условиях массовой миграции общинных связей обеспечивало преемственность этнокультурных традиций, в том числе и традиций расселения: сельская община являлась «гарантом сохранения и воспроизведения традиции селиться гнездами...» [Орфинский, 1998, 20–21]. Показательно в связи с этим, что наибольшая концен-

трация *-l*-овых названий поселений на территории Беломорской Карелии обнаруживается именно в Ухтинском и Кестеньгском краях. Таким образом, зона ухтинско-кестеньгской «гнездовой аномалии» также отличается сосредоточением ойконимов *-l*-овой модели.

Итак, все три ареала, в которых отмечена наибольшая плотность поселений гнездового типа, совпадают с областями распространения и функционирования *-l*-ового ойконимического форманта (карта 3).

Карта 3. Ареалы наибольшей концентрации топонимов *-l*-овой модели:

1 – ареалы гнездового расселения

Учитывая то, что возникновение гнезд связано с архаичной формой родовой организации – патронимией, нельзя не обратить внимания на интересные наблюдения, сделанные учеными-этнографами при изучении карельской семьи.

До середины XIX в. в Карелии преобладали большие семьи. К концу XIX – началу XX в. начался процесс вытеснения больших семей малыми. Важно подчеркнуть, что наибольшей интенсивностью этот процесс отличался у финно-карельского населения северного и западного Приладожья, а также у карел-ливвиков. В то же время среди населения Беломорской Карелии традиция большой семьи долго сохраняла свою устойчивость и жизнеспособность. В самых северных районах Кестеньги и Ухты большие семьи существовали даже в 1920-е гг. [см.: Сурхаско, 1977, 38]. Именно в этих районах обнаруживается особая популярность -l-ового суффикса в наименованиях домов, причем в основе этих названий, как правило, восстанавливается православное личное имя. Если двигаться с севера на юг Карелии, то количество -l-овых названий домов будет уменьшаться, а количество ойконимов на -l, напротив, расти. Отметим, что на северо-западе Беломорской Карелии -l-овая модель «работала» еще в начале XX в. (см. ниже). Достаточно долгая «жизнь» -l-овой модели в указанном ареале объясняет сохранившиеся до наших дней названия домов на -la.

Наряду с патронимическими -l-овыми названиями в Карелии бытуют и наименования гнезд, отражающие характер местной географической среды. Ниже приведены примеры как патронимических, так и «физико-географических» названий гнезд. В состав села *Rebol'a* (рус. *Реболы*) входят *Tuntula*, *Duaniezenniemi*, *Riigozenniemi*. С другой стороны, под общим названием села *Вудлица* объединяются деревни *Tykkyl*, *Triššul*, *Hoškil*, *Pirdoilu*, *Pikkoilu*. В состав села Тулокса входят *Rabal*, *Marttoilu*, *Teppoilu*, *Čomal*, *Pemmul*. Общим названием для деревень *Kaskol'a*, *Remšula*, *Kuyrölä*, *Lippol'a* служит *Вокнаволох* (карел. *Vuokkiniemi*). Надо сказать, что гнездо поселений, обозначаемое не патронимически, обычно носит название природного объекта. Вероятно, в этом типе именования находит отражение относительно молодой возраст соответствующих гнездовых объединений.

Подводя итог вышесказанному, попытаемся сформулировать некоторые общие положения, касающиеся происхождения, хронологии и зон распространения карельских названий поселений, оформленных -l-овым формантом.

По всей видимости, проникновение -l-овой модели в рассмотренные выше области связано с миграциями карельского земледельческого населения с территорий племенной родины корелы – Приладожья, где данная модель была достаточно продуктивна. При этом считается, что в Приладожье модель начинает проникать уже с XIII в. вместе с вероятным оттоком населения с запада Финляндии [см.: Kepsu, 1981, 72; Lehtikoinen, 1988, 232].

Надо полагать, что проникновение -l-овой модели на территорию проживания карел-ливвиков (Олонецкий и Пряжинский районы) произошло раньше, чем на северные территории. На это косвенным образом указывает характер основ, к которым присоединяется -l-овый формант. Ливвиковская -l-овая ойконимия отличается затемненными, не поддающимися этимологизации отантропонимическими осно-

вами. В собственно карельском ареале основы названий на *-la* более прозрачны. Другими словами, представленный в ливвиковских названиях нехристианский именослов является настолько древним, что апеллятивы, к которым он восходит, уже утрачены. Не исключено, что ливвиковская *-l*-овая ойконимия в низовьях рек Олонки, Тулоксы, Видлицы может иметь общие истоки с южно-свирской вепсской ойконимией на *-l*. Дело в том, что на этих территориях фиксируется приладожская курганная культура X–XIII вв., с которой ойконимы на *-l* могут быть связаны не только ареально, но и хронологически. Благодаря мощной поддержке со стороны карельских переселенцев, в ливвиковском ареале *-l*-овая модель сохраняла свою продуктивность значительно дольше, чем в южном вепском Присвирье [см.: Муллонен, 2002, 168–169].

Вероятно, в среднюю и северную Карелию *-l*-овая модель проникает после XVI в.: ее распространение здесь, как уже отмечалось, связано с «залповыми» карельскими миграциями начала XVII в.

В Тверской Карелии, которая была заселена приладожским населением в XVII в., ойконимов на *-la* практически нет [см.: Virtaranta, 1992], что, по-видимому, объясняется особенностями ее заселения. Оказавшись на полуопустевших русских территориях, карельское население усвоило уже имеющиеся здесь русские топонимы: практически все поселения тверских карел имеют адаптированные карельским языком русские наименования (ср. *Vasiliskoi* – рус. *Васильевская*; *Voroniha* – рус. *Ворониха*; *Nazarova* – рус. *Назарово*). Очевидно, аналогичная ситуация сложилась в Тихвинской Карелии, где зафиксировано всего одно название на *-la*: *Terpol' anpeldo*, поле в д. Карельская Горка, которая считалась ранее центром всех карельских деревень этого региона.

В западной Беломорской Карелии, по нашим материалам, пик активности *-l*-овой модели приходится на XVIII в., причем модель продолжает функционировать вплоть до начала XX в. Возможно, в данном топонимическом факте также отражены особенности заселения территории: исходным районом карельских переселенцев в эти края была Приботния, а время переселения (XVIII в.) относится к последнему этапу карельской миграции.

Отметим один интересный момент, касающийся истоков и функционирования *-l*-овой модели в Беломорской Карелии. Последняя волна миграции карел на северо-восточное побережье Белого моря была связана с оттоком населения из Кестеньгской Карелии в начале XX в. в связи со строительством рудников и появлением вследствие этого новых рабочих мест (так, к примеру, образовался современный поселок Чупа). В ходе последней экспедиции в восточную Беломорскую Карелию (2004 г.) выяснилось, что первоначальные названия домов на рассматриваемой территории образовывались исключительно с помощью *-l*-ового суффикса. Например, в основанной в 1911 г. деревне Соностров (карел. *Suurisuari*) все названия домов были на *-la*: *San'kala*, *Ondreil'a*¹, *Taraškol'a*, *Jekkilä*, *Offol'a*, *Jyrkilä* и т. д.

¹ По рассказам бывших жителей Сонострова, первопоселенцем указанного дома был некий Кемов, родом из Кестеньги (ср. *Kömölä*, первоначальное название Кестеньги).

Выше упоминалось, что в районе Кестеньги -l-овая модель имела высокую продуктивность. Таким образом, карельские переселенцы из кестеньгских деревень принесли модель с собой в восточное Беломорье, где она продолжала активно участвовать в образовании новых топонимов.

В заключение укажем на следующую существенную особенность распространения топонимии -l-ового типа на карельской территории. В ареале проживания карел-людигов зафиксировано лишь несколько ойконимов, оформленных -l-овым формантом. Как же объяснить практически полное отсутствие -l-овой топонимии в зоне проживания карел-людигов, принимая во внимание особую популярность данной модели на смежной ливвиковской территории?

В людиковском Присвирье рассматриваемая модель обнаруживается в низовьях рек Усланки и Важинки: ср. *Tuošla* ~ *Tuoškal*, *Pirkl'a*, *Kinul*, *Sagil*. В свое время финский исследователь В. Ниссиля выдвинул предположение о вепсских истоках -l-овых названий в северно-свирском ареале расселения людигов [см.: Nissilä, 1947, 13], которое находит подтверждение в современных исследованиях [см., например: Муллонен, 2002, 168–170]. Во-первых, зафиксированные на людиковской территории северного Присвирья названия на -l образуют ареальное единство с подобными названиями южного Присвирья – территории расселения вепсов. Во-вторых, в пользу вепсских истоков модели в северно-свирском ареале свидетельствует тот факт, что для передачи прибалтийско-финских -l-овых ойконимов в северном Присвирье используется типичная для соответствующих южно-свирских топонимов русская модель на -ицы: *Kinul* – *Кинницы*, *Tuoškal* – *Ташкиницы*, *Pirkl'a* – *Пиркиницы*, *Sagil* – *Согиницы*.

Итак, вышеизложенные соображения связывают проникновение -l-овой модели в людиковское Присвирье с вепским, причем относительно ранним освоением указанных территорий. Практически полное отсутствие ойконимов с -l-овым суффиксом в остальном людиковском ареале связано, по-видимому, с тем, что сформировавшаяся в результате вепско-карельского контактирования людиковская территория, с одной стороны, не входила в ареал раннего вепского освоения, который маркируется именно -l-овой ойконимией, с другой стороны, людиковская территория, в отличие от ливвиковского ареала, осталась и вне пределов массового карельского освоения. Таким образом, ни вепсы, ни более поздние карелы не заложили здесь традиции употребления ойконимов с суффиксом -la.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.

Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение // Сов. этнография. 1955. № 2. С. 27–40.

ДК 1980 – Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л., 1980.

- Картотека KKS – картотека сектора Словаря карельского языка (Karjalan kielen sanakirja), хранится в Исследовательском институте по изучению родных языков (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus), Хельсинки.
- Клементьев Е. И.* Этносоциальные аспекты переписи населения 1926 г. // Карелы, финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 43–66.
- Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Орфинский В. Г.* Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Орфинский В. Г., Гришина И. Е. Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 13–31.
- Пименов В. В.* К истории сложения типов поселений в Карелии // Сов. этнография. 1964. № 2. С. 3–18.
- Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977.
- Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М., 1965.
- Kepsu S.* Pohjois-Kymenlaakson kylännimet. SKST 367. Hämeenlinna, 1981.
- Lehikoinen L.* Kirvun talonnimet. Karjalaisen talonnimisysteemin kuvaus. SKST 493. Hämeenlinna, 1988.
- Nissilä V.* Kuujärven paikannimistöä // Virittäjä. 1947. № 1. S. 13–19.
- Nissilä V.* Suomalaista nimistötutkimusta. SKST 272. Helsinki, 1962.
- Pöllä M.* Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Tampere, 1995.
- Virtaranta P.* Tverinkarjalaisista nimistä. SUST 209. Helsinki, 1992.

* * *

Ольга Леонидовна Карлова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры карельского и вепсского языков Петрозаводского государственного университета.

Н. М. Ивашова

ТОПОНИМЫ И КАТОЙКОНИМЫ В «СЛОВАРЕ ОБЛАСТНОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ» А. О. ПОДВЫСОЦКОГО

The article deals with peculiarities of toponyms' lexicographical description in the "Dictionary of the Regional Arkhangelsk Dialect" by Podvysotsky A.O. published in 1855. Since the compiler of the dictionary did not seek to fully and systematically describe the proper names functioning on the territory of the Arkhangelsk region (the main dictionary body is appellative vocabulary), toponyms and katoikonims are presented by separate lexemes. The author of this publication examines the following types of dictionary entries: 1) entries with a heading word-toponym, 2) entries with a heading word-appellative where a toponym is cited (more frequent – toponym-phrase) which contains the appellative described (in entries like this one toponyms are given as a separate meaning of a polysemantic word), 3) entries with a heading word-katoikonym or word-toponym by describing of which a katoikonym is presented. A set of structural lexicographical components is also revealed in the article (either for totality of dictionary entries containing toponyms, or regarding every type of entry), the attempt is made to structure detached dictionary entries in order to reveal the toponym lexicographical model construction algorithm in the given source.

Вопрос о месте ономастического материала в системе словарей литературного языка и словарей областной лексики, а также о способах лексикографической подачи имен собственных ставился неоднократно, при этом высказывались разные точки зрения относительно включения онимов в словари [см.: Срезневский, 1854; Щерба, 1940; Мельниченко, 1957; Смолицкая, 1981]. Обзор словарей на предмет включения в них имен собственных (и топонимов, в частности) представлен

в работе В. Э. Сталтмане [1989]. Особое место среди словарей диалектной лексики XIX в. занимает словарь А. О. Подвысоцкого [1885], в котором кроме областной апеллятивной лексики приводятся топонимы и некоторые их производные.

«Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого (далее – Словарь) является выдающимся лексикографическим исследованием, высоко оцененным учеными уже в XIX в. (о чем свидетельствует присуждение автору за этот труд Ломоносовской премии Вторым отделением Академии наук в 1881 г.) и представляющим собой ценный источник для изучения лексики северо-русских говоров. А. О. Подвысоцкий, по словам Я. К. Грота, «переселясь в Архангельскую губернию... изъездил этот край во всех направлениях, бывал на Мурманском берегу и даже прошел Северный океан от Норвегии до Новой Земли включительно. Во время своих переездов, изучая быт народа, он записывал все поражавшие его слова и выражения, пословицы, поговорки, из которых мало-помалу составил его словарь» [Грот, 1885, 1].

В Словаре топонимы представлены отдельными лексемами, которые включены в общий корпус словаря в алфавитном порядке: системное описание географических названий не являлось целью автора. Выбор наименований географических объектов обусловлен намерением автора описать малопонятные диалектные слова (в том числе топонимы), которые составляют своеобразие одного из говоров Русского Севера и представляют интерес для изучения особенностей жизни, деятельности и культуры населения данной местности. Многие топонимы содержатся в Словаре в статьях, посвященных оттопонимическим производным, в частности катойконимам, которые функционируют в составе поговорок, характеризующих жителей Архангельской губернии по различным признакам.

Географические названия, зафиксированные в Словаре, различаются по типам, происхождению, хронологии употребления, нормативности и лексикографически представлены по-разному. Выделяются следующие типы топонимов: 1) ойконимы: названия городов – *Большая слобода, Васин, Гамфешт, Онега, Шенкурск* и др.; деревень, селений – *Боро-Виска, Горская, Матигоры, Мохченское, Товра, Ухта* и др.; 2) названия стран (только Норвегии) – *Норвега, Норвег, Норг, Норвежский берег*; больших территорий, краев – *Зимний берег, Ижма, Кандалакской берег, Тобольщина, Терская украйна* и др.; 3) гидронимы – *Болванска губа, Железные ворота, Сухое море, Орлецкая водовороть* и др.; 4) названия камней, гор и горных хребтов – *Русский поп, Норвецкой поп, Турья гора, Чайцын Камень* и др.; 5) инсулонимы – *Грумáнт, Матка, Соловец*; 6) дромонимы – *Царская (Государева) дорога*; 7) различные ландшафтные топонимы – *Канушин мыс, Немецка варака, Пур-наволоок, Хвостовина* и др.

Поскольку топонимическая лексикография в России в конце XIX в. находилась в стадии становления, лингвистические словари, комплексно описывающие географические названия, еще не составлялись (топонимы, как правило, фиксировались в географических словарях энциклопедического типа), следовательно, не было и системного подхода к разработке словарной статьи на имя собственное, называющее географический объект. Тем не менее принципы лексикографического описания топонимов в Словаре А. О. Подвысоцкого во многом соответствуют

принципам их описания в современных словарях, хотя подача топонимического материала в данном источнике имеет свои особенности.

В Словаре А. О. Подвысоцкого топонимы описываются в следующих типах словарных статей: 1) словарная статья с заглавным словом-топонимом; 2) словарная статья с заглавным словом апеллятивом, в которой приводится топоним (чаще топоним-словосочетание), содержащий в своем составе данный апеллятив; 3) словарная статья с заглавным словом-катойконимом или топонимом, при описании которого приводится катойконим; 4) словарная статья, в которой топонимы только упоминаются при описании других топонимов или апеллятивов (такие статьи нами отдельно не рассматриваются).

Лексикографические данные, приводимые для описания топонимов в Словаре, содержат следующие компоненты, которые в общем соответствуют разделам словарной статьи, но не всегда четко структурированы: 1) заглавное слово; 2) грамматические пометы; 3) варианты названия; 4) толкование лексемы, от которой образован топоним; 5) указание на вид объекта; 6) географическая привязка названия к объекту; 7) исторический комментарий; 8) прагматический комментарий; 9) этнографический комментарий; 10) информация о достопримечательностях; 11) этимологический комментарий; 12) топонимы, составляющие бинарную оппозицию; 13) оттопонимические дериваты; 14) устойчивые сочетания и поговорки, содержащие топонимы и оттопонимические дериваты.

Словарная статья включает в себя перечисленные компоненты в разном, чаще неполном наборе, с разной степенью подробности и последовательности изложения. Принципы лексикографической подачи компонентов, с одной стороны, укладываются в определенную модель описания топонима, с другой стороны, эта модель недостаточно четко разработана.

Словарные статьи с заглавным словом-топонимом. Рассмотрим лексикографические особенности отдельных компонентов таких словарных статей.

Заглавное слово. Поскольку Словарь содержит только диалектную лексику, географические названия, выступающие в качестве заглавного слова, являются областными, существующими в говорах самостоятельно или параллельно с литературными (официальными) вариантами этих названий. Они, как правило, репрезентируют географический объект, выделяющийся в сознании носителей говора как прагматически значимый (связанный с промыслом).

Заглавное слово приводится в форме именительного падежа единственного числа.

С точки зрения нормативности заглавное слово представляет собой:

1. Адаптированный носителями говоров вариант официального (обычно иноязычного) названия: *Варгаев* «так называют Поморы гор. Вардегуз в Норвегии при Северном океане» [15]¹; *Васин* «так называют Поморы Норвежский город Вадзэ

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указываются номера страниц словаря А. О. Подвысоцкого, сокращения в цитатах соответствуют источнику.

при Северном океане» [15]; *Гамфеист, Омарфист* «так называют Поморы город Гаммерфест в Норвегии, при Северном океане» [30]. Фонетически адаптированным можно считать и топоним *Грумáн, Грумáнт* «остров Шпицберген (по говору морских промышленников)» [35] (вероятно, из шв. *Grönland* [Фасмер, 1, 464]). Подобные наименования имеются во многих диалектных лексикографических источниках и поморских лоциях XVII – начала XX в. [см.: Лоция Белого моря, 1924; Вахтин, 1894; Гемп, 1980; Морозов, 1909; Расписание мореходства..., 1866; и др.]. Они составляют особую группу диалектных топонимов, специфичную в отношении фонетического освоения слов норвежского языка носителями северно-русских говоров и представляют интерес для изучения особенностей фонетического облика западно-европейской по происхождению лексики в говорах.

2. Диалектный фонетический вариант катойконима: *Шелековец* «(собственно должно бы быть: Шелéховец) – житель с. Шелеховского, Онеж. у. при р. Шелексе» [192].

Вышеназванные типы вариантов выявляются на основании комментария автора Словаря, они помещены сразу после заголовочного слова и начинаются словами: «так называют...», «по говору...» и т. п.

3. Местный эквивалент официального топонима: *Большая земля* «так называют жители Архангельской губернии Запечорский край Мезенского уезда» [9]; *Городок* «местное название с. Пустозерска в Мез. у.» [34].

4. Местное название географического объекта, не имеющее официального аналога (или последний в Словаре не указывается): *Зимний берег* «северо-восточный берег Двинского залива и юго-восточный, до Мезенского залива, берег горла Белого моря (т. е. пролива, соединяющего это море с Северным океаном)» [56]; *Летний берег, Летние горы, Летняя сторона* «возвышенный сажень в 30–50 над уровнем моря юго-западный берег Белого моря от с. Мудьюги Арх. у. до с. Дураково Онеж. у.» [85]; *Волчки* «местное название гор, окружающих Териберскую бухту на Мурманском берегу. Кол.» [21]. Такие названия в словарной статье объясняются: приводится официальный эквивалент топонима или дается географическая привязка к объекту, не имеющему официального названия (в этом случае топоним снабжается географической пометой, как при описании апеллятива: «Кол.» – «кольское»).

5. Устаревшее название географического объекта: *Большая слобода* «прежнее, еще и теперь употребительное у местных жителей название г. Мезени» [9]. Указание на него дается автором в качестве толкования топонима: *Воскресенской погост* «прежнее название бывшего города, теперь селения Кевроль в Пин. у.» [22]; *Датска (Датская страна)* «так в прежнее время называли Поморы Норвегию, по бывшей ее принадлежности к Датскому королевству...» [36]. Вариант *Датская страна*, данный в скобках, не совсем понятен: бытует этот вариант в говорах наряду с *Датска* или является авторским уточнением полного географического названия? Иногда такие названия указываются в составе краткого исторического комментария: *Терская укайна, Терской берег* – «часть западного берега Белого моря от с. Варзуги до становища Три острова. В старину, во время Новгородского владычества, Терский берег назывался: Тре, Тер, Тир...» [172].

6. Морфологический вариант литературного (официального) или диалектного названия. К ним относятся: однословные лексемы, различающиеся в грамматическом роде – *Норвега, Норвег* [103]; *Прилука, Прилук* [138]; словосочетания, синонимичные однословным топонимам, которые, как правило, состоят из существительного – географического термина и определения, мотивированного однословным топонимом, – *Норвежский берег* [103]; атрибутивные сочетания с существительными – географическими терминами: *Терская укрaina, Терской берег* [172]. Такие варианты указываются в качестве заглавных слов одной словарной статьи через запятую. Варианты, расположенные после начального, подаются в Словаре также в виде отдельных отсылочных статей: *Норвега, Норвег, Норг* «Норвегия, также: *Норвежский берег*»; *Норвег* – см. *Норвега*; *Норг* – см. *Норвега* [103]; топоним *Норвежский берег* автором не выделен как вариант заглавного слова и отсылки не имеет.

7. В некоторых словарных статьях заглавное слово сопровождается вариантами-деминутивами: *Курья (уменьш. Курейка, Курка)* [79]; *Прилука, Прилук (уменьш. Прилукчик)* [138] (уменьшительность форм отмечена А. О. Подвысоцким).

Варианты названий даются в Словаре не только в качестве заглавных слов, но и в других разделах словарной статьи. Поэтому не во всех случаях их следует считать отдельным компонентом лексикографического описания, потенциально соответствующим разделу словарной статьи. Расположение данного компонента в структуре словарной статьи четко не определено.

Грамматические сведения указываются редко, они приводятся при описании оттопонимических дериватов (катойконимов):

а) форма множественного числа, причем формы единственного и множественного числа даются в разных словарных статьях: *Летнесторонец (мн. ч. летнесторонцы)* «житель Летнего берега Белого моря», *Летнесторонцы* – см. *Летнесторонец* [85]; *Пустозер (мн. ч. пустозерá)* «житель с. Пустозерск (прежнее место ссылки – Пустозерский острог)», *Пустозерá* – см. *Пустозер* [143].

Грамматическая помета «мн. ч.» дается непоследовательно, в тех, вероятно, случаях, когда диалектная словообразовательная модель не соответствует модели литературного языка (*пустозерá*) или для дополнительного толкования значения слова (*летнесторонцы*). В Словаре зафиксировано слово *зимнесторонцы (зимнесторонец)* со значением «житель Зимнего берега Белого моря», но в отличие от *летнесторонцы* форма множественного числа в качестве заголовочного слова не указана (только *зимнесторонец*), а толкование данного катойконима приводится в словарной статье с заглавным словом *Зимний берег*: «...Жители расположенных по Зимнему берегу деревень называются зимнесторонцами (зимнесторонец)» [56];

б) собирательное значение катойконимов: *Подвинщина (собир.)* «жители побережья Северной Двины» [125];

в) помета «уменьш.» дается при заглавных словах, являющихся деминутивами основного заглавного слова: *Курья (уменьш. Курейка, Курка)* [79].

В ряде словарных статей приводятся топонимы, составляющие бинарную оппозицию:

- *Большая слобода* – «в отличие от Малой слободы – с. Усть-Цыльма, при р. Печоре в Мез. у. ...» [9]; *Малая слобода* – см. *Большая слобода* [87];

- *Ворота* – «..Железные ворота между Соловецкими островами, Большой Муксальмой и Малой Муксальмой (собственно не весь этот пролив, а две его оконечности: северные или *большие железные ворота* и южные или *малые железные ворота*)» [22]. В Словаре топонимы *Большие* и *Малые железные ворота* даются в отдельных словарных статьях с отсылкой к статье *Ворота* 2 [87, 9]. В последней упоминаются топонимы *Большая* и *Малая Муксальма*, также находящиеся в бинарной оппозиции, однако отдельных статей в Словаре на них нет;

- *Русской и Норвецкой поп* – «так называют Мурманские промышленники два больших камня, поднимающихся из океана у входа в Гаврилово становище, один с правой стороны – Норвецкой поп, а другой с левой – Русской поп» [132]. Данные топонимы приводятся в словарной статье *Поп* под цифрой 3, т. е. как толкование третьего значения многозначного слова, хотя выделены эти топонимы как заглавные слова. Имеются отсылочные словарные статьи: *Русской поп* – см. *Поп* 3 [150]; *Норвецкой поп* – см. *Поп* 3 [103].

Указание на вид объекта и географическая привязка названия к объекту объединяются в рамках одного структурного компонента и четко не разграничиваются: *Болв́анские сопки* «небольшие курящиеся сопки в Самоедских тундрах» [183]; *Камень* «1) Горный хребет (Чайцын камень в Тиманской тундре, Сибирской камень – Уральские горы, Тиунский камень у Канина носа)... 2) Обозначенный бакеном валун на фарватере Северной Двины (Спасской камень против Спасской пустыни, Собачий камень против Ухт-острова). Арх., Холм.» [62]; *Волчки* «местное название гор, окружающих Териберскую бухту на Мурманском берегу. Кол.» [21]; *Сухое море* «залив (около 25 верст в длину и 5 верст в ширину) между устьями Северной Двины и началом Белого моря, образуемый частью Зимнего берега, Никольскою косою и островом Мудьюгою...» [168]; *Городок* «...2) Название естественной плоской возвышенности (около версты в длину, сажень 50 ширины и 5 сажень вышины) близ селений Шарапова и Емецкого в Холм. у. между озерами Задворским и Яфанским» [34].

Степень подробности и точности географической привязки к объекту зависит от степени размеров и известности самого объекта. Локализация малоизвестных объектов дается более подробно и точно, хотя и не во всех случаях. Словарные статьи, описывающие хорошо известный объект, не содержат сведений о географической привязке. Например: *Город, Архангельской город* – «этими названиями обозначают город Архангельск – вторым Поморы (о нем у них поговорка: *город архангельской, а народ в ём дьявольской*), а первым крестьяне прочих местностей губернии» [34]. Здесь автор объясняет только диалектные варианты литературного топонима.

Один и тот же топоним, относящийся к разным географическим объектам (точнее, наименование населенного пункта, распространившееся за его пределы на территорию с неопределенными границами) описывается в рамках одной словарной статьи без четкого разграничения: *Ижма* – «независимо от села этого названия в Запечорск. крае Мез. у., Ижмою называют Русские всю местность в Запечорск.

крае, населенную зырянами и заключающую в себе волости: Мохченскую, Красноборскую, Кедвавомскую и Устькожвинскую» [58].

Сведения о происхождении географических названий в словарных статьях рассматриваемого типа отсутствуют.

Исторический комментарий содержится в описании ряда лексем и часто сочетается с географической привязкой, этимологическим или прагматическим комментарием:

- *Царская, Государева дорога* – «под этим названием до сих пор известна в народной памяти проложенная Петром Великим дорога от с. Нюхчи (близ берега Белого моря в Кем. у.) к Онежскому озеру у г. Повенца. Дорога эта давно уничтожилась, и только сохранился и постоянно поддерживается небольшой участок ее у самого с. Нюхчи, куда из местной церкви ежегодно совершается крестный ход» [185]. В данной словарной статье комментарий можно назвать историко-прагматическим, поскольку здесь не только сообщаются исторические сведения о называемом объекте, но и указываются его настоящие размеры и функциональное назначение;

- *Городок* – «в старину, во время военных тревог Новгородской эпохи, местностью эту пользовались для устройства засад» [34].

Прагматический комментарий приводится в Словаре для объяснения практической значимости объекта: *Верхняя рыболовля* – «урочище близ р. Сензы (приток р. Кары) в Мез. у., на котором расположено несколько избушек для рыбопромышленников» [17].

Этнографический комментарий – сведения этнографического характера, приводимые в качестве дополнения к другому комментарию. Например: *Хеге* – «этим названием самоеды обозначают о. Вайгач, где, по языческим преданиям, предполагают местопребывание матери богов» [183].

Информация о достопримечательностях имеется в нескольких словарных статьях:

- *Кандалакской берег: ...Кандалуха* – «местное название Кандалакского берега и обширнейшего у того же берега залива Белого моря; этот залив и находящиеся на том же берегу: Турья гора (огромный с террасообразными уступами утес в 200 футов над уровнем моря) и Олений рог (возвышенный, глубоко в Кандалакский залив вдавшийся мыс на Оленьем острове) составляют местные замечательности, которые туземцы величают: матушка Турья гора, госпожа Кандалуха губа, батюшка Олений рог» [62];

- *Сийски пески* – «так называют местные раскольники песчаное пространство между Сийскою и Селецкою почтовыми станциями... (близ с. Сии находится мужеский монастырь с мощами св. Антония Сийского)» [157].

Словарные статьи с заглавным словом-апеллятивом, при описании которого приводится топоним. В статьях этого типа топонимы даются в качестве отдельного значения многозначного слова. Толкования значений апеллиатива приводятся под номерами, и в качестве последнего указывается топоним (или то-

понимы), имеющий (-ие) в своем составе описываемый апеллятив. В этих случаях автор использует формулировки «употребительно как собственное имя...», «употребляется и в виде собственного имени». Обязательными компонентами лексикографического описания топонима в таком случае оказывается перечисление названий, образованных от апеллятива, указание на вид объекта и географическая привязка:

Виска, Виск... 1) Небольшие, пробирающиеся в обход плотных хрящей почвы, рукава Северной Двины в образуемой устьями ее дельте. Арх. 2) Вытекающий из озера проток и всякая небольшая речка, куда бы ни впадала: в море, озеро или реку. Мез. 3) Ручей или проток, соединяющий озеро с рекою, или два озера, или две реки. Мез. 4) Употребительно как собственное имя для обозначения населенных местностей и рек: в Мез. у. – д. Кривая Виска и р. Виска, вытекающая из Пустозерского или Матф-Висячного озера; в Шенк. у. – д. Боро-Виска [18–19].

В данном примере отсутствует единообразие в лексикографических приемах подачи топонимов: в рамках одной структурной части словарной статьи располагаются как топонимы, являющиеся метонимическим переносом географических терминов (р. *Виска*), так и топонимы-словосочетания, в состав которых входит географический термин (д. *Кривая Виска*, д. *Боро-Виска*).

Более последовательно топонимы приводятся в другой словарной статье:

Вара, Варака... 1) Лес на возвышенном берегу моря. Кем. 2) Возвышенное место, крутой холм, также скалистая гора на берегу моря. <...> 3) Скалистый остров в море, каковы, напр. *немецка варака* – один из скалистых островов, называемых Кузовыми, между г. Кемью и Соловецкими островами; *соло-варака* (солнечная гора), у подножия которой расположен г. Кола; *караульная вара*, также близ г. Колы. 4) Слово варака употребляется и в виде собственного имени: с. Унежское в Онеж. у. расположено у подошвы горы Варака... [15].

Четвертое значение слова описывает наименование, возникшее в результате метонимического переноса (гора *Варака*), а третье значение дополнено географическими названиями, содержащими в своем составе апеллятив – географический термин: *немецка варака*, *соло-варака*, *караульная вара* (два последних топонима даются в Словаре не с прописной, а со строчной буквы).

Иногда топонимы не представлены в качестве отдельного значения апеллятива, иными словами, описание топонима структурно не выделено в словарной статье. В таких статьях топонимы указываются при толковании значения, дополняя или иллюстрируя его: см. выше *Вара, Варака* (в 3-м значении). Таким же образом в Словаре даются, например, следующие топонимы:

Водоворот – водоворот. Верстах в 30-ти от Архангельска, вверх по Северной Двине, известен водоворот у Орleckого мыса, о котором говорят: *Орleckая водоворот над всеми водоворотами водоворот* [20].

Наволоок – 1) Выдающиеся в море, озеро или реку, или возвышающиеся над ними мыс, коса или вообще крутой берег. Таковы, напр., в Архангельск. губернии: Пур-наволоок, Ухт-наволоок, Цып-наволоок и друг. Повсем. 2) *Наволоок, Наволочная пожня* – прибрежный луг, сенокосная земля... [96].

Прилука, Прилук (уменьш. Прилук) – берег речной луки, извилины. В некоторых местностях обозначают этими словами, в виде собственного имени, населенные местности: в Арх. у. д. Прилук, в Пин. у. две деревни названия: Прилука. Повсем. [138].

В некоторых словарных статьях рассматриваемого типа приводится частичный этимологический комментарий: сведения о происхождении заглавного слова –

апеллятива, являющегося опорным словом в географических названиях-словосочетаниях. В ряде словарных статей, описывающих апеллятивы финно-угорского происхождения, автор дает их этимологию, в одних случаях ссылаясь на А. И. Шренка, в других – без ссылок. Приведем примеры таких словарных статей (в сокращении).

Пахта – утес на берегу моря, или выдавшийся в море (по объяснению А. И. Шренка, происходит от Лопарского слова: пахък – гора). Многие из таких утесов обозначаются у мореходов собственными именами, напр. в Кольской губе: Абрамова пахта, Пиногорева пахта. <...> Помор. [118].

Виска, Виск (по объяснению А. И. Шренка, от зырянского слова: вис – небольшая речка, и сродного с финским того же значения словом: веззи)... Употребительно как собственное имя для обозначения населенных местностей и рек: в Мез. у. – д. Кривая Виска и р. Виска, вытекающая из Пустозерского или Матф-Висячего озера; в Шенк. у. – д. Боро-Виска [18–19];

Тайбола <...> Таковы, например, тайболы: Верхняя или Нисегорская между реками Мезенью и Пинею, Нижняя или Кулойская между реками Мезенью и Кулом, Вожгорская между с. Вожгорским при р. Мезени и с. Усть-Цильмою при р. Печоре ... по объяснению А. И. Шренка, слово тайбола произведено от Финского: *taipalet* – расстояние по дороге между двумя местностями [171].

Лапта, Гладь (первое из этих слов самоедское, значит: низменная земля)... Колвенская лапта, Малоземельская лапта... [81].

Следует заметить, что автор объясняет происхождение не топонимов, а апеллятивов финно-угорского происхождения. Поэтому этимологическое толкование географических названий можно считать лишь частичным. Автором дается этимология и некоторых исконных топонимов, например: *враг* – «овраг. Пин. Отсюда название деревень в Пин. у.: Завражская, Завражье, Завраго-Шуломенская» [23].

В Словаре принята система отсылок к словарным статьям. Отдельные наблюдения над отсылочным аппаратом уже изложены выше, сделаем некоторые обобщения.

При лексикографическом описании топонимического материала используются следующие отсылки:

1) отсылки внутри статьи на местные эквиваленты официальных топонимов: *Большой погост* – «1) Местное название бывшего прежде городом села Кевроль в Пин. у. 2) См. *Волок 1*» [9];

2) отдельные словарные статьи, содержащие отсылку к первому в алфавитном перечне наименованию (слову или словосочетанию) и указывающие на: а) вариант топонима, например: *Терской берег* – см. *Терская укрaina* [172]; б) топоним в бинарной оппозиции: *Малая слобода* – см. *Большая слобода* [87]; в) производящий топоним: *Товряна* – см. *Товра* [172]; *Мурманичик* – см. *Мурманской берег* [94]; г) катойконим в форме единственного числа: *Петенбура* – см. *Петенбур* [121].

Если несколько словарных статей, отсылающих к одному названию, расположены одна за другой, они объединяются фигурной скобкой справа.

Топонимы, помещенные в статьях, описывающих апеллятивы, в одних случаях выделены особым шрифтом, отличным от шрифта заглавного слова, и имеют отдельные отсылочные статьи по алфавиту, в других случаях особым шрифтом не выделены и отсылки не имеют.

Лексикографическое описание топонимов в Словаре, хотя и имеет определенный набор структурных компонентов, все же не отличается единообразием в их расположении и объеме. Следует заметить, что полный набор компонентов представлен при описании далеко не всех топонимов. Автор выбирает те сведения об объектах, которые считает важными для пользователя Словаря. Таким образом, недостаточную систематизированность структурных составляющих в словарных статьях, описывающих топонимы, не следует относить к недостаткам Словаря, так как разный набор компонентов, их объем и относительно свободное изложение обоснованы целесообразностью приводимых сведений и причинами отбора самого топонимического материала в этом источнике.

Предлагаем примеры лексикографических моделей нескольких словарных статей, содержащих разный набор структурных компонентов. Статьи выбраны произвольно, приведены такие лексикографические модели, которые имеют наиболее развернутую структуру.

Словарные статьи попытаемся разбить на части, соответствующие компонентам описания топонимов, и для наглядности вычленить эти составляющие. Принятые нами сокращения означают: А – апеллятив; Т – топоним; ЗС – заглавное слово; ТСС – топоним-словосочетание; Т-ы СС – топонимы-словосочетания; ГП – географическая привязка названия к объекту; ОТ – официальный топоним; ЭК – этимологический комментарий; ИК – исторический комментарий; ПрагмК – прагматический комментарий; ЭтнгрК – этнографический комментарий; Д-Кат – дериват-катойконим. Если словарная статья имеет отсылку к другой словарной статье, в том числе к статье с заглавным словом-апеллятивом, то обе статьи объединяются нами в своеобразный лексикографический комплекс и обозначаются римскими цифрами. Свободная форма изложения материала в данном источнике вызывает необходимость уточнения и, следовательно, развернутых формулировок выделенных нами компонентов в схеме словарной статьи.

I. Словарная статья с заглавным словом-топонимом, компоненты которой четко структурированы.

1. [ЗС ТСС] *Большая слобода* [толкование; устаревший эквивалент ОТ] – *прежнее, еще и теперь употребительное у местных жителей название г. Мезени [Т в бинарной оппозиции (устаревший вариант ОТ)] (в отличие от Малой слободы – с. Усть-Цыльма, при р. Печоре в Мез. у.)* [Д-Кат] *Туземцы называют жителей г. Мезени: Слобожана* [9].

2. [ЗС Т-ы СС и Д-Кат] *Слобода большая, Слобода малая, Слобожана* – [отсылка к ТСС] *см. Большая слобода* [159].

II. Словарная статья с заглавным словом-топонимом, компоненты которой четко не структурированы.

1. [ЗС ТСС] *Большой погост* [толкование; диалектный синоним в сочетании с ИК] – *1) Местное название бывшего прежде городом села Кевроль в Пин. у.* 2) [отсылка к А] *См. Волок 1* [9].

2. [ЗС А] *Волок, Волочек, Волочка* – *1) [толкование А] Перешеек, водораздел; узкое между двумя реками пространство земли, через которое можно*

перетаскивать, переволакивать суда из одной реки в другую. [ИК, ПрагмК А] В прежние время волоками пользовались для удобства торговых сообщений, и некоторые из них, которые служили для этой цели, до сих пор известны по названиям: [Т-ы СС, в которых второй компонент – описываемый А; ГП с частичным указанием размеров (ширины) называемого объекта] в Мез. у. – семиверстный Бухонин волок между реками Печорой и Вычегдой, четырехверстный Печерский волок между реками Волосницей и Вогулкой, пятнадцативерстный Пээский волок между системами рек Мезени и Печоры; [ТСС, ГП без указания размеров называемого объекта] в Холм. у. – Средь-Мехренгский волок, [Т-ы СС, второй компонент – деминутив описываемого А; ГП] в Арх. у. – Жаравихин волочек, в Онеж. у. – Касьянов волочек [Т – устаревший эквивалент] Город Пинега и теперь еще известен у местных крестьян под названием: волок [ЭК] (от того, что расположен на четырехверстном пространстве между реками Пинегой и Кулоем, через которое в прежние время переволакивали суда), – [ИК] и они, едучи в Пинегу, говорят, что едут на волок (прежде это была деревня Волок или Большой погост, переименованная в город Пинегу в 1780 году). Повсем. 2) [толкование А] В разных местностях слово волок имеет, сверх того, другие значения: в Шенк. у. – дорога лесистой местностью; в Запечор. крае – проход в горах, горный перевал: у Мурманского берега – перемычки между материком и полуостровами Рыбачьим и Средним; у Терского берега – ложбина между так называемыми Волоковыми губами [21].

III. Словарная статья с заглавным словом-апеллятивом, при описании которого приводятся топонимы.

1. [ЗС А] *Хёге*. [Толкование А] Так называются у самоедов маленькие деревянные или каменные истуканы, идолы, которые они, несмотря на то, что уже окрещены, постоянно носят и возят при себе, а также расставляют их во время промыслов у неводов и у звериных нор. [ЭК А] Слово это самоедское, произведенное от слова: хего (собственно: хеге-о), в буквальном переводе – святая земля. [ЭтнгрК, содержащий ОТ] Этим названием самоеды обозначают о. Вайгач, где, по языческим преданиям, предполагают местопребывание матери богов. Находящиеся в сношениях с самоедами русские промышленники также обозначают о. Вайгач словом: хего. Упомянутых самоедских идолов русские промышленники называют болванами, [Т-ы СС, первый компонент в названиях которых является дериватом А; ЭК и ГП каждого из них] от чего, вероятно, получили свое название: Болванской нос – выдающийся в океан на юго-западной оконечности о. Вайгача утес; Болванская губа – небольшой залив так называемой Голодной губы у берега Северного океана на запад от острова Вайгача; Болванские сопки – небольшие курящиеся сопки в самоедских тундрах [182–183].

2. [ЗС Т-ы СС] *Болв́анска губа, Болв́анские сопки, Болв́анской нос* [отсылка к А]. См. *Хеге* [8].

Словарные статьи с заглавным словом-катойконимом или топонимом, при описании которого приводится катойконим. Дериваты-катойконимы приводятся в форме мужского (общего) или женского рода множественного числа, хотя форма единственного числа этих наименований не только существует, но зафиксирована в Словаре и имеет к себе отсылку (*Пустозера – см. Пустозер*). В ряде словарных статей заглавное слово дается в форме множественного числа и имеет отсылку к производящему топониму (*Кучеришенки – см. Кучериха*). Форма рода в заглавном слове зависит от того, к кому относится дериват в поговорке. Если поговорка характеризует жителей населенного пункта в целом, то катойконим в ее составе употребляется в форме мужского (общего) рода, если лиц женского пола – в форме женского рода. Форма рода, употребленного в поговорке, переносится и в заглавное слово. Помета, указывающая на грамматический род, в Словаре отсутствует.

Словарная статья, содержащая катойконим, укладывается в характерную лексикографическую модель, состоящую из двух частей: I. Заглавное слово (ЗС) – топоним (Т); географическая привязка (ГП); поговорка, содержащая дериват-катойконим (Д-Кат) и сопровождающаяся авторским комментарием: «о тамошних... говорят», «поговорка»; пояснение к поговорке (приводится не всегда). II. Заглавное слово – дериват-катойконим; отсылка к производящему топониму.

Приведем примеры словарных статей, имеющих достаточно четкую структуру:

I. [ЗС Т] **Бутырка** – [ГП] *деревня в Шенк. у.* [Поговорка, содержащая Д-Кат] *О тамошних девушках говорят: по девишникам ходить, да кумачники кроить – Бутырчанки* [пояснение к поговорке отсутствует]. II. [ЗС Д-Кат] *Бутырчанки* – [отсылка к производящему Т] *см. Бутырка* [12].

I. [ЗС Т] **Херпо́ле** – [ГП] *д. в Шенк. у.* [Поговорка, содержащая Д-Кат] *О девушках тамошних поговорка: из окна рожу продать, табаком торговать – Херполянченки* [пояснение к поговорке отсутствует]. II. [ЗС Д-Кат] *Херполянченки* – [отсылка к производящему Т] *см. Херполе* [183].

I. [ЗС Т] **Товра** – [ГП] *деревня в Холмогорском уезде. О жителях ее, [пояснение к поговорке] так как они, в противность обычаю в других местностях этого уезда, неохотно отлучаются на заработки в Петербург и предпочитают или хозяйничать на месте, или наниматься в ямики на почтовых станциях, в насмешку говорят: [поговорка, содержащая Д-Кат] Товряна дома углы подпирают, кнутом деньги наживают.* II. [ЗС Д-Кат] *Товряна* – [отсылка к производящему Т] *см. Товра* [172].

I. [ЗС Т] **Шестакова** – [ГП] *деревня в Шенк. у.* [Поговорка, содержащая Д-Кат] *О тамошних девушках поговорка: по угорчику ходить, колокольчиком звонить, да ребят к себе манить – Шестаковчанки* [пояснение к поговорке отсутствует]. II. [ЗС Д-Кат] *Шестаковчанки* – [отсылка к производящему Т] *см. Шестакова* [192].

Словарь А. О. Подвысоцкого, помимо засвидетельствованной областной апеллятивной лексики, содержит внутри себя также и своеобразный словарь местных

географических названий, который можно считать одним из первых словарей топонимов Русского Севера. Он включает в себя 151 словарную статью на имена собственные (топонимы и производные от них катойконимы), из них 70 статей являются отсылочными. Кроме этого, в 15 словарных статьях, посвященных апелляциям, описывается 35 топонимов-словосочетаний, не вынесенных в отдельные словарные статьи. Эти топонимы включены в наши статистические подсчеты потому, что они не только упоминаются, но и имеют краткое лексикографическое описание.

Наличием топонимического материала словарь А. О. Подвысоцкого выделяется среди других диалектных словарей Русского Севера конца XIX – начала XX в. (в частности, словарей Г. И. Куликовского [1898] и П. А. Дилакторского [1902]). Автором предпринята попытка отбора информации, необходимой как при подаче географических названий в целом, так и при описании отдельных топонимов.

-
- Вахтин В. В.* Объяснительный морской словарь. Изд. 2-е, доп. СПб., 1894.
- Гемп К. П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.
- Грот Я.* Предисловие к «Словарю областного Архангельского наречия» // Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А. О. Подвысоцкий. СПб., 1885.
- Лоция Белого моря. Ч. II. Лоция Белого моря. Пгр., 1913. Ч. II. 1924. С. 33–60.
- Мельниченко Г. Г.* О принципах составления областных словарей. Ярославль, 1957 // Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. Рус. яз. Вып. 26. С. 33–41.
- Морозов Н.* Мореходная книга, или Лоция беломорских поморов // Зап. по гидрографии. Вып. XXX. 1909. С. 270–305.
- Расписание мореходства, или Лоция Беломорских поморцев // Морской сборник. № 3. СПб., 1866. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А. О. Подвысоцкий. СПб., 1885.
- Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. И. Куликовский. СПб., 1898.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: (Проблемы реконструкции): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981.
- Смолицкая Г. П.* О топонимическом словаре Владимирской области // Топонимика в региональных географических исследованиях. М., 1984.
- Срезневский И. И.* Обзор замечательнейших из современных словарей // ИОРЯС. 1854. Т. 3.
- Сталтмане Э. В.* Ономастическая лексикография. М., 1989. С. 13–16.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1940. Т. 1, вып. 3.

* * *

Надежда Михайловна Ивашова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

А. Б. Мороз

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И КВАЗИАГИОГРАФИЯ

The border between the saints' names and the homonymous feasts is not visible often; the feast names are used in quite similar syntactical constructions to those with saints' names: in conjunction with verbs of motion and other predicative constructions. Calendar paroemias are the most frequent texts where the saints' names are used and all actions mentioned in these paroemias are applied to saints. So, we can see the role of saints in the weather definition, agricultural work, time regulation. The tendency of combining few neighbour, paronymous or in any other corresponding dates into one system exists in folk Calendar tradition. Due to this tendency the blood or social relationships between saints, whose feasts are neighbour, are established: St. Malanya (December 31) is St. Basyl's (January 01) mother; the eve of St. Nicholas Feast is called St. Nicholas's Father etc. The approach may be based on the names consonance: "Власий Медосья хватил за волосья" ("St. Blaise has seized St. Medosios's (deformed St. Modestus name) hair). Not only paroemias but even longer legendary texts, calendar ritual songs describe events of these "calendar" saints lives, that absolutely do not correspond to official literary lives of these saints. Thus quasihagiographic texts arise, that substitute the proper hagiography.

Народный календарь представляет собой систему, содержащую в «свернутом» виде народное знание, относящееся к целому ряду сфер человеческой жизни и деятельности: религиозной, хозяйственной, природной и др. Представления о святых в том виде, в каком они содержатся в наименованиях праздников и паремийных текстах (поговорках: *Пришел Илья, наделал гнилья* [КА]; приметах: *С Ерофея холода сильнее* [Некрылова, 2004а, 167]; запретах или предписаниях: *Сяты Андрэй, конопля сей* [Толстая, 2005, 340]), существенно отличаются от представлений о святых в посвященных им нарративах.

По распространенной традиции названия праздников в честь святых сокращаются как в церковной практике (*Васильев день*), так и в народной – зачастую непосредственно до имени этих святых: *Егорий, Василий, Петр и Павел* и т. п. [см.: Толстая, 2005, 377–378]. Таким образом, происходит метонимическая «“апеллятивизация” антропонимов» [Там же, 379], начинающих затем функционировать в языке в отрыве от обладателей этих имен и – в известной степени – по тем законам, по которым функционируют в языке хрононимы. С. М. Толстая отмечает такие признаки адаптации агнионимов в календаре, как употребление имен святых «с атрибутивными уточнениями или “эпитетами”» (*Никола вешний*), «конденсация» парных имен в одно (*Кузьмодемьян*), «использование гипокористических форм христианских имен» (*Варварки*), изменения грамматического рода (*Власье*) и числа (плюрализация) соответствующих имен (*Варвары*), утрата одушевленности (*на Олэксий*), приобретение ими характерных для нарицательных существительных словообразовательных валентностей (способности образовывать, например, глаголы со значением ‘праздновать’ (*саввить, варварить, николить*)) [Там же, 380–383].

Параллельно происходит и обратный процесс. Хрононимы приобретают черты антропонимов, получают ряд признаков, которые скорее характерны для описания живых существ, чем календарных дат. Прежде всего, это включенность их в предикативные структуры в роли субъекта: *Прошли Петровки, опало по листу, прошел Илья, опало и два* [Даль, 3, 106]; *Петр и Павел час (день) убавил* [КА]; *Василий Парийский землю парит* [Калинский, 208]; *Феодор Студит землю студит* [Там же, 55]; *Варвара заварыть, а Мыкола закуе, а Сава варэныкы наварыт* [Толстая, 2005, 145]. Соответственно, действие, происходящее в обозначенный именем святого временной промежуток, по крайней мере формально приписывается ему как действующему лицу.

Агнионимы-хрононимы могут быть включены в атрибутивные конструкции. Это, с одной стороны, выполняет разграничительную функцию, способствует более точной номинации, различению праздников в честь одного святого или в честь одноименных святых (*Никола вешний* в отличие от *Николы зимнего*; *Никита мученик* в отличие от *Никиты столпника*; *Иван Купало* в отличие от *Ивана Постного* и др.). При этом к хронониму может переходить атрибутивная характеристика агнионима (*Илья пророк, Парасковья пятница, Александр Невский*) или же он приобретает свою собственную (*Иван постный, Никола вешний*). Атрибутивные конструкции иногда устанавливают связь между соседними календарными датами, актуализируя их близость: *Иван Покровный* [Толстая, 2005, 113], *Аграфена Купальница* [Калинский, 137]. С другой стороны, атрибут хрононима может содержать дополнительную характеристику соответствующей календарной даты, заключать в себе примету, запрет, предписание: *Алексея пролей кувшин* [Даль, 1, 10]; *Василий капитель* [Калинский, 104]; *Анисья задери подол* [КА]; *Трифон колотило* [Там же]. Соответственно, и в атрибутивных конструкциях нередко содержится указание на действие (*задери подол, пролей кувшин, колотило*), которое представляет собой либо характеристику денотата – календарного периода, либо указание на особенности поведения человека в это время.

Соотнесение имени святого (названия праздника) с соответствующим действием или атрибутом происходит на основании аттракции хрононима-агионима и созвучных ему лексем: *Кузьма кует* [Калинский, 54], *Наум наводит на ум* [Там же, 63], *Герман гремит* [Ясинская, 6]. Примечательно, что не только глагол или атрибут адаптируются к агиониму, но и само имя может искажаться, приобретая большее фонетическое сходство с аттрагируемыми лексемами. Например, в болгарской традиции *Андрей* превращается в *Едрей* под влиянием глагола *наедрявам* 'прибавляться, становиться больше по размеру, количеству' [см.: Попов, 2005, 136].

Народная этимология не единственный способ интерпретации имени святого, она не всегда связана фонетически или семантически с самим именем: *Касьян немилостивый* или *злой*, *Аксинья полузимница*, *Самсон сеногной*. Тут интерпретирующую функцию выполняет соотнесение календарной даты с теми или иными природными явлениями, положением в календаре относительно соседних дат или более крупных единиц, более общий контекст восприятия даты (как в случае с Касьяновым днем).

Синтагматические связи хрононимов-агионимов напоминают синтагматические связи собственно агионимов, а обозначаемые первыми временные единицы зачастую описываются как одушевленные. Омонимия агионимов и хрононимов и сходство их функционирования в языке приводит к частичному или полному отождествлению одних с другими. Этому способствует также и то обстоятельство, что зачастую народное знание о святых и ограничивается, собственно, календарными представлениями: «[Петр и Павел – кто такие?] А это в летнее – летние праздники. [А кто они?] Ну, Петров день, вот Петров день – это было двенадцатого июля. Петр и Павел дня целый час убавил. А Ильи-пророк два часа светлого времени уволок. Ильи-пророк попозже на три недели еще» [КА, с. Лукино, А. А. Назарова, 1934 г. р.]; «[Кто такие святые?] Дак, каждому празднику святой. Вот Егорьев день, Олѣксандров день – всё святые. [Как Егорьев день празднуют?] Егорий-от? Да так, обыкновенно не работают, раньше не работали, в праздники никто не работал» [КА, пос. Льнозавод, Е. П. Шабунина, 1915 г. р.]. Знание о праздниках и связанных с ними обрядах, верованиях, приметах вытесняет и подменяет знание о самом святом, его жизни и подвижничестве. Календарная примета, запрет или предписание включаются в более широкий нарративный контекст и уже не просто интерпретируют или продуцируют календарный термин, но и выполняют сюжетно- и структурообразующую функцию.

По точному замечанию А. Ф. Некрыловой, имя святого в календаре живет специфической жизнью [см.: Некрылова, 2004а, 166], зачастую совершенно независимо как от жития его обладателя, так и вообще от какой бы то ни было реальной или мифологической агиографии. Более того, календарные обозначения сами способны порождать агиографические сюжеты. Хрононим, персонифицируясь, обретая «человеческие» черты, начинает функционировать самостоятельно. Персонификации подвергаются не только агионимы, используемые в качестве обозначения календарной даты, она характерна и для неотантропонимических названий: *Пришла коляда в канун Рождества*; *Масленица-кривошейка*, *погостила у нас*

хорошенько; Батюшка Покров, покрой землю снежком и т. д. Этому способствует устойчивая языковая связь между временем и движением: время описывается в глаголах движения, оно, подобно живому существу, *идет, бежит, летит*, да и сама этимология лексемы *время* восходит к глаголу со значением движения – *вертеть* [Фасмер, 1, 361–362]. Соответственно, праздники тоже *приходят, наступают*.

В случае с антропонимическими хрононимами узнаваемость имени святого способствует возникновению целых интерпретирующих сюжетов. Такие сюжеты могут устанавливать взаимоотношения между хрононимами как между персонажами: персонифицированные даты описываются не просто как живые существа, но вступают во взаимодействие друг с другом. Так, широкое распространение получила тенденция связывать в единую систему несколько соседних (*Аграфена Купальница* и *Иван Купало*) или одноименных (*Никола зимний* и *Никола вешний*) праздников. Зачастую между ними устанавливаются родственные отношения, «вертикальные»: *Миколин батько* (8/21 или 10/23 мая), *Васильев батько* (2/15 января), *Савка – Варварин батько* и т. д. [Толстая, 2005, 386–388] – или «горизонтальные» (более, впрочем, характерные для южно-славянской традиции): св. Нестор – младший брат св. Димитрия Солунского (память Нестора отмечается 9 ноября, на следующий день после Димитриевого дня) [Попов, 2002, 26]; Антоний Великий и Афанасий Александрийский (память 17 и 18 января) понимаются как близнецы [Там же, 106]; зимний Николин день образует устойчивую триаду с предшествующими двумя – Варвариным днем и днем Саввы Освященного, причем считается, что Варвара и Савва – слуги или сестры Николы [Там же, 69]; Варвара понимается как жена (сестра) Николы [Там же, 78]; в Сербии и Болгарии почитается *Тодорича* (день после Тодорова), понимаемая как жена св. Тодора [Толстая, 2005, 389]. Хотя у нас нет прямых указаний на то, что аналогичные супружеские связи устанавливаются в русской традиции между св. Василием Кессарийским (его днем, 1/14 января) и св. Меланией/Маланьей (отмечается в канун Васильева дня, 31 декабря/13 января), можно все же предположить на основании отмеченной тенденции, что фразеологизм *наготовить как на Маланьину свадьбу* имеет то же происхождение и в основе его лежат те же интерпретационные механизмы. Подтверждением может служить тот факт, что канун *Васильева дня – Васильев вечер* – время приготовления обильной трапезы (ср. полес. *богатая кутья* в противоположность *голодной, постной* – кануну Рождества и Крещения: «Тры куці у каляды: две посных, а пасэрэдіні багатая – шчадруха» [Там же, 133]).

Последовательность праздников, с каждым из которых связана та или иная примета, может быть отрефлектирована как зависимость последующих от предыдущих. Условием реализации приметы, относящейся к тому или иному празднику, оказывается проявление другой приметы в праздник, предшествующий данному. Поскольку праздник в этом случае отождествляется со святым, имя которого он носит (или синкретично неотделим от него), такая зависимость подается в фольклоре как сюжет о взаимодействии или невзаимодействии святых: «Вот получился неудачный год. И Иисус Христос пошёл выяснять причину, почему неудачный год.

И пришёл он... вот не соврать, какой праздник был у нас зимой... вот: “Почему, Никола, на Николу у тебя нет травы? Он грит: “Дак Егорий воды-то не дал!” Он к Егорию: “Ты, Егорий, почему не дал воды?” – “Дак Евдокия-то что не поплющи-ла?” Евдокия-то Плющиха когда бывает, в апреле? Нет, в марте, четырнадцатого марта, первое марта по-старому. Он к ней: “Ты что не поплющила?” – “А Федот-от что не покапал?” Ну, он к тому. Дак вот тут или Федот впереди, или Плющиха впереди. Он тоже рядом. Да, Федот должен покапать, Федот Капельник, а Плющиха – плющить. Вот. Он к тому: “Ты что, Федот, не покапал?” А он и говорит: “Дак Трифон-то что... Колотило, что тюки-то не колотил на лесу?” Тюки на лесу, это йиней на лесу, на Трифон, на колотилу, сбиваеца весь. И как будто быют, “коло-тят” называют. Дак вот, девочки, не знаю, когда этот Трифон. Ну он, наверно, где-то да, где-то вот, февральские-то лазури ведь в конце бывают февраля, так вот, наверно, в этот период этот Трифон. Дак что, грит, Трифон Колотило тюку на лесу не околотил? Ну вот что, оказался Трифон, он к Трифону: “Ты что, Трифон?” – “А я к празднику ушел, да вина выпил, да и забыл, шо надо колотить”. Вот потому и весь год прахом» [КА, с. Ухта, А. А. Дьяченко, 1933 г. р.].

Попытка связать несколько праздников в единую систему и установить биографическую или функциональную близость между персонифицированными хрононимами может быть продиктована не только их омонимией (*св. Тихон* и *Тихвинская* Божья Матерь [Некрылова, 2004б, 30–31]), временной близостью (как в случае с *Саввой*, *Варварой* и *Николой*), тем, что по ним отслеживается какой-то один процесс и они образуют последовательность (как в приведенном выше тексте по цепочке праздников отслеживается приход весны), или наличием общего признака (например, одинаковых или сходных примет, запретов – так могут быть тождественны *Варвара* и *Парасковья*), но и географическим «соседством» праздников, отмечаемых в соседних деревнях, или даже просто созвучием: *Власий Медосья схватил за волосы* [КА]. Два последних отмечаются в соседних деревнях Мошинского куста; ср.:

Н. Д. Ильина (1926 г. р.): У нас в Лохты Власий, в Наволок – Медосий <...> А посмотреть по святкам [т. е. по святцам] <...> Волосий да Медосий – чиво, дерущца Волосий?

Н. В. Вдовина (1955 г. р.): Да, дак вот же Власий да Медосий таскались за волосы. Один дьк одново уш поджидает, вишь, Власий пройде, а потом будё Медосий [КА].

Возможно, впрочем, что в данном примере сближение мотивировано не только временной и географической близостью, но и общностью функций соответствующих святых (оба почитаются как покровители скота и часто упоминаются в скотоводческих заговорах, причем нередко как одно лицо: *Власий-Медосий*). Само действие, описанное в паремийном тексте, вероятно, связано с характерными для сельских праздников драками деревня на деревню.

Так складывается фольклорная квазиагиография, нередко подменяющая собой настоящую: название календарного праздника, омонимичное имени святого, «перетягивает» на себя смысловые акценты, святой отождествляется с праздником, а календарные приметы, запреты, предписания вербализуются как агиографические тексты. «[Кто такие Кирик и Улита?] А Кириков вон на той стороне.

[Имеется в виду, что в расположенной на противоположном берегу реки д. Лазаревская, входящей в куст Рягово, отмечается этот праздник]. Есть такой. Кириков Улита. [А кто это?] Тожо какой-то святой. Кирик» [КА, с. Рягово, Б. В. Оборин, 1932 г. р.].

При этом с хрононимами связано обычно собственно опознание календарного периода (сегодня такой-то праздник) и актуализация приметы (в этот день что-то (не) следует делать): «Касьян Метельник. Много метели, дак хорошо. Рыжиков наростёт много, ягод дак» [КА, с. Ухта, А. П. Коржина, 1923 г. р.]; «Михайлов день двадцать первово ноября. Дак што, тожо Михайлофски мители, на Михайлоф день тожо оттепели бывають» [Там же, с. Лукино, А. А. Назарова, 1934 г. р.]; «Вот есть праздник Евдокия, каково она числа, не помню – начинает капать с крыши <...>. Это примета просто такая – Евдокиюшка курочку напоит, Николушка коровушку накормит, значит, весна будет крутая, ранняя, теплая и быстро поднимется трава» [Там же, с. Труфаново, Е. Н. Попова, 1933 г. р.]. Последний пример показывает существенно бóльшую устойчивость соотносительности календарных примет с праздниками, чем с датами. Названия праздников в памяти носителей традиции в высшей степени устойчивы, они существуют не только помимо знания агиографических сюжетов, но и вне обязательной связи с конкретными датами. Время зачастую отмеряется промежутками между соотносительными друг с другом, образующими единую систему праздниками, а не датами: «На Ивандень, говорят, цвет – ходят в полё, наблюдают, штобы рожь цвела – на Ивандень цвет, а на Ильин день хлеб» [КА, с. Нокола, А. А. Ключева, 1920 г. р.]. Весьма часто приходится встречаться с ситуацией, когда информанту известна связь названия праздника с той или иной приметой, но неизвестна дата, в которую этот праздник совершается. Таким образом, из триады *агионим* – *хрононим* – *дата* наибольшей устойчивостью обладает второй компонент – хрононим, который расширяет свои функции на остальные два компонента, выполняя роль носителя агиографической информации и структурируя календарь.

Хотя житийные тексты не имели широкого хождения в крестьянской среде, но сведения о святых черпались из церковных проповедей, в которые чтение житий нередко включалось (А. Н. Розов отмечает, что это был «наиболее любимый сельскими жителями вид духовной литературы» [Розов, 2003, 92]), и собственно фольклорных текстов, таких как легенды и духовные стихи. При этом круг святых, выступающих персонажами легендарных нарративов, крайне невелик. Это в основном несколько подвижников, всенародно почитаемых (св. Николай, св. Георгий, свв. Петр и Павел, св. Илья пророк, св. Параскева Пятница, св. Иоанн Предтеча и др.), а также особо почитаемые местные святые¹. Представления об остальных фактически редуцированы до хрононима (или связанного с ним фразеологизма) и/или до функции.

¹ Имеются в виду не местночтимые, а те, жизнь которых так или иначе связана с территорией бытования нарративов: например, св. Серафим Саровский в Нижегородской области.

Квазиагиография получает дальнейшее развитие в ходе бытования календарных паремий. Сами календарные запреты или предписания, содержащие соответствующий хрононим-агионим, время от времени нуждаются в мотивации и становятся объектами народной интерпретации. Интерпретирующие их тексты апеллируют к квазиагиографии, так возникают сюжеты с персонажами-святыми, возводящие к их жизни те или иные запреты (предписания): «Овдюшка – прысываток. Она була нэ хазяйка. То на е нэ робылы зачаткив» (не начинали работу, потому что *Овдюшка* была не хозяйка) [см.: Толстая, 2005, 160]. *Головосек*, или *Иван Постный*, вследствие такой интерпретации запрета из объекта усекновения головы может стать субъектом: традиционно на *Головосека* запрещается резать овощи, потому что в этот день Ивану Крестителю голову отрезали, отсюда следует запрет-запугивание – детям запрещали срезать овощи в огороде под тем предлогом, что в этот день Ивану Крестителю голову отрезали. Дальнейшее развитие запрета такое: детей пугали, что если они пойдут в огород, то *Иван Постный* им головы отрежет: «Иван Постной – в этом, когда брюква поспеваёт. Тожо, детей-то не пускают в огород, что говорят: “Иван Постный голову отрежет”». Пугали детей-то, чтобы не лезли в огород» [КА, с. Калитинка, Л. И. Игольцина, 1931 г. р.]². То же в случае с запретом работать в день Казанской иконы Божией Матери: «Казанска сердита – не велит работать в этот день» [см.: Белова, 2005, 10]. Так интерпретационные механизмы народной традиции приводят к возникновению особой, альтернативной квазиагиографии, не только существующей параллельно, но и вытесняющей собственно агиографические тексты.

Белова О. В. Из истории Завражья // Живая старина. 2005. № 3. С. 8–11.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994 (воспроизв. 2-го изд. СПб., М., 1880–1882).

Каспина М. М. Иоанн Креститель в Каргопольской народной традиции // Святые и святыни северорусских земель (по материалам VII научной региональной конференции). Каргополь, 2002. С. 76–83.

Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997.

Некрылова А. Ф. Святая Варвара в народной культуре // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 52–65.

Некрылова А. Ф. «На Ерофея один ерофеич кровь греет» // *Studia ethnologica*: Тр. факультета этнологии. СПб., 2004а. С. 166–174.

Некрылова А. Ф. «Святой Тихон с неба спихан» // Живая старина. 2004б. № 1. С. 30–32.

Попов Р. Светцы и демоны на Балканите. Сравнительно-этноложко изследване. София, 2002.

Попов Р. Народная этимология и культ святых // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М., 2004. С. 131–137.

² О квазиагиографии св. Иоанна Крестителя в Каргополье см.: [Каспина, 2002, 76–84].

Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Ясинская М. В. «Варвара варит, Герман гремит». Народноэтимологическая интерпретация имен святых // Живая старина. 2003. № 3. С. 5–7.

* * *

Андрей Борисович Мороз – кандидат филологических наук, доцент, заведующий лабораторией фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

А. Л. Топорков

НОМИНАЦИЯ ЦАРЬ И ПЕРСОНАЖИ-«ЦАРИ» В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ XVII–XIX ВВ.

The word 'tsar' occurred in Russian charms [zagovory] of the 17th through the 19th centuries with high frequency. It could refer to real monarchs from the Romanov house or appear in connection with God's status as Heavenly Ruler. In these charms we also encounter Old Testament tsars and the tsars of antiquity. Satan, the spirit masters of the natural elements, individual natural elements and phenomena and the like may be called tsars. The title of tsar lends a magical text particular nuances: this or that being or natural phenomenon is understood as animate, endowed with reason and power. Ennobling fire, or an ant, or the Forest Spirit [Leshii], or others with the term tsar was intended not only to ease communication with them, win their good will, or demonstrate one's own loyalty, but also to impose on them a certain program of behavior, implying a relationship of protection towards the performer of the charm, a paternal concern, and a display of mercy. The basis of the interpretation of power in charms with social directionality was the medieval hierarchical principle, combined with the tsar's image as the highest value, in his association with the Heavenly Tsar. This principle, borrowed from religious beliefs and social life, resulted in a particular schema, projected by means of the charms into the most various spheres of the folk worldview. Their "tsars" were to be found in the world of natural elements and phenomena, among the insects, among the supernatural protectors of natural loci (of the forest, water, land), and in communication with demonic powers. The composers of charms actively used the thematics and phraseology of Christian writings and liturgy, but at the same time they were far from sharing Christian humility and respect for those powers. With rare exceptions, one can hardly find any traces of the sacralization of the monk in the charms. Rather, we may speak of an insufficient distinction between notions of a religious and social character. In the symbolic world of the charm, the protagonist does not aim to abolish the hierarchy, but wishes to enlist the help of

those who stand at its head, and thereby to receive strength and power for resolution of his or her problems. For the subject of magical actions it is also a natural wish to appropriate a tsar's power (even if only for a time and only in imagination) and to occupy himself a place at the head of the social and religious hierarchy (the so-called everyday imposture [bytovoe samozvanchestvo]).

Слово *царь* встречалось в русских заговорах XVII–XIX вв. с высокой частотностью. Оно могло соотноситься с реальными монархами из дома Романовых, выступать в составе обозначения Бога как Царя Небесного. В заговорах встречаются также ветхозаветные и античные *цари*; *царями* называются Сатана, духи-хозяева природных стихий, отдельные природные стихии и явления и т. д.

Заговоры находятся на пересечении сферы церковно-христианского знания и сферы фольклорных образов и представлений. Совокупность заговорно-магических текстов можно представить как некий континуум. На одном из его полюсов находятся канонические и неканонические молитвы, а на другом – фольклорно-языческие и «черные» заговоры и заклинательные формулы. Тексты, которые располагаются на полюсах этого континуума, кардинально отличаются друг от друга по своей структуре, лексическому наполнению, религиозно-нравственным установкам и т. д. Тем не менее пространство между полюсами имеет континуальный характер и представляет серию последовательных переходов от канонических молитв до фольклорно-магических текстов, соотнесенных с представлениями о природных духах и способах взаимодействия с ними.

Фольклористические аспекты данной темы заключаются в том, какие именно персонажи именуются в заговорах *царями* и какие функции они выполняют, как распределяются употребления слова по разным подтипам магических текстов (неканонические молитвы, заговоры, заговорно-заклинательные формулы), какую роль играют слово *царь* и персонажи-*цари* в структурировании картины мира, представленной в заговорах, с какими другими текстами (книжными или фольклорными) коррелирует употребление слова *царь* в заговорном континууме. Фольклористические аспекты тесно связаны с лингвистическими (какие значения слова *царь* актуальны для заговоров) и культурно-историческими (в какой мере в заговорах отразились представления о царской власти и их эволюция). Особая проблема – так называемое «политическое колдовство» (попытки магическими средствами воздействовать на царя и его родственников); в последние годы она была достаточно изучена историками, и мы ее касаться не будем [см.: Лавров, 2000, 331–335; Смилянская, 2003, 147–158; Kievelson, 1997].

Семантика слова *царь* в русском языке. В. И. Даль приводит два основных значения слова *царь*: ‘государь, монарх, верховный правитель земли, народа или государства’; ‘сильный, могучий, старший, властвующий; славнейший, отличнейший между своими’ [Даль, 4, 570–571].

Согласно академическому «Словарю современного русского литературного языка», слово *царь*, помимо основного (прямого) значения, имеет целый ряд пере-

носных. Ограничимся только теми значениями, которые актуальны для русских заговоров [см.: ССРЛЯ, 17, 556–559]¹:

1. Государь, властелин какой-нибудь страны (как общее наименование, не титул)²; титул монарха, монарх, имеющий этот титул; *перен.* полновластный владыка, властитель; полновластный хозяин, распорядитель; о том, что главенствует над всем остальным.

2. *Перен.* Тот (или то), кто (или что) превосходит всех в каком-нибудь отношении (например, о птицах, зверях, растениях). Употребляясь как приложение, указывает на исключительность, превосходство определяемого среди ему подобных (например, народно-поэтич. *царь-девица, царь-птица, царь-трава* и др.).

Сошлемся также на важное наблюдение Б. А. Успенского о том, что для культурно-языковой ситуации XVII–XVIII вв. слово *царь* занимало пограничное положение между именем нарицательным и именем собственным: «Наименование монарха “царем” отсылало прежде всего к религиозной традиции, к тем текстам, где царем назван Бог <...> В России... наименование (“царь”) воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имен – наименование человека “царем” в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский, 2000, 36–37]. Можно добавить, что такой же характер имело обозначение *царем* не только человека, но и животного или растения [см.: Гура, 1997, *царь* по указ.; Ипполитова, 2004].

Царь Михаил Федорович в заговорах. Наиболее ранние упоминания царя встречаются в Олонецком сборнике 2-й четверти XVII в. и Великоустюжском сборнике того же времени. В обоих случаях речь идет о Михаиле Федоровиче Романове.

В заговоре на власть из Олонецкого сборника *царь, господарь и великий князь всея Руси* упоминается дважды: в первый раз он выступает как источник сакральной красоты, к которой пытается приобщиться протагонист заговора, во второй – как носитель власти, которому он желает понравиться (быть «любимым»). В обоих случаях именование царя писано тайнописью (так называемой тарабарщиной). Кроме этого, в обоих случаях за именем царя следует перечисление представителей власти во множественном числе. Первое перечисление открывается словами *цари и князи*, что соотносится с именованием Михаила Федоровича царем и князем:

И как свет сей блистаетца и Христос наряжаетца, свет настал и Христос народис(ь)³, и как падут утренные и вечерние росы на землю и на во(ду), також бы пала красота и лепота *дамя и чолноцамя и шесикочо тпяфа Рижайса Зецомошига шлея Мули*⁴. И как дивуютца цари и князи, и власти, и все мужи красным маковым цветам, так бы дивовалис(ь) мне, рабу Божию имярек, и пала б красота

¹ К сожалению, выходящие в настоящее время словари русского языка XI–XIV, XI–XVII и XVIII вв., а также СРНГ еще не дошли до буквы *ц* – и в данном случае мы лишены возможности их использовать.

² Сюда относится, в частности: ‘небесный, всевышний *царь, царь царей* (о боге)’.

³ Исправлено, в рукописи *надодис*.

⁴ Т. е.: «царя и господаря и великого (букв.: *велитого*) князя Михаила Федоровича всея Руси».

красота красота красных д(е)виц на меня, раба Божия имярек, и как любы Господу Иисусу Христу свои Божии престолы, також бы и яз люб был, раб Божий имярек, кому говориш имярек, *д(а)рю, чолноцаму и шелитору тпяфю имярек влея Мули*⁵ и всем властем, и началом, и вельможам [Срезневский, 1913, 491, № 32]⁷.

Текст относится к тем заговорам на власть, близким неканоническим молитвам, которые разрабатывают пасхальную символику (протагонист заговора уподобляет себя воскресшему Христу; его явление должно вызвать радость всех людей на земле, в том числе царя и других представителей власти). В данном заговоре московский царь оказывается, во-первых, в одном символическом ряду с красными девицами (как и они, царь делится с имяреком своей красотой), а во-вторых – с Иисусом Христом (раб Божий «люб» царю, как Иисусу Христу его Божии престолы).

Другие цари в Олонецком сборнике. Помимо московского царя, в заговорах Олонецкого сборника фигурируют также Царь Небесный и Царь славы Иисус Христос [№ 56, 124], цари библейские: Давид [№ 31, 35], Соломон [№ 33], Ахав [№ 14, 81]. Кроме этого, царями именуются какие-то лесные персонажи, имена которых явно имеют эвфемистический характер: царь Гонгой и царица Гогей [№ 58], царь Парфей [№ 77], царь Шустий [№ 124] [см. о них: Юдин, 1997, 143–144]. Эти лесные «цари», фигурирующие в заговорах 2-й четверти XVII в., явно соотносятся с поверьями о лесном царе, зафиксированными в Олонецком крае в XIX–XX вв. (см. ниже).

В одном из любовных заговоров Олонецкого сборника появляется еще какой-то *царь жажда*, направляющий огненную реку в уста женщине, которую желают «присушить» [№ 107]. В молитве св. Георгию языческие цари, которых обуздал св. Георгий, отождествляются с языческими богами: *Святый Георгий, обузда еси 9 царев, богов еллинских, тако обуздай супостатов моих...* [№ 87; см. также № 88]. А в другом заговоре кулачный боец говорит, что держит свое царство, и тем самым утверждает свою богоизбранность: *Се яз, раб (имярек), хож[у по] сему белому свету, по воды и по земли, молодость свою мычю и царство держу ради кулачного бою...* [№ 104].

Может показаться странным, что в одном из любовных заговоров царь выступает не только в качестве источника сакральной красоты, но и как носитель тоски и кручины:

Стану яз, раб Божии имярек, поклонятис(ь) и покорятис(ь) четырем ветром и четырем вехорям: станте вы, четыре ветра и четыре вехоря, понесите вы тоску и кручину и печал(ь) необычную со всех четырех сторон, от востока до запада, от юга и до севера, со всякого человека, с *царя и царицы*, с черныца и черницы, з белца и белиц(ы), стара и млада ко мне, к рабу Божию имярек, во едино место [№ 28].

⁵ Т. е.: «царю (букв.: дамю), господарю и великому князю (имярек) всяя Руси».

⁶ Так в рукописи.

⁷ Здесь и далее тексты Олонецкого сборника цитируются по рукописи: БАН. Сев. 636 (21.9.10) с указанием порядкового номера текста в публикации В. И. Срезневского. В настоящее время сборник подготовлен нами к изданию в полном виде. Выделения жирным шрифтом, курсивом и разрядкой всюду мои. – А. Т.

В заговоре на почет встречаются *цари* во множественном числе:

И как не могут жит(и) *цари* и князи, и бояре, и патриарсе, и митрополиты, и все православныи крестьяне без хлеба и без соли и без пития, так бы не могли без меня, раб(а) Божия имярек, быт(и) на всяком месте по всяк день и по всякой час. Как возрадуются *цари* и князи, и бояре, и патриарси, и митрополиты, и все православныи крестьяне светлomu Христову Воскресению, так бы возрадовалися меня, раба Божия имярек, на всяк день и час [№ 86].

Цари в Великоустюжском сборнике. В Великоустюжском сборнике 2-й четверти XVII в. имя российского государя встречается в составе заговора от вражеского оружия. Как и в Олонецком сборнике, оно сопровождается титулом: «царь и государь и великий князь Михаил Федорович всяя Руси». Введение в текст имени Михаила Федоровича имеет характер не вполне мотивированной вставки: царь фигурирует в перечислении тех напастей и врагов, от которых желает уберечься протагонист заговора. При этом имярек просит «заступить» его то ли от воеводы русского царя, то ли от самого царя; в любом случае текст свидетельствует о неблагонадежности переписчика по отношению к московским властям. Михаил Федорович выступает в одном ряду с ведунами, ведуньями и вещицами:

Господи, благослови, отче. Святый Михаило и Гаврил, небесным силам воевода, заступите меня, раба Божия имярек, от смерти и от раны мечевые и копейные, и от пушки, и от пищалей, и от пищали, и от сабли, и от железа стрелнаго, и от всякого оружья, и железа, и вяза, и от всякого древа, и от удару мужичья, и от всякия порчи, от ведунов, и от ведуней, и от вещиц во всяком месте, *царя и государя и великого князя Михаила Федоровича всяя Руси воеводы*, и меня, грешнаго раба Божия имярек, своими крыльми огненными. Защитите, архистратизи Михаиле и Гавриле, раба своего имярек своим огненным крылом, отбивайте скифетьры лихую порчу, и ведунов, и ведунь, и стрелу, и копьа, и мечи, и всякое железо, от земля сотворено, как естя отбивали архистратизи ону отпадшую силу, десятой чинь [Турилов, Чернецов, 2002, 212].

В Великоустюжском сборнике Христос множество раз именуется Царем Небесным. Поскольку Христос в народном восприятии сближается с Богом-Отцом, он называется также иногда царем небесным и отцом небесным. Как и земной царь, Царь Небесный окружен многочисленными подданными: ангелами, апостолами, святыми и др. Протагонист заговора просит Царя Небесного и его помощников о защите; например, в одной из молитв «на свадьбу ехати»:

Святый сам Христось, царь небесный и отец небесный, помилуй мя, Господи, тебе ся молю и поклоняюся. <...> И постави, *государь, сам Христось царь небесный и отец небесный*, со всеми небесными аггели и с воеводы, с Михаилом архистратигом, булатные вереи, и вставите ж, Господи, врата золотые, и пристави, Господи, к тем вратам. Замкни же ты, апостол Христов Петр, своими тридевятью замки небесными и тот город, и тын булатен, и те врата золотые, и князя молодого со всеми поездными бояры, и постави ж, Господи, у тех врат своих сторожев, *небесных сил воевод*, и великого Георгия, и святых апостол Петра и Павла, и святых исповедник Гурья, и Самона, и Авива диякона, Кира, Ивана, Флора и Лавра, Козмы и Домьяна [Там же, 221].

В нескольких заговорных молитвах Великоустюжского сборника фигурирует мифический *царь железный*⁸; он предстает как родитель всякого железа и одно-

⁸ В других местах аналогичный персонаж именуется *муж железный* [см.: Турилов, Чернецов, 2002, 186, 189, 199, 203, 204].

временно защитник от железного оружия. *Железный царь* может соотноситься с *царем небесным*, например:

Есть озеро железное, на том озере железном есть *царь железный*, тем железом отец и мати. И тот *царь железной* защищает от всякого железа раба Божия имярек: от стрелы, и от сабли, и от меча, и от копья, и от топора, и ножа, и от всех детей и приплодов. Помилуй, государь наш Иисус Христос, помилуй, *царь небесный*, раба Божия имярек, от всякого железа [Турилов, Чернецов, 2002, 192, см. также 183].

Впрочем, в Великоустюжском сборнике *царем небесным* может именоваться не только Иисус Христос, но и фольклорный персонаж, живущий на небе и владеющий мечом-самосеком:

У святого *царь небесный* есть меч-самосек. И коли яз, раб Божий имярек, возму в свои руки, и мои злые супостаты достанут тем мечем меня, раба Божия имярек, и злые супостаты убьют. Тому мечу *от царя небесного* с [не]беси не схаживати, никому ево не снимывати, и тем мечем злым моим супостатом ни секати, не калывати, меня, раба Божия имярек, ни убивати [Там же, 194, см. также 183, 197, 207].

Образ царя в заговорах социальной направленности. В значении ‘московский государь’, ‘русский царь’ слово *царь* употребляется главным образом в заговорах социальной направленности, призванных воздействовать на судей и других представителей власти. Земной царь вызывает у протагониста заговоров гораздо более сложное отношение, чем Царь Небесный. На сакрализацию царя указывают только цитированный выше заговор Олонецкого сборника, в котором Михаил Федорович предстает как источник сакральной красоты, а также спорадическое сближение или смешение царя и Царя Небесного.

Во многих социальных заговорах рисуется образ властной пирамиды во главе с царем или царями⁹. Хотя цари и занимают в этих перечнях главенствующее положение, не заметно, чтобы они вызвали какое-то особое почитание. Судя по тексту заговоров, люди, которые их произносили, не рассчитывали на заступничество царя, но сами пытались магически воздействовать на него и других представителей «властной вертикали».

Образ власти в старинных заговорах имеет достаточно обобщенный характер. При этом, как уже отмечалось, даже царь и патриарх часто выступают не в единственном, а во множественном числе. Кстати, такое именование «царей» встречается также неоднократно в «непригожих речах» XVII в. Можно видеть в этом отзвук Смутного времени [см.: Лукин, 2000, 71], однако можно предложить и другие объяснения. Учитывая «пасхальный» контекст социальных заговоров, допустимо предполагать влияние эсхатологических представлений о Втором Пришествии Иисуса Христа, который есть «владыка царей земных» [Откр. 1, 5], и о его битве с земными царями¹⁰.

⁹ В отдельных заговорах перечень властей начинается сразу с «князей и бояр», а царь отсутствует.

¹⁰ «В символической картине последних времен, начертанной в Апокалипсисе, последний кризис откроется войной всех этих царей против Агнца. Они соберутся “в онный великий День” (16,14), передав свою власть Зверю (Откр. 17, 13), но Агнец победит их (см. 19, 18 и сл.), “ибо он есть Господь господствующих и Царь царей” (17, 14; 19, 1 слл.; см. 1, 5)» [Леон-Дюфур, 1990, 1231]. Исторически такой вариант, по-видимому, имеет более раннее происхождение.

Вероятно, в таких текстах царь не столько реальный правитель России, сколько мифологическая фигура, близкая царям фольклорной сказки или книжной повести XVII–XVIII в. В заговоре на подход к власти из тетради М. Овчинникова, конфискованной в 1737 г., можно видеть намек на то, что само появление царей на земле относится ко временам первотворения и они являются такой же изначальной и органической частью мироздания, как солнце, месяц и звезды: *И как зародилосе на небе красное сонце, светлый мессец и частые звезды, и как зародилисе на земли цари государи...* [Покровский, 1987, 259].

С таким образом власти связано любопытное свойство заговоров, имевшее драматические последствия для их исполнителей: царь упоминается подчас даже в тех рукописных «письмах», которые хранились в далекой от столицы деревне и реально могли быть направлены только против какого-нибудь судьи или дьяка. Все представители власти оказываются причастными к царю и это, несомненно, придает образу власти в заговорах символический и даже мистический оттенок [см.: Лавров, 2000, 330–331].

Отношение к царю в заговорах на судей варьировало в широком диапазоне: от полного отрицания его правомочности выступать в качестве судебной инстанции до его же сакрализации как высшего судии. Отметим, что коллизия между светским и божественным судом неоднократно становилась предметом полемики на протяжении XVII в. [см.: Живов, 1988; Живов, Успенский, 1994, 126–127].

В «заговорном письме», найденном в 1724 г. у крепостного Федора Охотникова, утверждалось, что его владелец вообще неподсуден земным властям, в том числе и самому царю; протагонист заговора признавал над собой только один суд – Царя Небесного, а о его отношении к земному царю говорит хотя бы тот факт, что он поставлен в один ряд с каким-то чужеземным «каролем» и даже с «дефкой самокруткой»:

Ляжу, Богу молясь, встану перекрестясь, росую умылся, зарею утерся, черном оболочком оболкался, чистыми звездами огородился, ясным месяцам подпоясался, красное солнце положил на голову, ни судим я ни царю, ни царице, ни каролу, ни каролице, ни всем судейским людем, ни дефки самокрутки, судим я самому Христу. Аминь (*трижды*) Царю Небесному [Смилянская, 2002, 111].

Заговор из дела 1745 г. начинается с сакраментального заявления: *Царь славы, и я царя не боюся, и я царя не блюдуся* [Там же, 144]. Не вполне ясно, то ли исполнитель заговора сам отождествляет себя с «царем славы» – Христом, то ли хочет сказать, что не боится даже самого Христа. Во всяком случае очевидно, что перед земными властями и даже перед самим царем он никакого страха не испытывает¹¹.

В заговорах на судей возможны два ближайших адресата: судьи и истцы (или ответчики, в зависимости от обстоятельств): *Чарование или направлялось во вред*

¹¹ Ср. заговор «От страха и боязни»: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Напал на меня страх. Я не боюсь страха, самага меня, раба Божия имрака, бойся, я же над тем сам царь* [РНБ, О. XVII. 33, л. 42; XVIII–XIX вв.].

противоположной стороне, или же имело в виду склонить в свою пользу судей [Ефименко, 1886, 176]. Соответственно, возможны две тактики поведения: задобрить судей или обезвредить истца.

Такое противопоставление двух адресатов четко прослеживается в заговорной молитве из собрания крестьян Корниловых:

И как стану, раб Божий имярек, пред царем-государем, и *пред всеми князи и бояры, и пред всеми православными христианы* светлою звездою, и праведным солнцем, и младым месяцем. А исцы мои <...>, и *ответчики, и вороги, и недруги* – были бы они аки тма... [Пигин, 2002, 242; к. XVII – нач. XVIII в.].

В заговоре из подборки, конфискованной у попа-расстриги Петра Васильева в 1749 г., имярек обращается к божественному заступничеству с просьбой защитить его от земного суда:

...аще кто мне от супротивников на сей день Господень, ежели я буду у своих супротивников, ежели я буду передо всякими судьями и властями, передо всяким судом *судом земным*, и ежели на мне всякою худою или злою мыслию, или словом, или думою и помышлением, и осуждением, и переговором всякие суды и начала и власти, той отыми Господь Бог у тех человек ум и разум; ежели подумают на меня лихо, подогните у них ноги, опуститесь у них руки, найдите в тот час, говорить не наговорить, боять не набоять, глядеть на меня не нагляделись, головы бы были у них *моим божественным словом* покрыты и не зломысленны, аки бы сонце сияло промеж нами и в то время сияла бы *благодать Божия* меж нами... [Михайлова, 2004, 184; 1749 г.].

В некоторых рукописных заговорах XIX в. царь, чиновники и судьи в общем плане характеризуются сугубо позитивно, зато конкретные «начальники» вызывают глубокую ненависть:

Взойдет красное солнце обрадованное, осветит и обогреет всю подъявленную, и так тому восходу красного солнца возрадуется *царь и государь, и святейший патриарх, и весь мир православный, все начальныя и чиновныя люди и судии праведныя*. И дает Бог моим начальником брюхо матере, сердце каменно, уши тетеревины, очи свинины, язык мертвого человека [РНБ. О.XVII.46, л. 11 об.–12].

Характерны для заговоров такие перечисления, в которых объединяются власти светские и церковные, например: *...всякие власти земьские, цари, и патриархи, и митрополиты, архиепископы и епископы, архиман[дри]ты, игумены, и протопопы, и попы, и весь священнический, иноческий чин и все православные христиана* [Покровский, 1987, 258; 1734 г.]¹². Это показывает, что исполнители заговоров по существу рассматривали церковь как часть государственного аппарата [см.: Покровский, 1975, 125].

Заговор из столбцов попа Алексея Иванова отражает своеобразное представление о соотношении церковной и светской власти, сложившееся в результате петровских реформ. Высшая светская власть объединена с Христом и Богородицей, а церковная иерархия поклоняется совместно Господу и царю с его приближенными:

¹² Ср., например, в молитве, присоединенной к Акафисту Пресвятой Богородицы: «О, Всемилостивая Госпоже... помилуй *святейшие патриархи православныя, архиепископы и епископы и весь священнический и иноческий чин, и вся православныя христианы* ризою Твоею честною защити...».

Как поклоняются Спасову образу и Пречистой Богородице, всем *царем православным, князем и боярам* власти, архиепископы и епископы, архимандриты, игумены, священническая чины, иноческие и все православные, с такою бы поклонялись мне, рби все князи и бояра, власти, архиепископы и епископы, архимарыты и игумены, священнического чину и иноческого, и все православные христианя [Смилянская, 2002, 118; 1728 г.].

В заговорах к власти может разыгрываться ситуация венчания на царство: *...как радуютца и прикланяютца, посадят царя на царство, князья и бояря и все православные христиане и престолные власти, так бы приклонились рабу божью имрку...* [Смилянская, 2002, 104; 1718 г.]. Любопытен взгляд на то, как человек становится царем: он не наследует власть и не получает ее свыше; его «сажают» на царство «князья и бояре и все православные». Можно было бы видеть и здесь отзвуки Смуты, если бы текст не был отделен от нее столетним перерывом.

Магическое отречение колдуна от Бога, православной веры и родителей могло включать в себя и отречение от «царя земного», например: *По позднему вечеру выйду я на улицу и откажусь я от Иисуса Христа, от царя земного, от Бога вышнего, от веры православной, от батюшки, от матушки, предаюсь я к нечистому духу...* [Ефименко, 1878, 220, № 107; XIX в.; «Чтобы испортить, или навязать килы»]. Это, с одной стороны, свидетельствует о сакральном статусе царя, а с другой – о том, что существовали специальные ритуальные формы, под-сказывавшие, как нарушить этот статус.

В социальных заговорах XVIII в. перечни властей либо конкретизируются, включая подчас собственные имена и фамилии непосредственных начальников имярека, либо, наоборот, приобретают условный характер, включая не только «царей», но и королей:

Раб Божий имярек стал благословясь, пошел перекстясь, как солнце восходит и месяц на высочайшей [пове]ление, и как *цари, и князи, и короли, и военачальники, и градоначальники*, и вси людие, так бы на раба Божия имярек взирали красотою солнце и месяц в очи, их красота та бы на меня, раба Божия имярек [РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 1334, л. 1; 1763 г.].

С течением времени перечисления властей все больше приближаются к реальности: в XIX в. в них фигурируют уже генералы, полковники и даже иноземцы, например:

...Дабы я был славен и страшен, грозен и велик над своим супостатом – врагом и злодеем и всякой властью и начальными людьми, в домех и приказах, и на путях и проводах, пред цари и царицами, патриархами и митрополитами, и архиепископами, и епископами, пред архимандриты и игумены, и попы и дьяконы, и пред всяким священным чином, и пред всякими вельможами, князи и боярами, стольники и воеводами, генералами и полковники, майорами и капитанами, и поручиками и всякими чины служебными, русскими и иноземцами, и пред судии приказными и подьячими... [Вытегорский погост, 967; недатиров. текст].

Символический пейзаж также приобретает реальные черты: восходящее солнце утрачивает связь с воскресшим Христом:

Как у Господа Бога из-за горы из-за высокия, из-за лесу из-за темного на небо на ясное восходит солнышко красное, да возрадуются вси *цари и царицы*, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и дьяконы, судии, подьячие, стрелцы и солдаты, все миряна и крестьяна православные, купцы заморские... [Рыбников, 1867, 253–254, № 11; недатиров. текст].

Царь Сатана. Мир зла в заговорах XVIII в. тоже имеет свою «властную вертикаль», и в этом смысле он симметричен и миру небесному, и устройству Российского государства. В «черных» заговорах *царем* обычно именовался Сатана. Называя его таким образом, колдун льстил его самолюбию, подтверждал свою покорность и готовность ему служить, а также ставил его на одну ступень с Царем Небесным и царем земным. Например, в «черной книге», конфискованной в 1728 г., многократно повторяется отречение от Христа, Богородицы и Церкви, а верность Сатане подтверждается словами: *...верую в тебя, творца и царя Сатону, и во все дела, и заповеди твои, и хочу быти сообщником твоим и собеседником* [Смилянская, 2002, 123; 1728 г.].

Сатана может иметь семью и именоваться *отцом* (как Царь Небесный и земной царь) и даже *юношей* и *бесом*, например:

И еще я выду и выступлю далече в чистое поле, ис чистого поля пойду к поганому морю, сидит *наш царь сам сатана* со своим зятем Ерзоулом. О еси ты *царь юноша бес сатана* со своим зятем! Как ты мне дашь и пошлеше своих послуживцев только разжещи и распалити и мне послужити сию рабу имярек тритцать три и един Ерзоул, Ерохъмид, Марвс бес, Крив, Ток да Маток, Котыга да Матыга, Смушало, Зажигало, Разжигало, Потыкало, Тял да Матял, Такуса да Маруса, Лук, Мирулей, Мираха, Прочаха, и еще Проданя, Тихия, Сахия и Елизуда и Дагруд и Щирих и все ваше обладательство. Призываю я вас к себе и посылаю я вас к сей рабе имярек, подите вы и послужите и *своего цари отца Сатыну* спослушайте... [Покровский, 1987, 261–263; 1734 г.].

Особенность дьявольской иерархии определяется тем, что царь Сатана может быть окружен множеством адских «князей». Встречаются длинные перечисления его слуг, в перечень которых спорадически попадает и царь Ирод:

Призываю вас, *царей* черных великих, *царь* великий Велигер, *князь* великий Итас, кривой, наболшой, ты же нарицаешся Ирод *царь*, *князь* великий диавол Аспид, *князь* великий диавол Василиск, *князь* диавол Енарей, *князь* диавол Семен, *князь* диавол Индик, *князь* диавол Халей [Смилянская, 2002, 125; 1728 г.].

Отождествление Сатаны с царем Иродом характерно для заговоров, например: *На западной стороне живет сам сатана, злой мучитель Ирод царь. Ай же ты, сам сатана, злой Ирод царь...* [Виноградов, 1908, 31–32, № 41; сер. XIX в.]. В услужении у царя Ирода находятся многочисленные бесы:

В чистом поле стоит три и два и един: бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, и я сойдусь поближе, отрок (имярек), и поклонюсь пониже: а..... вы тридеветь бесов, три, два и один, бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, и как *вы служили Ироду царю*, и так послужите мне, отроку (имярек)... [Ефименко, 1878, 142–143, № 15; из стар. ркп.].

Царь лесной. Свои «цари» есть также в мире народной демонологии. Этот вопрос специально исследовала О. А. Черепанова. Она полагает, что персонажи, именуемые царями, занимают «положение, промежуточное между богами, правителями и духами-хозяевами... К богам они приближаются по своей мифологической функции: к ним обращаются за прощением, благословением, помощью... Двойственность функции (ее положительный и отрицательный по отношению к человеку характер) сближает “царей” с персонажами демонологии, духами – хозяевами лесов, вод и т. п. В ряде случаев величание царем есть форма называния

духов-хозяев, особая форма обращения к ним... В других материалах царь – это персонаж высшего ранга в иерархии духов-хозяев. В такой роли прежде всего известны водяной царь и лесной царь» [Черепанова, 1983, 20].

Лесные цари Олонецкого сборника (см. выше) могут быть соотнесены с поверьями о лесном царе, зафиксированными на той же территории в XIX–XX вв. Н. Н. Харузин, который побывал в Пудожском уезде Олонецкой губернии в 1880-х гг., описал местные поверья о лесном и водяном царях; по его наблюдениям, водяной «стоит в тех же отношениях к *царю водяному*, как простой лесовик к *лесному царю*. Он так же подведомствен ему. Но понятие о *лесном царе* гораздо определеннее, чем представление о *царе водяном*» [Харузин, 1894, 312]. К лесовику или лесному царю обращались при пропаже скота или болезни, приключившейся в лесу; при этом шли в лес или на перекресток, произносили заговор и оставляли яйцо [Там же, 308, 316]. По сообщению современного исследователя Заонежья К. К. Логинова, если пропадал скот, то считалось, что его взял «не местный леший, а глава их – “царь лесной”. Его следовало заклинать именами “царей земного, водяного и небесного”» [Логинов, 1993, 33].

Если хотели узнать, отчего заболел человек, то шли в лес и писали челобитную царю Мусайлу:

Бью челом тебе, *царь Государь*, на сего праведнаго леса¹³, что он спортил, а не ведаю за что, а будет ты не справишь, *царь Мусайла*, сего раба (имрек), и я иду к Мос[кве], стану бить челом на тебя *царю Государю*, и подойдут с Москвы стрелцов два приказу, с Новагорода приказ, с Азова Донских казаков два приказу, и как не избавишь человека сего (имрек) почтеннаго, и вас высекут в пень [Рыбников, 1867, 250; стар. ркп.]¹⁴.

Цари в мире природных стихий. Среди природных стихий с «царским» началом связывается гроза (и, соответственно, туча, гром, молния). Например, в северно-русской «Молитве от нечистого духа», опубликованной П. С. Ефименко, Царь Небесный производит грозу с помощью Святого Духа: *...спустил истинный Господь, Саваоф Бог, Спас Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, свое Божие великое милосердие, от престола Господня святым Дух, царя грома и царицу молонию: царь гром грянул, царица молония огненное пламя спустила, молния осветила, раскалились и разбежались всякие нечистые духи* [Ефименко, 1878, 159–160, № 22; стар. ркп.]; *Поднимаетца царь грозная туча, и под грозною тучею мечетца царь гром, царица молния* [Там же, 159, № 22].

В заговорах встречается также иногда *огненный царь* [см.: Смилянская, 2002, 110; 1723 г.]. Некоторые контексты позволяют предполагать, что так именуется солнце, например: *На русской и на немецкой земли есть **огнянной царь**, высушил реки и озера и мелкия источники...* [Ефименко, 1878, 140, № 3; стар. ркп.].

В рукописи из Пермской губернии фигурируют «цари ветрам»:

¹³ Под «праведным лесом» здесь подразумевается леший, хозяин леса.

¹⁴ О подобных обращениях к лешему см. также: [Белова, 2004].

На море на окияне, на острове на буяне, стоят три дуба зеленых, под темя тремя дубам зеленым *цари ветрам, цари вихорям, цари царевицам, короли королевичам*, а я, раб Божий, подойду поклонюся, вашей верой приложуся... [Шилков, 1883, 149–151; недатир. ркп.].

Для пастушеских заговоров характерен образ царя Огня. К нему обращаются с просьбой отогнать от скота всякого зверя и нечистую силу: *И что несть на земли Огонь царь, Агонь царь – всем царем царь, от меня, раба Божия (имярек), от моего милаго живота, от крестьянского скота, зжет и палит всякого зверя...* [Виноградов, 1907, 54, № 70; стар. ркп.; то же: Ефименко, 1878, 171, № 5; пастуш. отпуск; стар. ркп.; Рыбников, 1867, 263; стар. ркп.]; *И есть зеленой огонь в море, всем огням царь, жжет и палит отпадишую нечистую силу дияволов, еретиков и колдунов и всех людей; так бы их от моего стада скота жгло и палило* [Майков, 1992, 113, № 285; XIX в.; пастуш. отпуск].

Царь муравей. В пастушеских заговорах встречаются *царь Мураш, царь муравей* или *муравьиный царь*:

Господь Бог Саваоф, исполнь небо, и землю, и *царя мураша*. Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, как вы крестили истиннаго Христа, и святую воду, и *царя мураша*, батюшко Господь Бог Саваоф, Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, благословите мурашева гнезда взять, и его плоду, и *детей его*. И *батюшко царь мураш*, благослови своего гнезда взять, и *своих детей*, и своего плоду, и того древа, у коего ты гнездо и дом свой имееш. И как ты, *царь мураш*, то дерево и гнездо свое не теряеш, вокруг своего гнезда бьешся и убиваешся, вьешся и увиваешся, так бы у меня, раба Божия имрака, скотинушка, как то лошадушки, короушки, овечушки и свиночки, двоешорстна, и троешорстна, и об одной шорске вокруг своего гнезда и своего дому билась и убивалась, вилась и увивалась. И как ты, *царь мураш*, сколько гнездлив и плодлив, так бы у меня, раба Божия имрака, скотинушка гнездлива и плодлива была, как то лошадушки, короушки, овечушки и свиночки, одношорстна, двоешорстна и троешорстна [РНБ. О. XVII. 33, л. 2–3 об.; ркп. XVIII–XIX вв.].

...собираются *муравьевы дети* со все четыре стороны к всякой ночи к *Царю* своему *Муравью*, служат ему и слушают его всегда... [Харузин, 1894, 312; ркп. 1780-х гг. из Водлозера; то же: Рыбников, 1867, 267; стар. ркп.; Ефименко, 1878, 169, № 4; пастуш. отпуск; недатиров. ркп.].

...к *царю муравному* муравьи в муравьище схожаются и збегаются... [Ефименко, 1878, 172, № 7; пастуш. отпуск; стар. ркп.; то же: Там же, 173, № 7; пастуш. отпуск; стар. ркп.].

Некоторые выводы. Перечислим основные группы «царей», которые встретились нам в русских заговорах XVII–XIX вв.:

1. *Царь* – ‘государь, монарх, верховный правитель России’ [ср.: Даль, 4, 570]. В одном из текстов Олонецкого сборника 2-й четверти XVII в. царь Михаил Федорович предстает как источник силы и красоты, которые пытается присвоить себе протагонист заговора. В заговорах социальной направленности имярек пытается воздействовать на представителей государства и церкви во главе с царем. В этих текстах *цари* неизменно занимают первое место в перечислениях светских и церковных властей; царь не индивидуализирован; не назван по имени; к тому же существительное *цари* часто выступает во множественном числе, хотя речь идет о российской власти, во главе которой стоял самодержец или самодержица.

2. *Царь Небесный*, как правило, отождествлялся с Христом, реже – с Богом Отцом; впрочем, в народной традиции их часто смешивали друг с другом. При именовании Царя Небесного в неканонических молитвах использовались библей-

ские и литургические формулировки, такие как *царь царей*, *господь господствующих*, *царь славы*¹⁵.

3. *Царь Сатана* и *царь Ирод*, которые могли отождествляться друг с другом.

4. Библейские цари и цари древнего мира: Давид, Соломон, Ахав, Константин¹⁶, Александр Македонский¹⁷, Троян¹⁸.

5. Цари в мире природных стихий и явлений: *царь-гром*, *царь-туча*, *царица-молния*, *Огонь царь*, *цари ветрам*. Ассоциации грозы с «царским» началом встречаются в заговорах довольно редко и, вероятно, имеют книжное происхождение; впрочем, антропоморфное восприятие грозы относится к общечеловеческим универсалиям и было известно еще в славянском язычестве.

6. *Царь* – ‘славнейший, отличнейший между своими’ [Даль, 4, 571]: *царь Мураш* (*царь муравей*, *муравьиный царь*).

7. *Царь* – мифический «хозяин» определенных локусов окружающего мира и старший над другими подобными «хозяевами»: *царь лесной*, *царь водяной*. Сюда же, вероятно, относятся лесные хозяева, названные своеобразными «псевдоименами»: *царь Гонгой* и *царица Гогея*, *царь Парфей*, *царь Шустий*, *царь Мусайла*.

8. Мифический *царь железный* в заговорах от вражеского оружия – «родитель» всякого железного оружия и защитник от него.

В магическом универсуме знание имени дает возможность воздействовать на носителя этого имени. Именование *царем* привносит в магический текст специфические оттенки: то или иное существо или явление природы понимается как одушевленное, наделенное разумом и властью. Величание *царем* огня, муравья, лешего и др. призвано не только наладить с ними общение, задобрить их, продемонстрировать свою лояльность, но и навязывает им определенную программу поведения, подразумевающую патронажные отношения с исполнителем заговора, отеческую заботу о нем, проявление милости. «Царь» может также именоваться *отцом* и иметь своих *детей*. Соответственно он должен печься о своих подданных, как о родных детях, беречь их, защищать от злых сил и т. д.

Совокупность *царей* в заговорах организована на основе ряда оппозиций: «небесное – земное», «божественное – социальное», «божественное – дьявольское». Значимо также противопоставление по числу; например, *Царь Небесный* всегда фигурирует в единственном числе, но *земной царь* может выступать и в единственном числе, и во множественном. Царь того или иного класса существ или

¹⁵ Например, в «Молитве Киприана»: «...Господи, сый прославлен, *Царь царствующим* и *Господь господствующим...*» [Ефименко, 1878, 163, № 23; стар. ркп.]. Ср. в Откровении Иоанна: «...Он есть *Господь господствующих* и *Царь царей...*» (17, 14); «На одежде и на бедре Его написано имя: *Царь царей* и *Господь господствующих*» (19, 16).

¹⁶ Например: *Царю Давид*, *царю Ко[н]ст[ант]ин*, *царю Соломон!* [Рыбников, 1867, 269; стар. ркп.].

¹⁷ Например: *К царю Давыду пойду в смелость и кротость, к Александру Македонскому пойду по хитрость, а к царю Соломону по премудрость у начальников, и чиновников, и судей праведных* [РНБ. О. XVII. 46, л. 12 об.–13; ркп. 1-й пол. XIX в.].

¹⁸ Например, в Великоустюжском сборнике: *Здыни же, Боже, ветри за святое море Окиян ко царю ко Трояну по тридевать ключев морских* [Турилов, Чернецов, 2002, 220, см. также 222].

объектов, как правило, противопоставлен им по числу: например, Небесный Царь – небесные силы, земной царь – его подданные, Сатана – бесы, царь Мураш – муравьи, железный царь – его «дети» (разные виды оружия) и т. д.

В основе осмысления власти в заговорах социальной направленности лежит средневековый иерархический принцип в сочетании с представлениями о царе как высшей ценности и его соотносительности с Царем Небесным. Этот принцип, заимствованный из религиозных верований и социальной жизни, давал определенную схему, которая проецировалась посредством заговоров в самые разные сферы народной картины мира. Свои «цари» обнаруживаются и в мире природных стихий и явлений, и среди насекомых, и среди сверхъестественных покровителей природных локусов (леса, воды, земли), и в сообществе дьявольских сил.

Конкретный материал может заимствоваться из библейских образов (гроза как манифестация божества), социальной реальности (сакрализация монарха в России XVII–XVIII вв.), народных верований (лесной царь как главный из леших) и других источников. Различные «цари» соединяют в себе реальные и ирреальные свойства в разном соотношении: от Царя Небесного, зримо представленного в церковном искусстве, до лишнего определенности железного царя, от вполне реального царя Михаила Федоровича до фольклорного лесного царя, от царского величия грозы до весьма эфемерных царя огня или царя ветров.

Разные «цари» в народном восприятии смешивались друг с другом. В результате Царь Небесный мог сближаться с царем земным, а царь Сатана – с царем Иродом. Составителям заговорных «писем» казалось естественным угрожать одному царю тем, что пожалуешься на него другому царю (например, царю московскому на царя лесного).

В некоторых заговорах встречаются такие перечисления, в которых объединяются великие цари древности (Александр Македонский), названия бесов (царь Маммон) и фольклорных персонажей (царь морской): «...помолюся... *тому святому царю Мошенскому, и тому святому царю Македонскому, и тому Авдею, и тому царю Абрутему, и тому заморскому, и тому царю морскому, и тому царю Маммону*» [Вытегорский погост, 1884: 894; недатир. ркп.; пастуш. отпуск].

В разных сегментах заговорно-магического континуума слово *царь* выступает в разных контекстах, соотносясь с разными подсистемами картины мира и приобретая разные оттенки значения. Аналогичным образом *небесный царь* может пониматься или как Христос и Бог-Отец, или как сказочный царь, живущий на небе и владеющий мечом-самосеком, или как фольклорный «хозяин» неба, стоящий в одном ряду с «земным» и «водяным» царями. Например, если у коровы пропадал удой, женщина шла к роднику и просила: «*Царь водяной, царь земляной и небесный царь – всем царям царь*, благословите взять водушки не ради хитрости, не ради мудрости, а ради Божьей рудонюшки (или какой другой), чтобы по-старому доила, чтобы молоко по старым струйкам бежало» [Кофырин, 1900, 2, № 126].

Материал показывает, что составители заговоров активно пользовались топикой и фразеологией христианской письменности и литургики, однако были при этом далеки от христианского смирения и почитания властей. За редкими исключения-

ми трудно найти в заговорах какие-нибудь следы сакрализации монарха. Скорее можно говорить о недостаточной расчлененности представлений религиозного и социального характера.

Представления о царе и власти, отразившиеся в заговорах, во многом определяются прагматикой этого жанра словесности как магического, эзотерического, преследуемого церковью и государством и ориентированного на получение прагматического результата, в том числе воздействия на власть предрежащих.

В символическом мире заговора протагонист не стремится отменить иерархию, но желает заручиться помощью того, кто стоит у нее во главе, и тем самым получить силу и власть для решения своих проблем. Для субъекта магических действий естественным является также желание присвоить себе царскую власть (хотя бы на время и в воображении) и самому занять место во главе социальной и религиозной иерархии (так называемое *бытовое самозванчество*).

-
- БАН – Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
 Белова О. В. Как в деревне Арзубиха «кабалу писали» // Язык культуры: Семантика и грамматика. М., 2004. С. 183–189.
 Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб., 1908. Вып. 1.
 Вытегорский погост // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 90. С. 894–895.
 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
 Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2002.
 Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2 (Тр. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; Т. 30; кн. 5; вып. 2).
 Ефименко П. С. Околдование начальства // Киевская старина. 1886. Т. 15. № 5. С. 175–178.
 Живов В. М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // Semiotics and the History of Culture. Ohio, 1988. P. 46–128.
 Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.
 Ипполитова А. Б. Поверья о «царских» растениях в устной и рукописной традиции // Русская филология 15: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2004. С. 38–44.
 Кофьрин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 126. С. 2.
 Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000.
 Леон-Дюфур – Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура и др. Пер. с 2-го франц. изд. Брюссель, 1990.
 Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993.
 Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.
 Майков – Великорусские заклинания: Сб. Л. Н. Майкова. СПб.; Париж, 1992.

- Михайлова Т. В. «Волшебные книшки» и «суеверные писма»: заговоры в составе колдовских дел // Труды факультета этнологии. СПб., 2004. Вып. 2. С. 174–200.
- Пигин – Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых / Подг. текста и коммент. А. В. Пигина // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 241–249.
- Покровский Н. Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 110–130.
- Покровский Н. Н. Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- Рыбников – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Ч. 4.
- Смилянская – Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII в. (Публикация Е. Б. Смилянской) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 99–172.
- Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.
- Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Турилов, Чернецов – Великоустюжский сборник XVII в. (Предисловие и публикация А. А. Турилова, А. В. Чернецова // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 177–224.
- Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302–346.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
- Шилков П. А. О суеверии населения Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1883. № 23.
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Kivelson V. A. Political Sorcery in Sixteenth-Century Muscovy // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Под ред. А. М. Клеймола, Г. Д. Ленхофф. М., 1997. С. 267–283.

* * *

Андрей Львович Топорков – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН (Москва).

МАТЕРИАЛЫ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2007. № 4

Ю. Б. Воронцова

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

П. Л–Я*

ЛАПАНЦЫ (ЛАПОНЦЫ). 1. Жители д. Кузоверская. Уст. *Кузоверцы – лапанцы, Потеряли катанцы* [КТЭ] // ЛОКАСЬЁ (в 1 знач.), ОТКРЫВАЙ ДВЕРЦЫ, СКОРОМАТЫ.

2. Жители д. Грунцовская (неофициальное название – *Кузнецово*). Уст. *Кузнецовцы-лапанцы, Летом носят катанцы; Бедные они были, на Рождество все со звездой по нашим домам ходили, просили еду* [КТЭ] // ЗЫРЬ (в 8 знач.).

3. **(САБУРЯТА-ЛАПОНЦЫ).** Жители д. Сабуровская. Уст. [КТЭ] // ЛОКАСЬЁ (во 2 знач.), ЛОЩАТА.

ЛАПОТНИКИ. 1. **(ЛАПТЁЖНИКИ).** Жители Вельского района¹ [Дранникова, 87].

2. **(ЛАПТЁЖНИКИ).** Жители Каргопольского района [Дранникова, 87] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, МЕШКЙ (в 1 знач.), ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ОВСЯН(Н)ИКИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОЁДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНЯННИКИ, ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНЫ (в 3 знач.).

3. Жители к. д. Ковжа. Кон. *Некультурные были все в лаптях бегали; Жизни не знают, все в лаптях ходили; Лапотники все ходили в лаптях, а мы в галошах* [КТЭ].

* Работа по проекту «Русская ономастическая лексикография», выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Начало публикации см. в: *Вопр. ономастики*. 2006. №3.

¹ В случае, когда коллективное прозвище относится к жителям района, географическая помета приводится только при несовпадении данного района с районом фиксации; в случае, когда прозвище «объединяет» жителей нескольких районов, помета не ставится.

4. Жители д. Кеба. Леш. [КТЭ] // БУРЛУКЙ, РЫБОЛОВЫ.
5. **(ЛАПТЁЖНИКИ)**. Жители д. Лебское. Леш. [Дранникова, 87].
6. **(ЛАПТЁЖНИКИ)**. Жители д. Моша. Нянд. [Дранникова, 87].
7. Жители с. Карпогоры. Пин. *Карпогорцев-то называли раньше «лапотники», потому что они летом лапти носили, а мы-то, деревенские, все босиком бежали* [Дранникова, 325] // БОГАЧИ (в 3 знач.), ЦЫКОВАТЫЕ.
8. **(УСТЯКЙ-ЛАПОТНИКЙ, УСТЯКЙ-ЛАПОТНИКИ)**. Жители Устьянского района [КТЭ]. *Жителей нашего Устьянского района долгое время называли «устьяки-лапотники», потому что долгие времена здесь ходили в лаптях. Район очень славился мастерами, которые плели лапти* [Дранникова, 332] // ЗЫРЬ БЕЛОГЛАЗАЯ, НИЗКОСРАКИЕ, ЧУДЬ (в 4 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 4 знач.).
9. **(ЛАПТЁЖНИКИ)**. Жители верховьев р. Устья [Дранникова, 77] // КОЛДУНЫ (в 6 знач.), НИЩИЕ.
10. **(ЛАПТЁЖНИКИ)**. Жители г. Шенкурска [Дранникова, 87] // ШАНЁЖНИКИ (в 5 знач.).
11. **(ЛАПТЁЖНИКИ)**. Жители д. Торна. Шенк. [Дранникова, 87].
- ЛАПОТНИКИ**. 1. Жители деревень по р. Устья. Вель. [КТЭ].
2. Жители к. д. Кургомень. Вин. [КТЭ].
- ЛАПТЁЖНИКИ**. См. ЛАПОТНИКИ (в 1, 2, 5, 6, 9, 10 знач.).
- ЛАПТИ (ОЯТСКИЕ ЛАПТИ)**. «Так дразнят обывателей берегов р. Ояти за то, что они в свободное от работы время занимаются плетением лаптей, кузовов, кошелей и т. п.; было время, когда в верховьях р. Ояти из бересты делали уздечки, целую шлею, седла и т. п.» Олон. [Куликовский, 76; СРНГ, 25, 105].
- ЛЕДОСТАВЫ**. Жители д. Целегора; то же, что РЕКОСТАВЫ (во 2 знач.). Мез. *Мужики связали красны кушаки и хотели поставить ими реку. И поставили* [Дранникова, 225] // КУШАКЙ.
- ЛЕКАЛА**. См. ЗЛЕКОЛА.
- ЛЕСНЫЕ ВОРОНЫ**. Жители к. д. Юмиж. В-Т. *Далеко от дороги живем, вот и зовут нас этта* [КТЭ] // ЛОКАСА (в 1 знач.), ЛОКАСЫ (во 2 знач.).
- ЛЕТЧИКИ**. Жители пос. Черевково. К-Б. «Был аэропорт, и в поселке проживало много летчиков» [Дранникова, 113].
- ЛЕШАКЙ**. 1. Жители д. Бубново. Котл. *У нас все лешакаются, вот и зовут нас лешаками* [КТЭ].
2. Жители д. Прилук. Пин. *Большие порато были да нескладные* [КТЭ] // КРОХАЛЙ (во 2 знач.), ЧЕРЕПАНЦЫ.
- ЛЕШАЧЙХИ**. Жительницы Пинежского района. «За их умение колдовать» [Дранникова, 122].
- ЛИСЯТА**. Жители одной из деревень: Осиновец, Борисовец, Кашечина Гора, Дьконово, Воронцово Вилегодского района. *В округе лис разводили, и кто-то из деревни (какой, не помню) украл лису* [Дранникова, 311].
- ЛОКАСА**. 1. **(ЛОКАСЫ)**. Жители к. д. Юмиж. В-Т. [КТЭ] // ЛЕСНЫЕ ВОРОНЫ.
2. Жители к. д. Качем. В-Т. [КТЭ].

ЛОКАСЬЁ. 1. Жители д. Кузоверская. Уст. [КТЭ] // ЛАПА́НЦЫ (в 1 знач.), ОТКРЫВА́Й ДВÉРЦЫ, СКОРОМА́ТЫ.

2. Жители д. Сабуровская. Уст. [КТЭ] // ЛАПА́НЦЫ (в 3 знач.), ЛОЩА́ТА.

3. Жители Первомайского сельсовета (по р. Заячья). Уст. *Зайчері́чан раньше локасьём бранили. Всё зайчері́чано – локасьё, зайчері́цкой локас* [КТЭ].

4. Жители Ростовского сельсовета. Уст. *Локасьё – из деревни своей бежали на лесозаготовки* [КТЭ].

ЛО́КАСЫ. 1. (ЛОКАСЯ́ТА). Жители к. д. Целезеро. Вин. [КТЭ] // АЗИА́ТЫ.

2. См. ЛОКАСÁ (в 1 знач.).

ЛОПА́РЬ. 1. Жители д. Хлыщевская; то же, что КИТА́ЙЦЫ (в 1 знач.). Вель. [КТЭ].

2. Жители Няндомского района [Дранникова, 108].

ЛОПА́ТЫ. 1. Жители д. Соколово. Мез. [КТЭ].

2. Жители д. Потылицкая. Плес. *В Потылицкой – лопаты: тамо девушки горбаты* [Дранникова, 300].

ЛОПУ́ГИ. Жители д. Хорнема. В-Т. [КТЭ].

ЛО́СИ. Жители д. Чаша. Шенк. [Дранникова, 126].

ЛОПШЕЗУ́БЫ. Жители д. Лопшеньга; то же, что ЗУБА́РЬ. Прим. [КТЭ] // СТЕ́ГАНЫЕ ЖО́ПЫ, ТУ́РКИ (в 5 знач.), ТУРУ́РҮ.

ЛОЩА́ТА. Жители д. Сабуровская. Уст. [КТЭ] // ЛАПА́НЦЫ (в 3 знач.), ЛОКАСЬЁ (во 2 знач.).

ЛУЗА́НЫ. Жители д. Марьина. Пин. [КЛРС, 77; СП, 97] // ВОРЧУ́НЫ, ГЫ́ЧИ.

ЛУ́КОВИЦЫ (ПРИЛУ́ЦКИЕ ЛУ́КОВИЦЫ, ПРИЛУ́КОВСКИЕ ЛУ́КОВИЦЫ). Жители д. Прилук. Вин. *Лук выращивали хороший, у них земля хорошо родит; Они лук, наверно, растили; Мы луку много растили; Луковицы – потому как лука много садили* [КТЭ] // РЯБКІ́ (в 1 знач.).

ЛЯГУ́ХИ. Жители части д. Даниловская. Вил. *Болотные жители: одни – лягухи, другие – кулики* [КТЭ].

ЛЯПУ́НЫ. «Дразнят обывателей Сойдозера за то, что они говорят протяжно и с присвистом». Олон. [Куликовский, 52; СРНГ, 17, 281].

МАКУ́НЫ. Жители д. Шардомень. Пин. *Макают в подливку* [КЛРС, 56; СП, 28] // КА́ШНИКИ, ФО́РСУНЫ́ (во 2 знач.).

МАЛЯКА́НЕ (МАЛЯКА́НИЯ, МАЛЯКА́НЫ). Жители д. Прохново. Плес. *Были боевые ребята; Мала сторона там что ли* [КТЭ].

МАМО́НЫ. 1. Жители г. Няндомы. Нянд. *Момоны – прозвище это, мошинские няндомских так звали: «Э, няндомские момоны пришли»; Летом столько момонов наедет* [КТЭ] // ПОНЧИ́КИ-МАМОНЧИ́КИ.

2. Жители Няндомского района. *Будто бы давным-давно в тех местах установился глава племени, которого звали Мамон, и обосновал там поселок; Старуха какая-то зашла в магазин и увидела лимоны. Попросила продать: «Что это?» Продавец: «Лимоны». А старухе послышалось «мамоны»* [Дранникова, 50, 320–321].

МАНДОЁДЫ. 1. (**МУНДОЕДЫ**). Жители с. Койда. Мез. [Дранникова, 238]. *Давно как-то старому деду подкинули вареную оленью манду, а он ее съел – вот и прозвали мандоедами* [КТЭ] // **БОГОМАЗЫ** (в 3 знач.), **ГУЛЯШИ**, **КУРОПЫ**.

2. Жители Мезенского района. Прим. [КТЭ].

МАСЛЯНЕ. Жители д. Фрушинская. Шенк. [Дранникова, 128].

МЁЕВЫ. Жители д. Великая; то же, что **ЕРШЫ** (во 2 знач.). В-т. [КТЭ].

МЕКСИКАНЦЫ. Жители микрорайона Маймакса г. Архангельска. Прим. [Дранникова, 341].

МЁНУХИ (ТУНДРОВЦЫ-МЁНУХИ). Жители д. Тундриха. Кон. [КТЭ].

МЕРИКА́НЫ. Жители Пинежского района. *Екатерина не продала еще Аляску Америке, на ней жили русские поселенцы. После продажи Аляски они оттуда уехали и остановились на Пинеге* [Дранникова, 232] // **ТАРАБО́ЛЫ**.

МЕШЌЙ. 1. «Прозвище жителей Каргопольского уезда Архангельской губернии, продающих хлеб мешками на сторону: *Онежаны – дружки, каргополы – мешки, поморы – наважсьи головы*». Он. [СРНГ, 18, 150] // **ДОЛГОПО́ЛЫ** (в 1 знач.), **ЖЖЁНЫЕ ОГЛО́БЛИ**, **ЛА́ПОТНИКИ** (во 2 знач.), **ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛО́БЛИ**, **ОВСЯ́ННИКИ**, **ПАЛЁНЫЕ ОГЛО́БЛИ**, **ПРИШИ́ВНЫЕ ГО́ЛОВЫ**, **СЫРОЁ́ДЫ** (в 1 знач.), **ТОЛОКНЯ́ННИКИ**, **ЧУДЬ** (во 2 знач.), **ЧУДЬ БЕЛОГЛА́ЗАЯ** (во 2 знач.), **ШИ́ПУНЬИ** (в 3 знач.).

2. Жители д. Ефимово. В-т. [КТЭ] // **ГАГА́И** (в 1 знач.).

МЕЩА́НА. 1. Жители г. Вельск. Вель. [КТЭ].

2. Жители г. Мезень. Мез., Пин. [КТЭ] // **ВОРО́НЫ** (в 11 знач.), **ЗЕЛЕЗЁ́НИ**, **КИСОРЕ́ЗЫ**, **КОНОЕ́ДЫ**, **КОФЕ́ЙНИКИ** (в 1 знач.), **САЖЕЕ́ДЫ**, **СОРО́КИ**, **ЧЕРНОТРО́ПЫ** (в 3 знач.).

МЕЩА́НА-КОФЕ́ЙНИКИ. Жители деревень бассейна р. Мезень. В-т. *Мещана-кофейники их зовут, кофе пить любят* [КТЭ] // **КОФЕ́ЙНИКИ** (во 2 знач.), **ШТЕННИКИ**.

МЕЩА́НЕ. 1. Жители с. Павловское. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Леонтьевская. Уст. [КТЭ] // **КОЗЛЫ́**.

МИЛОЗЯ́ННИКИ (МИЛУЗЯ́ННИКИ). Жители с. Конеево. Плес. *Своего хлеба не было, милозину ели; По одну сторону р. Ентыш инья не было, хлеб не мерз. Хлеба у них мало было, вот и милузинники; Работали, что ль, плохо, одну милузину² ели* [КТЭ].

МОЗГА́ЛЫ. Жители части д. Жуковская. Вил. [КТЭ].

МОКРУ́ШИ. «Прозвище жителей селения Соломбала, где часты весенние наводнения» [СРНГ, 18, 212].

МОЛЁ́НЫЕ. Жители д. Дмитриево. Уст. *Много было там верующих, ходили молились они в церковь* [Дранникова, 121].

МОЛОКА́НЫ. Жители д. Нижа. Мез. *У них вера такая была* [Дранникова, 121]. *Молоко любили очень, все коров держали* [КТЭ] // **КОТЫ́**, **УВА́ЛЫ**.

² Милузина – отходы при обмолоте зерновых [КСРГС].

МОНАСТЫ́РСКИЕ. Жители деревень Липовского сельсовета. Вель. *Монастырь там был* [КТЭ] // ЗЫРЬ (во 2 знач.).

МОНАСТЫРЦЫ. Жители д. Бутырская. Вель. *В этой деревне раньше был монастырь* [Дранникова, 310].

МОНАСТЫРЯ́НКИ. Жительницы д. Заручевская. Прим. [КТЭ] // СПАСОВЯ́НКИ.

МОНА́ХИ. 1. Жители д. Беляевская. Уст. *У нас в Беляевской монахи и русские в разные концы ходят* [КТЭ].

2. Жители д. Веркола; то же, что БОГОМО́ЛЫЦЫ (в 1 знач.). Пин. «Прозвище указывает на территориальную близость жителей Верколы к монастырю, расположенному напротив, через р. Пинегу» [СП, 86]. *На противоположном берегу от этой деревни монастырь стоит* [Дранникова, 324] // ЕЛЫ́ЦЫ (в 1 знач.), ЧЕРНОЛО́БЫ(Е) (во 2 знач.).

МОРА́ВКИ. Жители д. Жуковская. Вил. *Старик один кипришиху ел – умарался, вот моравкой и прозвали* [КТЭ].

МОРЖЕ́ЕДЫ. «Архангельцы – моржееды (ели моржей)» [Забылин, 571; ПРН, 338; Сахаров, 203] // ВОДОХЛЁ́БЫ (в 13 знач.), КОРОЕ́ДЫ, КРÓВЕЛЫ́ЩИКИ, ТРЕСКО́ЕДЫ (в 6 знач.), ШАНЁ́ЖНИКИ (в 4 знач.), ША́НЫГА КИ́СЛАЯ.

МОРОКА́. Жители д. Мутокорье. В-Т. [КТЭ].

МОРСКО́Е ОКА́ЧКИ. Жители д. Яреньга. Прим. [КТЭ] // БАХВАЛЫ́-МУЖИКИ, ПЕСТЕ́РЬ (в 1 знач.), ЧАГА́ТЫ, ЯПО́НЦЫ (в 3 знач.).

МОЧО́К (ТА́МИЦКИЙ МОЧО́К). Жители деревень Тамицкого сельсовета. Он. *Раньше-то ложек, вилок не было, дак все ели – хлебали, макали и ели* [КТЭ].

МО́ШКИ. Жители с. Долгощелье. Мез. *На зверобойню поедут, как мошки их там, потому мошками и зовут* [КТЭ] // ТУ́РКИ (в 4 знач.).

МОШКОЛÉПЫ. Жители д. Мошканово. В-Т. *Мошкана – мошколепы, Не едали сладкой репы* [КТЭ].

МУНДОЕ́ДЫ. См. МАНДОЕ́ДЫ (в 1 знач.).

МУРАШЬ. 1. Жители д. Керас. В-Т. [КТЭ].

2. Жители д. Пурышевская. В-Т. *Они такие работные – так мураши-то и говорят* [КТЭ].

МУ́РМАНЫ. Жители д. Кеврола. Пин. [КТЭ] // БОГОМО́ЛЫЦЫ (во 2 знач.), ВОДОХЛЁ́БЫ (в 8 знач.), ВО́ЛКИ (в 1 знач.), КОКО́РЫ (в 1 знач.), КРЮ́КИ, ТОПЛЯ́КИ, ФАРАО́НЫ (в 3 знач.).

МУ́РОЖНИКИ. Жители д. Гбач. Холм. *В домах живут, в мургах*³ [КТЭ].

МУСЁ́НКИ. См. МУСЁ́ННИКИ.

МУСЁ́ННИКИ (МУСЁ́НКИ). Жители д. Каскомень. Пин. *На праздник к имя приехали, а у них пиво худо вышло, гуци много; сказали: «У вас пиво, как мусёнка»* [КТЭ]. «Сурский куст: *На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, В Засурье – зайцы, В Каскомени – мусённики, В Городецке – поганцоры*»; «Я родилась

³ *Мурга́* – воронкообразная впадина, провал [СРНГ, 18, 353].

в городе Мусенке. Каскоменцы – все мусённые (мусёнка – болтушка из воды, муки и соли, которую ели самые бедные жители пинежских селений)» [КЛРС, 54; СП, 28]. «Всегда брали с собой в дорогу туес с мусёнкой» [Дранникова, 218] // ДЛИННЫЕ ЗАТЫЧКИ.

МУЧКАРЬ. Жители д. Пылема. Леш. [КТЭ].

МЯКЬНИКИ. Жители околотка Оксово в д. Каскомень. Пин. *Раньше жители околотка Оксово жили беднее, чем жители второго околотка, на мякине жили* [КТЭ].

НАВАГИ. Молодежь с. Долгощелье; то же, что КОРЕХИ. Мез. *Сайки да ревчи – койденские девки, корехи, наваги – щельянка молодежь* [Дранникова, 127].

НАВАЖКА (НАВАЖКИ). Жители д. Пушлахта. Прим. [Дранникова, 127]. *Пушлахта – наважка, Ляма – простокваша; Лопшари – зубари, яренжата – пестери, Дураково – Ревяково, Золотица – Еретица, Пушлахта – наважка* [КТЭ] // ОЛЕНИ.

НАГЬЕ ЛОПОТИ. Жители д. Мальшинское. Карг. [КТЭ] // БЕЗЗАКОННИКИ, КИСЛЫЕ ИСПОДКИ.

НАКОМАРНИКИ. Жители д. Бычьё; то же, что КОМАРЬ (во 2 знач.). Мез. *Все в накомарниках ходили и зимой, и летом* [Дранникова, 320] // СОЛÓКИ.

НЕБЛАГОСЛОВЕННЫЕ. «Обыватели дер. Поздышевской, Нифантовской волости, зовутся неблагословенными за то, что, как гласит предание, не дали Александру Ошевенскому земли под монастырь и грозили ему палками. Александр Ошевенский сказал им в ответ на угрозы: «Живите же вы ни серо, ни бело!» В д. Поздышевской нет зажиточных, и молва гласит, что чуть кто из обывателей этой деревни начнет богатеть, вскоре разоряется или покидает эту деревню». Карг. [Куликовский, 63].

НЕОБИТАЕМЫЕ. Жители о-ва Краснофлотский; то же, что ДИКАРИ (во 2 знач.). Прим. [Дранникова, 340].

НЕПАРНЫ(Е) ВАЛЕНКИ (КАТАНЦЫ). Жители д. Ручьи. Мез. *Очень много лет назад жил здесь один старичок... и любил он ходить по деревне ласы точить... А на ноги он, знаешь, постоянно надевал разные валенки. Народ постоянно потешался над ним* [Дранникова, 228, 238, 319].

НЕФАГИНЦЫ (НИФАГИЧИ). Жители д. Чудиново. В-т. *Нефагинцы раньше были на Чудинове, а теперь уж вымерли. В Чудиново чудь пала, от ее нифагичи пошли. У их лица другие; Нифагичи жили в Чудинове, они отродки чуди. Разъехались сейчас по разным местам* [КТЭ].

НЕЧИСТЫЕ. Жители бассейна р. Пинега. Пин. [Дранникова, 323] // ВОДО-ХЛЁБЫ (в 12 знач.), ИКОТНИКИ (в 1 знач.), КЛИКУШКИ, КЛИКУШНИКИ, КОЛДУНЫ (во 2 знач.), ТРЕСКОЁДЫ (в 5 знач.).

НИЗКОСРАКИЕ (УСТЬЯНЫ НИЗКОСРАКИЕ). Жители Устьянского района. «Прозвище было распространено в соседнем Котласском районе» [Дранникова, 55] // ЗЫРЬ БЕЛОГЛАЗАЯ, ЛАПОТНИКИ (в 8 знач.), ЧУДЬ (в 4 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 4 знач.).

НИФАГИЧИ. См. НЕФАГИНЦЫ.

НИЩИЕ. Жители верховьев р. Устья [Дранникова, 77] // КОЛДУНЫ (в 6 знач.), ЛАПӨТНИКИ (в 9 знач.).

НОВГОРӨДЦЫ. Жители д. Куя. Прим. [КТЭ].

НУЖДА ХОЛМОГОРСКАЯ. Жители Холмогорского района. «Занимались профессиональным нищенством» [Дранникова, 116] // ЗАУГОЛЬНИКИ.

ОБАБКИ (ЕДОМСКИЕ ОБАБКИ). Жители д. Едома. Вил. *Их считали некрасивыми, морщинистыми, с толстыми губами, как обабки* [Дранникова, 128].

ОБИХОДНИКИ. Жители д. Поздеевская. Кон. *Нас обиходниками звали, обиходно в квартирах вели* [КТЭ].

ОБМАРАННЫ(Е) ПОДОЛЫ. См. ЗАМАРАННЫ(Е) ПОДОЛЫ.

ОБОЖЖӨННЫ(Е) ОГЛОБЛИ. Жители Каргопольского района; то же, что ЖЖӨНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПАЛӨНЫЕ ОГЛОБЛИ [Дранникова, 334] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЛАПӨТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКЙ (в 1 знач.), ОВСЯННИКИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОӨДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНЯННИКИ, ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНЫ (в 3 знач.).

ОБОРВАНЦЫ (СМЕТАНЦЫ-ОБОРВАНЦЫ). Жители д. Фомин Починок (неофициальное название – *Сметана*). Уст. [КТЭ].

ОВСЯННИКИ. «До революции – насмешливое прозвище жителей Каргопольского уезда». Олон. [СРНГ, 22, 304]; то же, что ТОЛОКНЯННИКИ // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖӨНЫЕ ОГЛОБЛИ, ЛАПӨТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКЙ (в 1 знач.), ОБОЖЖӨННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ПАЛӨНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОӨДЫ (в 1 знач.), ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНЫ (в 3 знач.).

ӨВЦЫ. Жители д. Григоровская. Вель. [КТЭ].

ОГОРӨДНИКИ. Жители деревень по р. Лимь. Нянд. *Лимлян огорождниками зовем, как праздник какой, они на огородах сидели* [КТЭ].

ОДНОЛЯМОЧНИКИ. Жители к. д. Паденьга. Шенк. *Ходили с мешками – однолямочниками* [КТЭ] // КОЛХОЗНИКИ.

ӨКУНИ. 1. Жители д. Изевры; то же, что ЕРШЙ (в 3 знач.). В-т. *Изевра – ериши, окуни, как ругаемся, так «смуты» зовем* [КТЭ] // ВӨРЫ (в 1 знач.), СМЎТЫ.

2. Жители д. Бутырская; то же, что ЕРШЙ (в 4 знач.). Прим. [КТЭ].

ОКУРКИ. Жители д. Веригинская. Уст. *В довоенные годы они очень много курили, были черными, как смоль* [Дранникова, 332].

ОЛАБЫШИ. Жители д. Ивановская. Шенк. [КТЭ].

ОЛӨНИ. Жители д. Пушлахта. Прим. *Темные они, лесные жители* [КТЭ] // НАВАЖКА.

ОПАЛӨННЫ(Е) ОВЦЫ (ПАЛӨНЫ(Е) ОВЦЫ). Жители верховьев р. Пинега. *Верховья реки представляют Карпогоры, а низовья – Пинега. Пинега и Карпогоры – это два враждебных лагеря во всех вопросах <...>. Верховцы – «опалөны овцы» <...> Низовцы-купцы ездят на овцы* [Дранникова, 323].

ОПАРА. 1. Жители д. Совполье; то же, что ОПАРНИКИ. Мез. *Совпола раньше рожь растили, рожь-то мололи и варили опару, потому что здесь речка нерыболовна; «Опара» нас называют: у нас река как опара разольется, то высохнет – куры бродят* [Дранникова, 68] // ОПРЕЛЫШИ.

2. **(НЕМНЮЖСКА(Я) ОПАРА).** Жители д. Немнюга. Мез. *Кулойска(я) г-гара, Немнюжска(я) опара, Карьепольски(е) шти, Ночевать пусти; Мы – немнюжска опара, потому что лед понесет, он грязный... Вот и говорят: «Понесло немнюжску опару».* Немнюга у нас река-то [Дранникова, 248, 251].

ОПАРНИКИ. Жители д. Совполье; то же, что ОПАРА (в 1 знач.). Мез. [Дранникова, 114] // **ОПРЕЛЫШИ.**

ОПРЕЛЫШИ. Жители д. Совполье. Мез. *В марте река (Сова) уже вся опревает* [Дранникова, 238] // **ОПАРА** (в 1 знач.), **ОПАРНИКИ.**

ОРЛЫ. 1. Жители д. Клочихинская. Вил. *На горке деревушка стоит, они горные жители* [КТЭ].

2. Жители д. Большая Толша. Лен. *Орлы на горе жили* [КТЭ].

ОСТРОВНИКИ. Жители д. Пигиша. Холм. [Дранникова, 106].

ОСТРÓЖНИКИ (КРЕМЛЁВЦЫ-ОСТРÓЖНИКИ). Жители д. Кремлево. Кон. [КТЭ] // **БАХВАЛЫ** (в 1 знач.).

ÓСЫ. Жители с. Дорогорское. Мез. [КТЭ] // **СÓВЫ.**

ОТКРЫВАЙ ДВÉРЦЫ (КУЗОВÉРЦЫ-ОТКРЫВАЙ ДВÉРЦЫ). Жители д. Кузоверская. Уст. [КТЭ] // **ЛАПАНЦЫ** (в 1 знач.), **ЛОКАСЬЁ** (в 1 знач.), **СКОРОМАТЫ.**

ОТМОРОЖЕННЫЕ (ОТМОРОЗКИ). Жители Архангельской области и г. Архангельска; то же, что ЗАМОРОЖЕННЫЕ, ПРИМОРОЖЕННЫЕ. *Так называют жителей Севера, в частности архангелогородцев, жители других городов. Объясняют они это следующим образом: люди на Севере считаются неэмоциональными, спокойно воспринимающими все явления жизни* [Дранникова, 339].

ОШЕВЕНЦЫ. Жители д. Ширяиха. Карг. «Неподалеку местнотимым каргопольским святым Александром Ошевенским был основан монастырь» [Дранникова, 230].

ОШЕВЁНЬКИ (ВИНОГРАДОВСКИЕ ОШЕВЁНЬКИ). Жители Виноградовского района [КТЭ].

ПАЛАЧЬ. Жители д. Веегора. Пин. *Ребята боевые были, все дрались* [СП, 117] // **ДРАЧУНЫ, ПЬЯНАЯ ДЕРЕВНЯ.**

ПАЛЁНАЯ ОГЛОБЛЯ. См. ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ.

ПАЛЁНЫЕ. Жители д. Телегово. К-Б. *Они выжигали новины и туда сеяли лен... Там постоянно случались пожары* [Дранникова, 313].

ПАЛЁНЫ(Е) ОВЦЫ. См. ОПАЛЁННЫ(Е) ОВЦЫ.

ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ (ПАЛЁНАЯ ОГЛОБЛЯ). Жители Каргопольского района; то же, что ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛОБЛИ. *Каргопол оглобли опалит и поедет хлеба просить* [КТЭ] // **ДОЛГОПОЛЫ** (в 1 знач.), **ЛАПОТНИКИ** (во 2 знач.), **МЕШКЙ** (в 1 знач.), **ОВСЯННИКИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОЁДЫ** (в 1 знач.), **ТОЛОКНЯННИКИ, ЧУДЬ** (во 2 знач.), **ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ** (во 2 знач.), **ШИПУНЫ** (в 3 знач.).

ПАЛТАСЯТА (ПÁЛТУС, ПÁЛТУСЫ, ПÁЛТУСНИКИ). Жители д. Климово; то же, что ГНИЛÓЙ ПÁЛТУС. Вель. [КТЭ].

ПАЛЬНИКЪЙ. Жители пос. Усть-Ваеньга. Вин. *Охотники были; Охотой занимались* [КТЭ] // **ВОРОТУШКИ** (в 1 знач.), **СВИСТУЛЬКИ** (во 2 знач.).

ПАРИЖАНЕ. Жители с. Порог; то же, что **ФРАНЦУЗЫ** (в 5 знач.). Он. *Там есть телевизионная вышка, похожая на Эйфелеву башню в Париже. Поэтому Порог называют Парижем, а жителей – французами или парижанами* [Дранникова, 322].

ПАТРАКЪЙ. Жители д. Погорелка. Уст. [КТЭ].

ПЕСКАРЪЙ. Жители д. Митинская. Уст. [КТЭ].

ПЕСТЕРЪЙ. 1. Жители д. Яреньга. Прим. *Лопшари – зубари, Яренжана – пестери* [Дранникова, 263; КТЭ] // **БАХВАЛЫ-МУЖИКИ**, **МОРСКИЕ ОКАЧКИ**, **ЧАГАТЫ**, **ЯПОНЦЫ** (в 3 знач.).

2. (**НЁНОКШАНЕ-ПЕСТЕРЪЙ**). Жители д. Ненокса. С-Двин. // **КОШКОДАВЫ** (во 2 знач.), **СОЛЕВАРЫ** (**СОЛОВАРЫ**), **ТРЕСКОЕДЫ** (в 7 знач.).

ПЕСТЫ. Жители д. Курятинская. Плес. *В Курятах-то – песты: девки малыньки, толсты* [Дранникова, 300].

ПЕСЦЫ. Жители д. Лампожня. Мез. *Мезени – железени, Никола – колокола, Лампожня – песцы, Заозерье – кресцы* [КТЭ] // **КИБАСНИКИ**.

ПЕТУХЪЙ. 1. Жители д. Пучуга. В-Т. [Дранникова, 126].

2. Жители д. Некрасово. Леш. [КТЭ].

3. Жители д. Инца. Мез. [Дранникова, 126].

ПЛАВУНЪЙ. Жители с. Строевское; то же, что **ПОПЛАВКЪЙ**. Уст. *Река наша, Устья, каждую весну из берегов выходит и все кругом затопляет. Мужики иногда на лодках по селу плавают* [Дранникова, 332].

ПЛОТНИКИ (ПЛОТНИЧКИ). Жители д. Ореховская. Карг. [Дранникова, 303].

ПОВАРЁНКИ. Жители д. Лая. Прим. [КТЭ].

ПОВОЩАНА. Жители д. Анциферовская. Уст. [КТЭ] // **ЁЖИКИ**.

ПОГАНЦЫ (МИШКОДВОРА-ПОГАНЦЫ). Жители д. Мишкова. Кон. *Мы-то токо рыжиков брали, а они и серушек, волнушек, всего наберут* [КТЭ].

ПОГАНЦОРЫ. 1. Жители д. Городецк. Пин. «Сурский куст: *На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, В Засурье – зайцы, В Каскомени – мусенники, В Городецке – поганцоры*» [КЛРС, 54; СП, 74] // **КОСТОГРЫЗЫ** (в 1 знач.).

2. «Жителей сурского куста ... по-прежнему зовут поганцорами». Пин. [СП, 76].

ПОГОЩЕНЫ. Жители д. Чикинская. Пин. [КТЭ] // **ЧУХОНЦЫ**.

ПОДГОРШОЧНИКИ. Жители д. Усть-Кыма; то же что **ГОРШЕНЯ**, **ГОРШКЪЙ** (в 3 знач.), **ГОРШОЧНИКИ** (в 3 знач.). Леш. [Дранникова, 314].

ПОДОРОЖНИКИ. Жители д. Сварозеро. Карг. [Дранникова, 232].

ПОЖАРНИКИ. 1. Жители д. Борисовская. В-Т. *Они на теплоход все время опаздывали, просят, а потом, как пожарники, одеваются, сумки хватают и бегут. Вот у нас бы пожарники сейчас так бегали* [КТЭ].

2. (**САВИНЧАНЕ-ПОЖАРНИКИ**). Жители д. Савинская. Карг. *Работники хорошие были, быстро, добротнo работали, поэтому и пожарники* [КТЭ].

3. Жители д. Пестово. Уст. *За лихость, за быструю езду на лошадах; На собрании колхозники плохо слушали председателя, он назвал их пожарниками. Так и повелось* [КТЭ].

ПОЛÓВНИКИ. Жители д. Горка. Котл. *Половники там жили. Люди работали на помещика, он им половину отдавал* [КТЭ].

ПОЛОГЎШКИ. Жители д. Ластола. Прим. *Ездили раньше с молоком, на льду старуха шла и осела с пологушником, кричит: «Спасите пологушку⁴-то»* [КТЭ].

ПОЛОГЎШНИКИ. Жители о-ва Княжостров. Прим. *Молоко раньше возили в ведрах, а они все называли их пологушниками* [КТЭ].

ПОМЕЛЫ́ (ПОМЁЛА). Жители д. Беляевская. Уст. [КТЭ].

ПОМО́ЙНАЯ ЯМА. Жители д. Березник. Мез. [КТЭ] // ЗАМАРА́ННЫ(Е) ПОДОЛЫ, ОБМАРА́ННЫ(Е) ПОДОЛЫ.

ПОМОЩНИКИ (ПОМОЩНИЧКИ). Жители д. Подрезово. Карг. [Дранникова, 303].

ПОНУКА́ЛЫ. Жители с. Сия. Пин. *Когда возили почту по тракту, в этой деревне останавливались кормить лошадей. А ребяташки выбегали и бежали, и понукали вслед* [Дранникова, 326].

ПОНЧИКИ-МАМОНЧИКИ. Жители г. Нядома. «Это прозвище подразумевает зажиточность тамошних жителей, так как Мамона – языческий бог, приносящий богатство» [Дранникова, 236] // МАМО́НЫ (в 1 знач.).

ПОНЮЖА́ЛОЧКИ. Жители д. Красная Гора. С-Двин. *Наверно, с понюжалочками⁵ ездили, почту возили* [КТЭ] // ФАРАО́НЫ (в 4 знач.).

ПОПЛАВКѐй. Жители с. Строевское; то же, что ПЛАВУ́НЫ. Уст. [Дранникова, 332].

ПОПЫРѐй. Жители д. Шаткурга. Уст. *Попырями их зовут, это природѐй. Бывало раньше в солдаты берут, а они прячутся, а один из этой породы, когда на призыв надо идти, в дымник залез и отсиделся там, с тех пор и прозвали их всех попырями* [КТЭ].

ПОПЯТО́РИНЫ (ПОПЯТО́РЫ). Жители д. Соинский Починок (старое название – Питер). Вил. *Был у нас один, стукальницу из досок сделал: тора-тора-попятора – все трещал. Так и зовут: кто из Питера – попяторы* [КТЭ].

ПОРОСѐТА. 1. Жители д. Лосевская. Уст. [КТЭ].

2. Жители д. Михайловская. Уст. [КТЭ].

ПОРТУГА́ЛЬЦЫ. Жители д. Левково. Вель. *Португальцы – нас так зовут, мы в войну богато жили* [КТЭ].

ПОТѐПАЛЫ. Жители д. Кянда. Он. [Дранникова, 322] // БАХѐЛЫ (в 1 знач.), КАЙВАШѐй (в 1 знач.).

ПОЯСѐНА. Жители д. Петровская. Он. [КТЭ].

ПРИВА́ЛЬЧИКИ. Жители д. Перхачево. Прим. *Как-то в старое время приехали, дак привальчиками и зовут* [КТЭ] // КИТА́ЙЦЫ (в 5 знач.).

ПРИМОРОЖЕННЫЕ. Жители Архангельской области и г. Архангельска; то же, что ЗАМОРОЖЕННЫЕ, ОТМОРОЖЕННЫЕ. *Всех жителей Архангельска называют примороженными, так как северные люди не так активно откликают-*

⁴ Пологу́шник, пологушка – деревянный сосуд для молока [КСГРС].

⁵ Понюжа́лка – кнут, хлыст [КСГРС].

ся на события общественной жизни, как, например, жители Москвы, Петербурга, также они имеют «замороженную» реакцию [Дранникова, 338].

ПРИСЛОНЦЕМА. Жители д. Мауркинская. Вель. [КТЭ].

ПРИШИВНАЯ ГОЛОВА. Жители бывшей Олонецкой губернии. Нянд. *Прозвище дано по сапогам: они пришивали головки сапог отдельно, а летинские (жители Летнинского сельсовета) выкраивали головку и голенище из целого куска кожи* [КТЭ].

ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ. «Жители Каргопольского уезда Олонецкой губернии». *Каргополы – роты полы, пришивные головы* [Дранникова, 130] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ЛАПӨТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКІ (в 1 знач.), ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ОВСЯННИКИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, СЫРОЁДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНЯННИКИ, ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНЬІ (в 3 знач.).

ПРОРУБНИКИ. Жители д. Куя. Прим. *Патракеевка – турки, Куя – прорубники, золотичана – демона* [КТЭ].

ПРОСТОКВАШКА. Жители д. Лямца. Он. [Дранникова, 114]. *Пушлахта – наважка, Лямца – простоквашка* [КТЭ] // БАХІЛА, КУРИЦА-ОВЦА, ТУРЦИЯ (в 3 знач.), ФРАНЦУЗЫ (в 6 знач.).

ПРОХОРОВЫ ДЕТИ (ПРОХОРЯТА). «Онежане – прохорята, прохоровы дети: *Прохор письмо прислал, а лободырному велел деньги собирать*» [Забылин, 578; ПРН, 338; Сахаров, 217].

ПТИЦА ВОЛЬСКАЯ. Жительницы д. Вольская. Кон. [КТЭ] ♦ Жительницы этой деревни имеют «птичьи» прозвища: *Воробей, Ворона, Галка, Кокуша, Псинка, Плишка, Сорока.*

ПУЛОМЦЫ (ПУЛОНЦЫ). Жители д. Юрома. Леш. [Дранникова, 125]. *Палуга – зелёна, Кеслома – ворона, Юрома – пуломцы* [КТЭ] // ВОРӨВКА.

ПУСТОВАРНИКИ (КОНЕЧАНЫ-ПУСТОВАРНИКИ). Жители д. Койнас; то же, что ПУСТОВАРЫ. Леш. [КТЭ].

ПУСТОВАРЫ. Жители д. Койнас; то же, что ПУСТОВАРНИКИ. Леш. *Потому что они уважают водку и народ там глупый* [Дранникова, 314].

ПУСТОХЛЁБЫ. Жители д. Нюхча. Пин. [Дранникова, 325] // КОЛДУНЫ (в 5 знач.), ЧЕРНОЛӨБЫ(Е) (в 3 знач.), ЧУХАРИ (в 3 знач.).

ПУСТЫНЦЫ. Жители д. Залесье. Пин. [Дранникова, 297]. «По особенностям вписывания селения в окружающий природный ландшафт: *А залесьяна – пустынцы, земцовца в стороны, немнюжана на горы, киглохтяна под горой*» [КЛРС, 71, 76; СП, 97].

ПШЁННЫ(Е) КАЛІТКИ. Жители к. д. Нижний Конец. Холм. *Парни и девки у нижнекона красивы, круглолицы – их потому и звали пшенны калитки* [КТЭ].

ПЫХУНЫ. Жители д. Гужово. Карг. [Дранникова, 70].

ПЬЯНАЯ ДЕРЕВНЯ. Жители д. Веегора. Пин. [СП, 117] // ДРАЧУНЬІ, ПАЛАЧІ.

ПЬЯНИЦЫ. 1. Жители д. Кузьминская. Кон. [Дранникова, 116].

2. «Жители д. Труфаногорской в Пин. у. О них поговорка: *Труфаногора – пьяницы*» [Подвысоцкий, 175].

РАНОСТАВЫ. Жители д. Шуломень. Пин. *Шуломены – раноставы, Всѣ стают до солнышка; На гумне овес молотят – Не уронят зѣрнышка* [Дранникова, 187].

РАПАКЇ (РОПАКЇ). Жители д. Песьяная. Плес. [КТЭ].

РАПАНЫ. Жители д. Пурнема. Он. [КТЭ] // **АЛБАНЦЫ, РОПАКЇ** (в 1 знач.), **РУСАЛІИ.**

РЕВУНЬ. Жители д. Ревдино. Вель. [КТЭ].

РЕВЧАЁДЫ. Жители д. Патракеевка. Прим. *Есть рыба репча, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят* [Дранникова, 330].

РЁВЧИ. 1. Жительницы с. Койда; то же, что **САЙКИ**. Мез. *Сайки да ревчи – койденские девки, корехи, наваги – щельянска молодежь* [Дранникова, 127].

2. Жители д. Семжа. Мез. *В шутку называли по имени головастика, в простонародье – ревчи* [Дранникова, 320] // **ЯПАТЫ.**

РЕВЯКЇ. Жители д. Солза. С-Двин. *Они в море ревяков ловили* [КТЭ] // **БАХІЛЫ** (во 2 знач.), **КАЙВАКЇ.**

РЕВЯКОВО. Жители д. Летний Наволок (старое название – *Дураково*). Прим. *Из-за ревяков называли, така рыба ревячки, теперь зовут бычки; Лопшари – зубари, Яренжата – пестери, Дураково – Ревяково, Золотица – Еретица, Пушлахта – Наважска* [КТЭ].

РЕЗЎТИНЦЫ. Жители д. Федоровская. Вель. *Там, говорят, раньше людей резали* [КТЭ].

РЕКОСТАВЫ. 1. Жители д. Кысса. Леш. [КТЭ] // **ВОРОНЫ** (в 7 знач.), **КОСОЛАПЫЕ.**

2. Жители д. Целегора; то же, что **ЛЕДОСТАВЫ.** Мез. *Раньше у них все пожни и луга находились за рекой. Когда уже приходило время вывозить сено, то река еще не замерзала, и целегорам приходилось самим ставить реку* [Дранникова, 320]; *В самом узком месте бревнами перетягивали реку так, что лёд натыкался на брёвна и быстрее замерзал, что давало возможность раньше, до полного оледенения реки, ехать за сеном; Река долго осенью не ставала, мужики дерева переплавляли по веревке, чтобы льдинку задерживать, а потом переходить с одного берега на другой* [КТЭ] // **КУШАКЇ.**

РЕМКОВАТЫ(Е) КУШАКИ. Жители д. Смоленец. Леш. [Дранникова, 115].

РЁПНИКИ. 1. (**ШАЛОМЯНА-РЁПНИКИ**). Жители д. Шаломя. К-Б. [Дранникова, 112].

2. Жители д. Калгачиха. Он. «Рёпа была одним из главных продуктов питания» [Дранникова, 112].

РЕШЁТНИКИ. 1. Жители д. Пермогорье. К-Б. [Дранникова, 112].

2. Жители д. Сметанино. Шенк. [КТЭ].

РИПУСЯТА (РЯПУСА). Жители д. Лекшмозеро. Карг. *Название пошло от рыбы, которая называется «ряпус» и которая ловится только у этой деревни* [Дранникова, 311].

РОГАТЫЕ. Жители д. Быково. Вил. [Дранникова, 311].

РОЖКЪ. 1. Жители д. Тулгас. Вин. *В Тулгасе пастухов было много, с рожками ходили, потому и прозвали так* [КТЭ].

2. **(ХИМАНЁВСКИЕ РОЖКИ).** Жители д. Химанево. Шенк. *Раньше пастухи оттуда всё нанимались. Рожки сами делали из бересты* [Дранникова, 337].

РОПАКЪ. 1. Жители д. Пурнема. Он. *Так же называется неровно застывшая вода в реке... Может, жители Пурнемы ведут себя высокомерно* [Дранникова, 322] // **АЛБАНЦЫ, РАПАНЫ, РУСАЛЁИ.**

2. См. **РАПАКЪ.**

РУСАЛЁИ. Жители д. Пурнема. Он. [КТЭ] // **АЛБАНЦЫ, РАПАНЫ, РОПАКЪ** (в 1 знач.).

РЫБИЧИ. Жители д. Ручей. Вин. *В тех местах было много рыбы, и основным занятием и работой была рыбная ловля* [Дранникова, 111].

РЫБОЛОВЫ. Жители д. Кеба. Леш. *Кебена-ти – рыболовы* [Дранникова, 287] // **БУРЛУКЪ, ЛАПӨТНИКИ** (в 4 знач.).

РЫЖИЕ ТАРАКАНЫ. Жители с. Матигоры. Холм. *За цвет их волос* [Дранникова, 74] // **ВӨРЫ** (в 6 знач.), **ЧЕРНОТРОПЫ** (в 5 знач.).

РЯБКЪ. 1. Жители д. Прилук. Вин. [КТЭ] // **ЛУКОВИЦЫ.**

2. Жители д. Шиленьга; то же, что **КОСАЧЪ** (в 1 знач.). Вин. *Охотой занимались* [КТЭ].

РЯЖУНЪ. Жители д. Щельниковская. Карг. *Каринжана говорят, что мы одеваемся плохо* [КТЭ].

РЯПУСА. См. **РИПУСЯТА.**

САЖЕЁДЫ. Жители г. Мезень. «Мезенцы – сажееды, чернотропы (неопрятны, грязны были)» [Зеленин, 57; ПРН, 339]. «Мезень – уездный город в Архангельской губернии. О жителях тамошних поговорка: *Мезенцы сажееды, чернотропы* (от того, что жгут по вечерам не березовую, а сосновую лучину, от которой копоть садится на пол и оставляет следы на обуви)» [Подвысоцкий, 90] // **ВОРОНЫ** (в 11 знач.), **ЗЕЛЕЗЁНИ, КИСОРЁЗЫ, КОНОЕДЫ, КОФЕЙНИКИ** (в 1 знач.), **МЕЩАНА** (во 2 знач.), **СОРОКИ, ЧЕРНОТРОПЫ** (в 3 знач.).

САЙКИ. Жительницы с. Койда; то же, что **РЁВЧИ** (в 1 знач.). Мез. *Сайки да ревчи – койденские девки, корехи, наваги – щельянска молодежь* [Дранникова, 127].

САМОЛЮБЫ. Жители д. Юрасс. Пин. [Дранникова, 296] // **СЕНОЛЮБЫ.**

САМУРАИ. Жители д. Каскошина; то же, что **ЯПӨНЦЫ** (в 5 знач.). Холм. [Дранникова, 72].

САПӨЖКИ (КЪЯНДСКИЕ САПӨЖКИ). Жители д. Кьянда. С-Двин. [КТЭ].

САРАНЧА. Жители к. д. Сельцо. Холм. *Много их завелось, как саранчи* [КТЭ].

САТИНОВИКИ. Жители пос. Глубокий. Холм. «Житель поселка Федор Петрович Кошелев говорил всем, будто у него имелось сорок сатиновых рубах, с тех пор жителей этого поселка стали именовать сатиновиками» [Дранникова, 332].

СВЪЗИ (СВИЗЪ). Жители д. Сарчема. В-Г. *Сарчемёна – свизи, у топи живут. Свизи – это утки, у них така тоня есть; Свизи, потому что Пинега*

разливалась и их топило – на три части разделяло деревню, как свизи на воде жили; Свизи – это утки такие. Сарчемен так прозывали потому, что их затопляет всё время [КТЭ].

СВИСТУЛЬКИ. 1. (ОСЬНОВСКИЕ СВИСТУЛЬКИ). Жители д. Осиново. Вин. [КТЭ] // ГОРШКІЙ (в 1 знач.).

2. (УСТЬВАЕНЬГСКИЕ СВИСТУЛЬКИ). Жители пос. Усть-Ваеньга. Вин. [КТЭ] // ВОРОТУШКИ (в 1 знач.), ПАЛЬНИКІЙ.

3. (МАРЕЦКИЕ СВИСТУЛЬКИ). Жительницы д. Марека. Шенк. *Девки с деревни Марека всегда были разговористые, звонкоголосые, громко и быстро говорящие, боевые, говорят, как будто свистят* [Дранникова, 337].

СВИСТУНЫ. Жители к. д. Судрома. Вель. [КТЭ]. «Судромцы любили по-свистеть на гуляниях» [Дранникова, 116].

СЕВКУНЫ. Жители д. Максимовская. Вель. *У них в реке рыбы было много – севкуны* [КТЭ].

СЕНОЛЮБЫ. Жители д. Юрасс. Пин. «Границы пинежского кеврольского куста деревень можно реконструировать по перечисляемым микроэтнонимам в песне “Молодежь скоро подкатит”: *Еще еркольцы – ельцы, Юрошана – сенолюбы, а в Пахиче – гуливаны, кушкопалы – чернолобы, еркомёна – водохлёбы*» [Дранникова, 60] // САМОЛЮБЫ.

СИВКУНЫ. Жители д. Нокола. Карг. [КТЭ].

СИГІЙ. Жители д. Хвосты; то же, что КАРАСИ. Прим. *Жители прозвали друг друга сигаами и карасями. Одна половина деревни промышляла ловлей одного вида рыбы, другая – другого. Когда ни приди, на столе всегда рыба – или сиг, или карась* [Дранникова, 331].

СИНЕМОЛЮЧНИКИ. Жители д. Саутино. Карг. [КТЭ].

СКОБАРІЙ. Жители д. Дудинская. Уст. *Были сердитый народ, а вообще – эти люди Псковской губернии, побойчее остальных; Скобари-то скупые, значит, все просят, а сами-то богаче всех* [КТЭ].

СКОРОГОВОРЫ. Жители д. Сылога. Пин. [Дранникова, 101].

СКОРОМАТЫ. Жители д. Кузоверская. Уст. *Ругаются много* [КТЭ] // ЛАПАНЦЫ (в 1 знач.), ЛОКАСЬЁ (в 1 знач.), ОТКРЫВАЙ ДВЕРЦЫ.

СКРЫТНЫЕ. Жители д. Кильца. Мез. «Скрывались во время преследования старообрядцев. Прадед мужа моей матери был другой веры. У него были иконы, рукописи, собирался кружок. И вот однажды с карательными целями прибыли жандармы. Верующие спрятались от них в подызбице его дома. Им пришлось долго скрываться. Их прозвали “скрытные”» [Дранникова, 120] // ДРЫНЫ (КІЛЕЦКИЕ ДРЫНЫ), ДРЫНЫ С КОЛОКОЛАМИ.

СЛЕПАЧІЙ (ПАКШАНЫ-СЛЕПАЧИ). Жители д. Пакшеньга. Уст. *Экономили электроэнергию* [Дранникова, 51].

СМЕТАНИЦЫ. Жители д. Терешевская. В-т. [КТЭ].

СМОЛОКУРЫ. Жители г. Вельска. Там все занимаются лесозаготовками, имеют дело с деревом и смолой [Дранникова, 309].

СМУТЫ. Жители д. Изеверы. В-т. *Изеверы – смуты, наварили пива круто; Изевера – ерши, окуни, как ругаемся, так смуты зовем; Изеверы – смуты, на работу круты. Смутьяны, быстрее всех на работу бежали, когда надо и когда не надо* [КТЭ] // **ВОРЫ** (в 1 знач.), **ЕРШЫ** (в 3 знач.), **ОКУНИ**.

СОБАКИ. 1. Жители д. Захарово. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Коряжемка. Котл. [КТЭ] // **ЗАЙЦЫ** (в 5 знач.), **КРОТЫ**.

СОВЫ. Жители с. Дорогорское. Мез. *Сов ловили; Съели когда-то сову; Совы в Дорогорах живут, не спят по ночам, а смотрят* [КТЭ]. «Кимжана (жители соседней д. Кимжа) хотели вырубить лес на окраине Дорогорского, но, чтобы кимжанам ничего не досталось, дорогора ночью вырубил весь лес. Из-за этого их называли совами, то есть не спящие ночью. Вторая версия – о том, что однажды во время охоты один мужик вместо дичи убил сову и съел ее»; «Там все занимаются рыбным промыслом по ночам... Раньше ловить было запрещено – рыбачили по ночам» [Дранникова, 316–317] // **ОСЫ**.

СОЛЕВАРЫ (СОЛОВАРИ). Жители д. Ненокса. С-Двин. *Варница у нас была, соль варили* [КТЭ] // **КОШКОДАВЫ** (во 2 знач.), **ПЕСТЕРЫ** (во 2 знач.), **ТРЕСКОЕДЫ** (в 7 знач.).

СОЛОКИ. Жители д. Бычье. Мез. *Уж очень любили их предки соль! А соль в деревне была кусками, так их привозили. И приходилось жителям колоть дубинками эту соль, чтоб по домам кусочки развести* [Дранникова, 315] // **КОМАРЫ** (во 2 знач.), **НАКОМАРНИКИ**.

СОЛОМАТНИКИ. Жители д. Подгорная. Вель. [КТЭ].

СОЛОНИКИ. Жители д. Кочмогоры. Пин. «Получили прозвище по названию бытующих здесь пирогов с грибами или капустой» [Дранникова, 114].

СОРОЖКИ. 1. Жители д. Пянда. Вин. [Дранникова, 127].

2. **(УЙТОВСКИЕ СОРОЖКИ).** Жители д. Уйта. Вин. *Почему-то по рыбе сороге прозвали* [КТЭ].

3. **(ЗАОЗЕРСКИЕ СОРОЖКИ).** Жители д. Заозерье. Пин. «Живут на берегу озера и занимаются отловом сороги» [КЛРС, 56]. «Проживающих в д. Заозерье зовут заозерскими (или красноглазыми) сорожками: деревня стоит в стороне от р. Пинеги на небольшом озере, в котором водится сорога (местные жители предпочитают ее речной рыбе)» [СП, 28, 116] // **ГРЯЗНОПОДОЛКИ**, **КРАСНОГЛАЗЫЕ СОРОЖКИ**.

СОРОКИ. «В городе Мезени – сороки, вороны» [Дранникова, 126] // **ВОРОНЫ** (в 11 знач.), **ЗЕЛЕЗЕНИ**, **КИСОРЕЗЫ**, **КОНОЕДЫ**, **КОФЕЙНИКИ** (в 1 знач.), **МЕЩАНА** (во 2 знач.), **САЖЕЕДЫ** (в 1 знач.), **ЧЕРНОТРОПЫ** (в 3 знач.).

СПАСОВЯНКИ. Жительницы д. Заручевская. Прим. [КТЭ] // **МОНАСТЫРЯНКИ**.

СПИЦЫ. Жители д. Ломовская. Уст. [КТЭ].

СТЕГАНЦЫ. Жители д. Химанево. Шенк. *В годы Гражданской войны казачи отстегали их за бунт* [Дранникова, 120].

СТЕГАННЫЕ ЖОПЫ. Жители д. Лопшеньга. Прим. [КТЭ] // **ЗУБАРИ**, **ЛОПШЕЗУБЫ**, **ТУРКИ** (в 5 знач.), **ТУРУРУ**.

СТЕРЛЯДНИКИ. Жители Онежского района [Дранникова, 50].

СТРИЖЬ. Жители д. Пильегоры. Пин. [КТЭ].

СУББОТНИКИ. Жители д. Горка. Холм. [КТЭ].

СУДА́РИКИ (СУДА́РЬЁ). Жители Прилуцкого и Посадского сельсоветов. Он. *Сударьё приехало; Сударики такие важные были* [КТЭ].

СУДОСТРОЙЦЫ. Жители г. Северодвинск. С-Двин. [Дранникова, 342].

СУЗЁМЦЫ. Жители д. Глубоковская. Вель. *В лесу жили, больше там никто не жил* [КТЭ].

СУКМА́ННИКИ (ШИ́ДРОВСКИЕ СУКМА́ННИКИ). Жители д. Шидрово. Вин. [КТЭ].

СУХА́РНИКИ. 1. Жители деревень Сулондского сельсовета. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Машканово. В-Т. *Ходили, видно, просили да сухари сушили* [КТЭ].

3. Жители бассейна р. Суланда. Шенк. [Дранникова, 114].

СУХОМЕ́СЫ. 1. Жители д. Кочневская. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Шастово. Уст. [КТЭ].

СЫРОЕ́ДЫ. 1. «Каргопольцы – чудь белоглазая, сыроеды» [Забылин, 574; ПРН, 339; Сахаров, 211] // ДОЛГОПО́ЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁ́НЫЕ ОГЛО́БЛИ, ЛА́ПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШЌЙ (в 1 знач.), ОБОЖЖЁ́ННЫ(Е) ОГЛО́БЛИ, ОВСЯ́ННИКИ, ПАЛЁ́НЫЕ ОГЛО́БЛИ, ПРИШИ́ВНЫЕ ГОЛОВЫ, ТОЛОКНЯ́ННИКИ, ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛА́ЗАЯ (во 2 знач.), ШИ́ПУНЬ (в 3 знач.).

2. Жители полуострова Канин Нос. Мез. *Очень любят есть они сырую рыбу и сырое мясо* [Дранникова, 317].

ТАБАЧНИКИ. Жители д. Дименино. Карг. [Дранникова, 303].

ТАЙВАНЦЫ. Жители микрорайона Второй Лесозавод г. Архангельска. Прим. «Из-за своей удаленности от центра» [Дранникова, 275].

ТАЛА́ШКИ (ПЯ́НДСКИЕ ТАЛА́ШКИ). Жители части д. Пянда. Вин. *Они с сумками ходили* [КТЭ].

ТАЛЫ́ЯНЦЫ. Жители д. Заборье. Вель. [КТЭ].

ТАРАБО́ЛЫ. Жители Пинежского района. «Тараторят» [Дранникова, 101] // МЕРИКА́НЫ.

ТАРАКА́НЫ. 1. Жители д. Мелеховская. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Бор. В-Т. [КТЭ].

3. Жители д. Карашелье. Леш. [КТЭ].

ТВОРО́ЖНИКИ. Жители д. Савино. Карг. *Говорят, один старик творогом обкатился; Какой-то пошел домой, у него осталось кислое молоко с творогом, он вылил его на стог: «Пусть его овцы да коровы съедят»* [КТЭ]. *С давних времен славилась деревня своими самыми вкусными творожниками. Да и творога водилось у них больше всего* [Дранникова, 312].

ТЕЛЯ́ТА. 1. Жители д. Суяновская. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Михайлово. Уст. [КТЭ].

ТЕТЁ́РА (ВА́ЕНЬГСКАЯ ТЕТЁ́РА). 1. Жители д. Верхняя Ваеньга. Вин. *Все мужики – охотники у нас* [КТЭ].

2. Жители Ваеньгского сельсовета. Вин. *В тайге деревня, видимо, птиц больше ловили* [КТЭ].

ТЕТЁРИ. Жители д. Хорнема. В-Т. [Дранникова, 125].

ТЕТЁРЫ. 1. (ВАЁНЬГСКИЕ ТЕТЁРЫ). Жители деревень Верхняя и Нижняя Ваеньга. Вин. *У их там все охотники* [КТЭ].

2. Жители д. Ручьи. Мез. *Тетёры там, что ли, водятся* [КТЭ].

ТИСТОЙДЫ. Жители д. Лядины. Карг. *Раньше каждый день (теперь только по праздникам) приготавливали специальную тестообразную массу. Ели ее с вареньем или просто с ягодами* [Дранникова, 311].

ТОЛОКНЯНИКИ. «За любовь к этому блюду (толокенке) и вообще пище из толокна обывателей Каргопольского у. зовут толокняниками» [Куликовский, 119]; то же, что ОВСЯННИКИ // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ЛАПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКЙ (в 1 знач.), ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОЁДЫ (в 1 знач.), ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНЫ (в 3 знач.).

ТОЛОКО́ННИКИ. 1. Жители д. Островецкая. Вин. *Одна какая-то плутовка толокно на мельнице стырила, вот так и звали* [КТЭ] // КАРБА́СНИКИ.

2. Жители г. Каргополь. «Чтобы выяснить, почему толокно не густеет, каргополы прыгают в прорубь вслед за поваром» [Дранникова, 212] // ВОДОХЛЁБЫ (во 2 знач.).

ТОЛСТОБРЮ́ХИ. Жители д. Уна. Он. [КТЭ].

ТОЛСТОПУ́ЗЫЕ (ВАГА́НЕ-ТОЛСТОПУ́ЗЫЕ). Жители бассейна р. Вага. Шенк. *А они нас все вагане-толстопузые дразнили* [КТЭ] // *КОСОБРЮ́ХИЕ, КОСОПУ́ЗЫЕ ВАГА́НЫ.

ТОПЛЯКИ. Жители д. Кеврола. Пин. [Дранникова, 106] // БОГОМО́ЛЬЦЫ (во 2 знач.), ВОДОХЛЁБЫ (в 8 знач.), ВО́ЛКИ (в 1 знач.), КОКО́РЫ (в 1 знач.), КРЮ́КИ, МУ́РМАНЫ, ФАРАО́НЫ (в 3 знач.).

ТРЕСКОЁДЫ. 1. Жители Архангельской области. В-Т, Вил, Вин, Уст, Шенк. *Всяк нас трескоедами называет, думают, что у нас всякая рыба есть, а мы рыбы-то не видим; Мы в Вологде на права сдавали, там всех архангельских трескоедами зовут; Мы водохлёбы (жители Вологодской области), а там трескоеды, мы пьем, они едят* [КТЭ].

2. Жители д. Рубеж. Вель. [КТЭ] // КАЛА́ЙЦЫ.

3. **(МЕЗЕНСКИЕ ТРЕСКОЕДЫ).** Жители д. Заозерье; то же, что ЕРШЕЕДЫ. Мез. [Дранникова, 113] // КЙ́СЛЫЕ КА́МБАЛЫ, КРЕСЦЫ́.

4. **(ОНЕЖСКИЕ ТРЕСКОЕДЫ).** Жители г. Онега. Он. *Онежсан-то, я помню, тоже называли трескоедами, как и архангельских жителей. В магазинах было много этой рыбы... Поэтому онежсане просто накидывались на нее, брали по очень много. Любили, поэтому и брали* [Дранникова, 321].

5. Жители бассейна р. Пинега и ее притоков. Пин. *Вся Пинега, говорят, икотники, трескоеды* [КТЭ]. *Все треску ели. Привозили, покупали. Треску всю жизнь завозили с Архангельска. С обозами ездили на лошадях* [КЛРС, 42; СП, 22] // ВОДОХЛЁБЫ (в 12 знач.), ИКОТНИКИ (в 1 знач.), КЛИКУШКИ, КЛИКУ́ШНИКИ, КОЛДУНЫ (во 2 знач.), НЕЧИСТЫЕ.

6. (**АРХАНГЕЛЬСКИЕ ТРЕСКОЁДЫ**). Жители г. Архангельска. Прим. *Изда еды. Треска – основная еда* [КТЭ]. *Раньше здесь добывали в основном треску, возили с Белого моря на базар* [Дранникова, 338] // **ВОДОХЛЁБЫ** (в 13 знач.), **КОРОЕДЫ**, **КРÓВЕЛЬЩИКИ**, **МОРЖЕЁДЫ**, **ШАНЁЖНИКИ** (в 4 знач.), **ШАНЬГА КЙСЛАЯ**.

7. Жители д. Ненокса. С-Двин. [КТЭ] // **КОШКОДАВЫ** (во 2 знач.), **ПЕСТЕРЙ** (во 2 знач.), **СОЛЕВАРЫ** (**СОЛОВАРЫ**).

8. Жители д. Кузоверская. Уст. [КТЭ].

ТРОИЧАНА. Жители д. Семеновская. Карг. [КТЭ].

ТРОЮХАНЫ (**ТРЮХАНЫ**). Жители д. Ценогора. Леш. [КТЭ].

ТРУБОЧЙСТЫ. Жители д. Кимжа. Мез. *Нечисти у них много всякой было* [КТЭ] // **КУМЖАХИ**, **ФАРАОНЫ** (во 2 знач.), **ЧЕРНОТРОПЫ** (в 4 знач.).

ТРЯПЙЧНИКИ (**ГОРЯКЙ-ТРЯПЙЧНИКИ**). Жители д. Гора. Кон. *Они пойдут косить, у них заплаты нашиты, у всех лытки полуголеньки* [КТЭ].

ТУРАНЫ. Жители д. Лохново. Пин. «Наглость и упрямство приписывались жителям д. Лохново» [Дранникова, 117] // **КОСАЧЙ** (во 2 знач.).

ТЎРКИ. 1. Жители д. Докуинская. Вил. *Говорили не по-нашему, а нас китайцами звали* [КТЭ].

2. Жители д. Дроздово. В-Г. [КТЭ].

3. Жители д. Резя. Леш. [КТЭ].

4. (**ТЎРЦИЯ**). Жители с. Долгощелье. Мез. *Был у них один мужик, кожу выделывал, в Турцию поехал, вот их турками и прозвали; В 1911 году в с. Долгощелье жили ссыльные, среди них был Ворошилов. В это время в село должен был приехать архиерей. Ссыльные и местная молодежь решили вместо «Ура!» крикнуть «Караул!», что они и сделали. «Ох, вы, турки остроголовые!» – вскричал обиженный архиерей и проехал мимо; Построили часовенку в Долгощелье и приехал архиерей. Дорогу от карбаса до часовни выстелили ему красным сукном. Люди его встречают. А один старичок перепутал и вместо «Ура!» крикнул: «Караул!». Архиерей в злости вскрикнул: «Турки!». Отсюда и пошло* [КТЭ] // **МОШКИ**.

5. Жители д. Лопшеньга. Прим. *Говорят не по-нашему; Турки и японцы говорили по-разному; Раньше старики враждовали: их называли турками, а они нас японцами. Они в город ездили, деревню объезжали лесом* [КТЭ] // **ЗУБАРЙ**, **ЛОПШЕЗУБЫ**, **СТЁГАННЫЕ ЖОПЫ**, **ТУРУРЎ**.

6. Жители д. Патракеевка. Прим. *Петр I называл, крикнул: «Миряна!» – молчат; крикнул: «Турки!» – «Ура!» закричали; Ездили в совиках, как турки в чалмах; Патракеевка – турки, Куя – прорубники, золотичана – демона* [КТЭ].

7. (**ТЎРЦИЯ**). Жители д. Кожинская. Холм. *В Кожинской есть турки. Старик был Иван, воевал на турецкой войне, все рассказывал об этом, потом всю деревню называли турки; Раньше нашу деревню называли Турция, и сейчас из Казеницны (поселок) турками зовут* [КТЭ].

ТУРОВЯТА. Жители д. Пугачевская. Вель. *Они не робили, промышляли только, воровали, значит, – вот и прозвали «туровята»* [КТЭ] // **КОСЬЕ ГОЛОВЫ**, **КОШЁНИКИ**, **КОШЁНЫЕ ГОЛОВЫ** (в 1 знач.).

ТУРУРҰ. Жители д. Лопшеньга. Прим. [КТЭ] // ЗУБАРҰ, ЛОПШЕЗҰБЫ, СТЕГАНЫЕ ЖҰПЫ, ТҰРКИ (в 5 знач.).

ТҰРЦИЯ. 1. См. ТҰРКИ (в 4, 7 знач.).

2. Жители д. Сафоново. Мез. *Они, как турки: слушают, слушают, а ничего не понимают* [КТЭ].

3. Жители д. Лямца. Он. *Говорят не по-нашему* [КТЭ] // БАХҰЛА, КҰРИЩА-ОВЦА, ПРОСТОКВАШКА, ФРАНЦҰЗЫ (в 6 знач.).

ТҰННИКИ (ТҰННИКҰ). Жители д. Лебское. Леш. [Дранникова, 115; КТЭ].

ТҰРИКҰ. Жители д. Соболева. Карг. [КТЭ] // КАТОНЧИКИ.

ТҰТИ (СЛОБОДСКҰЕ ТҰТИ). Жители д. Слобода. Кон. *Слободские тютти токо у себя жили, на отишбе, они сами себя знают* [КТЭ].

ТЯСТОЁДЫ. «Тястоеды – заонежане; *тясто* – ‘род кушанья из ржаной муки и солода’» [Зеленин, 48].

УБҰЙЦЫ. Жители д. Матвера. Пин. *У нас ребята боевые были: ни один праздник без драки не обходился, дак в соседних деревнях нас почто-то убийцами звали, а веегор – палачами и пьяной деревней* [СП, 117] // ЕЛЫЦЫ (во 2 знач.), КАЛАЧҰ.

УБОЙНИКИ. Жители микрорайона Ягры г. Северодвинска. С-Двин. [Дранникова, 271] // ЗАМОСТНИКИ.

УВАЛЫ. Жители д. Нижа. Мез. [КТЭ] // КОТЫ, МОЛОКАНЫ.

УЛЕДИ. Жители Вилегодского района; то же, что УЛЮЖАНЕ [Дранникова, 115].

УЛЮЖАНЕ. Жители Вилегодского района; то же, что УЛЕДИ. *Вилежане – улюжане* [КТЭ].

УРОДЫ. 1. Жители д. Рысцева Горка. Вель. [КТЭ].

2. **(ЗАСОГОРЦЫ-УРОДЫ).** В-Г. *Засогорцы-уроды, городите огороды! Ваши кони попадают, нашу озимь всю съедают* [КТЭ].

ҰТКИ. Жители д. Нижняя Ваеньга. Вин. *Охотой занимались; Болот у их много* [КТЭ].

УХОРЕЗЫ. Жители д. Тихманьга. Карг. «По всякому случаю лезли в драку. Тихманьга и Ухта никогда не уживались» [Дранникова, 313].

УЧИТЕЛҰ. Жители д. Титовская. Карг. *Школа находится, живут в деревне почти все учителя* [КТЭ].

УШАКҰ. Жители деревень устья р. Пуя. Вель. [КТЭ].

УШКУЙШКИ. Жители Няндомского района. «Занимались изготовлением лодок» [Дранникова, 112].

ФАРАОНЫ. 1. Жители к. д. Тордокса. Кон. *Скупые они, подозрительные, как фараоны* [КТЭ].

2. Жители д. Кимжа. Мез. *Темные они; Каки-то ненормальные были – потому фараоны, чернотропы* [КТЭ] // КУМЖАХИ, ТРУБОЧҰСТЫ, ЧЕРНОТРОПЫ (в 4 знач.).

3. Жители д. Кеврола. Пин. *Один из них в армии и в полиции служил* [КТЭ] // БОГОМОЛЫЦЫ (во 2 знач.), ВОДОХЛЁБЫ (в 8 знач.), ВОЛКИ (в 1 знач.), КОКОРЫ (в 1 знач.), КРҰКИ, МҰРМАНЫ, ТОПЛЯКИ.

4. Жители д. Красная Гора. С-Двин. [КТЭ] // ПОНЮЖАЛОЧКИ.

5. Жители д. Белоусово. Уст. [КТЭ].

6. Жители д. Наволок. Уст. [КТЭ].

7. Жители д. Остановская. Уст. [КТЭ].

ФИННЫ. Жители д. Полутино. Карг. [Дранникова, 107].

ФОРСУНЫ. 1. Жители д. Шотова. Пин. [Дранникова, 159]. «По свойствам характера: *“шотогора чиковаты* (т.е. воображающие); *шотогора – форсуны*”» [КЛРС, 71] // ДРАЧУНЫ (во 2 знач.), ШАТУНЫ.

2. Жители д. Шардонемь. Пин. [КЛРС, 77] // КАШНИКИ, МАКУНЫ.

ФРА́НЦИЯ. 1. См. ФРАНЦУ́ЗЫ (в 4 знач.).

2. См. ФРАНЦУ́ЖЕНКИ.

ФРАНЦУ́ЗЫ. 1. Жители д. Андричевская. Вель. *У нас народ настырный, задумают, что сделать, – так все наше. Вот нас французами и прозвали; Французами в Ондричевой звали: «Вон, – говорят – французы идут. У-у, французы, худые шапки»; Вон деревня у нас есть, дак их французами зовут – они ругаются все* [КТЭ].

2. Жители с. Павловское. Вель. [КТЭ].

3. Жители Андричевского сельсовета. Шенк. *Французы – у них как отдельная республика была – французская* [КТЭ].

4. (**ФРА́НЦИЯ**). Жители д. Козьмогородское. Мез. [КТЭ] // ВОРО́НЫ (в 10 знач.).

5. Жители с. Порог; то же, что ПАРИЖАНЕ. Он. [Дранникова, 322].

6. Жители д. Лямца. Он. [КТЭ] // БАХИ́ЛА, КУ́РИЦА-ОВЦА́, ПРОСТОКВА́ШКА, ТУ́РЦИЯ (в 3 знач.).

ФРАНЦУ́ЖЕНКИ (ФРА́НЦИЯ). Жительницы пос. Карговино. Вин. *Жительниц поселка Карговино, поющих в известном на весь район хоре, называют француженки даже в местных газетах* [КТЭ].

ХАЙДУКИ. «Жители д. Андозерской (в 10 верстах от г. Онеги, при озере того же названия). О них поговорка: *Андозёра хайдуки – нет ни хлеба, ни муки* (в виде насмешки, что они мало занимаются хлебопашеством и питаются только рыбою из своего озера)» [Подвысоцкий, 2].

ХАРЛАПА́НЫ. Жители д. Ревдино. Вель. [КТЭ].

ХВО́ЙНОЕ НЕ́БО. Жители д. Михалево. Карг. *Нагая да грязная Михалева была – хвойное небо от того. Были дворы, а потолок-то закрыт хвоей, зайдешь – и небо видно. Деревня самая бедная была* [КТЭ].

ХИРЯ́ТА. Жители д. Бревновская. Вель. [КТЭ].

ХОРОВО́НЫ. См. ФАРАО́НЫ (в 5 знач.).

ХОХЛЫ́. Жители д. Фатьяново. Карг. *Темные, необрядные мужики, ругательство такое было* [КТЭ].

ХЫШЫ́. 1. Жители д. Сульца. Пин. «Хвастуны» [Дранникова, 117].

2. Жители д. Сура. Пин. «Сурские ребята и девушки довольно горделивы (хыщиться – кичиться, задирать нос)» [Дранникова, 326] // АЛКАШИ, ДУ́РА.

ЦЫГАНЕ. Жители д. Мегры. Мез. «За то, что они очень любили лошадей, дети с малолетства гоняли верхом не хуже цыган и воровали лошадей так же; Привычка у женщин носить яркую цветную одежду» [Дранникова, 72].

ЦЫКОВАТЫЕ. Жители с. Карпогоры. Карг. *Сюда стало приезжать много городских людей, артистов, и местные жители стали говорить на «ц»:* «по-гороцкому», «шо вы цekali-то?» [Дранникова, 325] // БОГАЧИ (в 3 знач.), ЛАПӨТНИКИ (в 7 знач.).

ЧАГÁТЫ. Жители д. Яреньга. Прим. *Деревни были несогласны, яренжане наедут – их «чагаты» называли* [КТЭ] // БАХВАЛЫ-МУЖИКИ, МОРСКИЙЕ ОКАЧКИ, ПЕСТЕРЬ (в 1 знач.), ЯПӨНЦЫ (в 3 знач.).

ЧЕКУИ. Жители д. Полуяново. Холм. [КТЭ].

ЧЕПӨНКИ. Жители д. Есиповская. Шенк. *Все были народ-то маленький, как чепёнки*⁶ [КТЭ].

ЧЕРЕПÁНЦЫ. Жители д. Прилук. Пин. [КТЭ] // КРОХАЛЙ (во 2 знач.), ЛЕШАКЙ (во 2 знач.).

ЧЕРЕПÁНЫ. 1. Жители к. д. Кальи. Вин. *Черепаны звали, горшки, видимо, делали* [КТЭ] // БАКИРИ.

2. Жители д. Чучепала; то же, что ЧЕРЁПЬЯ. Леш. [Дранникова, 112].

3. Жители д. Шаста. Пин. [КЛРС, 67; СП, 28, 117–118]. «Шастян, занимавшихся горшечным промыслом, дразнят черепанами» [Дранникова, 112].

4. Жители д. Церкова; то же, что ЧЕРЕПКИ. Пин. «Специализируются на горшечном промысле» [КЛРС, 67, 71, 76, 77; СП, 28, 97] // ГОРШӨЧНИКИ (в 6 знач.).

ЧЕРЕПКИ. Жители д. Церкова; то же, что ЧЕРЕПÁНЫ (в 4 знач.). Пин. *Церкогора – черепки, Драли кошку на печи* [Дранникова, 262] // ГОРШӨЧНИКИ (в 6 знач.).

ЧЕРЕПЎГИ. Жители д. Щелья. Пин. [КТЭ].

ЧЕРЁПЬЯ. Жители д. Чучепала; то же, что ЧЕРЕПÁНЫ (во 2 знач.). Леш. [Дранникова, 112].

ЧЕРНОДЫРИКИ. Жители д. Дывлевская. Шенк. *Может быть, кафтаны дырявые были* [КТЭ].

ЧЕРНОЛӨБЫ(Е). 1. Жители д. Кушкопала. Пин. [Дранникова, 172, 296]. «По их антропологическим особенностям: кушкопала – чернолөбы» [КЛРС, 71, 76; СП, 97] // КОЛДУНЫ (в 3 знач.).

2. Жители д. Веркола. Пин. [КЛРС, 77] // БОГОМОЛЫЦЫ (в 1 знач.), ЕЛЫЦЫ (в 1 знач.), МОНАХИ (во 2 знач.).

3. Жители д. Нюхча. Пин. *Низ называл Нюхчу (самая верхняя деревня по реке Пинега) «чернолөбые», или «колдуны»* [Дранникова, 85] // КОЛДУНЫ (в 5 знач.), ПУСТОХЛӨБЫ, ЧУХАРИ (в 3 знач.).

4. Жители верховьев р. Пинега. Пин. [Дранникова, 128].

ЧЕРНОТРОПКИ. 1. См. ЧЕРНОТРОПЫ (в 4 знач.).

2. Жители д. Вежа. Уст. *Раньше по-черному избы топились, от избы до избы были черные тропки – вот и звали нас чернотропки* [КТЭ].

3. Жители д. Шоломовская. Уст. [КТЭ].

ЧЕРНОТРОПЫ. 1. Жители с. Лешуконское. Леш. *Они кузнецами были* [КТЭ].

⁶ Чепёнка – ведро, служащее для подъема воды из колодца [КСРГС].

2. Жители д. Смоленец. Леш. *От двора до двора черна тропа, то и смольяне; Они своих покосов не имеют, занимают у д. Пылема, при этом торят свои тропы, топчут покосы* [КТЭ].

3. «Мезенцы – сажееды, чернотропы (неопрятны, грязны были)» [Зеленин, 57; ПРН, 339]. «О жителях тамошних поговорка: *Мезенцы сажееды, чернотропы* (от того, что жгут по вечерам не березовую, а сосновую лучину, от которой копоть садится на пол и оставляет следы на обуви). Мезенские жители слынут также неопрятностью (если кто прольет пищу на скатерть, то говорят: *Мезень поехала*)» [Подвысоцкий, 90] // ВОРОНЫ (в 11 знач.), ЗЕЛЕЗЭНИ, КИСОРЭЗЫ, КОНОЕДЫ, КОФЕЙНИКИ (в 1 знач.), МЕЩАНА (во 2 знач.), САЖЕЕДЫ, СОРОКИ.

4. **(ЧЕРНОТРОПИКИ)**. Жители д. Кимжа. Мез. *У них кочегарка была раньше, они черные были, ходили когда, за ними черные тропы оставались; Народ у них в Кимже черный; Вода черная у них, сами они темные; Каки-то ненормальные были – потому фараоны, чернотропы; Много нечистой силы было; Слишком много у них всякой нечисти было* [КТЭ] // КУМЖАХИ, ТРУБОЧЫСТЫ, ФАРАОНЫ (во 2 знач.).

5. **(МАТИГОРЫ-ЧЕРНОТРОПЫ)**. Жители с. Матегоры. Холм. «Жители матигорских селений в 3 верстах от г. Холмогор, по занятию кузнецы» [Грандилевский, 194]. «Матигоры – село в Холм. у. Жителей тамошних называют: *Матигоры-чернотропы*» – от того, что, занимаясь кузнечеством, пачкают копотью от дыма и, когда идут по улице, оставляют за собой черные следы» [Подвысоцкий, 88] // ВОРЫ (в 6 знач.), РЫЖИЕ ТАРАКАНЫ.

6. **(КОЙДОКУРСКИЕ ЧЕРНОТРОПЫ)**. Жители д. Койдокурье. Холм. *Много копоти от лучины; Не шибко любящих чистоту и порядок жителей Койдокурья называют койдокурскими чернотропами* [Дранникова, 118].

7. Жители с. Шеговары. Шенк. *В избах очень было черно у них* [КТЭ].

ЧЕСНОКЪ. Жители д. Лубянской. Холм. [Дранникова, 128].

ЧЙВЦЫ. Жители д. Лохома. В-Т. [КТЭ] // ГАГАИ (во 2 знач.).

ЧЙПУШИ. Жители д. Майда. Мез. *Так назывался холм – Чипуш, с которого они любили кататься* [Дранникова, 237, 318] // ЗАВОРУИ.

ЧОЧВАКЪ (ЧУЧВАКЪ). Жители д. Белошелье. Леш. [КТЭ] // ЗАГРАНИЧНИКИ.

ЧУГУНЫ. Жители д. Явзора. Пин. [КТЭ] // КОСТОГРЫЗЫ (во 2 знач.).

ЧУДИ (ЧУДЬ ВЕЖАНСКАЯ). Жители д. Вежа. Уст. *Такой наряд у них был, какие-то чумазы ходили, вот и чуди; Чуди зовут вежан* [КТЭ].

ЧУДСКАРЪ. Жители д. Красное Залесье. В-Т. *Наши старики те места не хуже чудскарей знали* [КТЭ].

ЧУДЬ. 1. Жители Верхнетоемского района; то же, что ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 1 знач.), ЧУДЬ ГОЛУБОГЛАЗАЯ, ЧУЧКАРИ (в 1 знач.) [Дранникова, 74].

2. Жители Каргопольского района; то же, что ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.) [Дранникова, 74, 108] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ЛАПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКЪ (в 1 знач.), ОБОЖЖЕННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ОВСЯННИКИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОЕДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНЯННИКИ, ШИПУНЫ (в 3 знач.).

3. Жители верховьев р. Пинега; то же, что ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 3 знач.), ЧУЧКАРИ (во 2 знач.) [Дранникова, 74].

4. Жители Устьянского района; то же, что ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 4 знач.) [Дранникова, 74, 108] // ЗЫРЬ БЕЛОГЛАЗАЯ, ЛАПОТНИКИ (в 8 знач.), НИЗКОСРАКИЕ.

5. Жители деревень Малое и Большое Пенье. Уст. [КТЭ].

ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ. 1. Жители Верхнетоемского района; то же, что ЧУДЬ (в 1 знач.), ЧУДЬ ГОЛУБОГЛАЗАЯ, ЧУЧКАРИ (в 1 знач.) [Дранникова, 74].

2. «Каргопольцы – чудь белоглазая, сыроеды» [Забылин, 574; ПРН, 339; Сахаров, 211]. «В современной традиции чудь белоглазая – жители Каргополя»; то же, что ЧУДЬ (во 2 знач.) [Дранникова, 129] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁННЫЕ ОГЛОБЛИ, ЛАПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКІ (в 1 знач.), ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ОВСЯННИКИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОЁДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНЯННИКИ, ШИПУНЫ (в 3 знач.).

3. Жители верховьев р. Пинега; то же, что ЧУДЬ (в 3 знач.), ЧУЧКАРИ (во 2 знач.) [Дранникова, 74].

4. Жители Устьянского района; то же, что ЧУДЬ (в 4 знач.) [Дранникова, 55] // ЗЫРЬ БЕЛОГЛАЗАЯ, ЛАПОТНИКИ (в 8 знач.), НИЗКОСРАКИЕ.

ЧУДЬ ГОЛУБОГЛАЗАЯ. Жители Верхнетоемского района; то же, что ЧУДЬ (в 1 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 1 знач.), ЧУЧКАРИ (в 1 знач.) [Дранникова, 76].

ЧУЛАННИКИ. 1. Жители к. д. Прилук. В-Т. Чуланники – потому что по чуланам все прятали; Они по гостям любят ходить, в другие деревни ездить, а к себе пригласят – придешь, а они в чулан спрячутся; Праздники сами празднуют, а люди придут – так в чуланах сидят, неблагодарные; Придешь к ним, а они в чулане – в другой избе – чай сидят пьют; Дома в Пилуке одни чуланы [КТЭ]. «Якобы в этих деревнях (Прилук и Заборье) жили староверы, и церкви у них были в чулане» [Дранникова, 120].

2. Жители к. д. Заборье. В-Т. Заборчана – чуланники: когда юмижана (жители к. д. Юмиж) шли на праздник, заборчана подставляют бадожок, что их дома нет, а сами в чулане сидели, из окна выглядывали; В Заборье престольных праздников не празднуют, гуляют мало, всё дома сидят, вот и чуланники [КТЭ]. В старину, говорят, жители... строили свои дома большими, с чуланами и за высокими заборами. И народ там был сердитый, в гости друг к другу не ходили, а все сидели дома, в чуланах [Дранникова, 120, 310].

ЧУЛКІ. Жители д. Чуласа. Леш. [КТЭ] // ГОЛУБЯТА, КОНЕВАЛЫ (КОНОВАЛЫ).

ЧУПЫ (ЧУПА). Жители д. Ужмино. Вель. Немытые ходили [КТЭ].

ЧУРШАНЕ. Жители д. Плесовская. Кон. [КТЭ].

ЧУХАРИ. 1. Жители д. Сояна; то же, что ГЛУХАРИ (в 1 знач.). Мез. [Дранникова, 75] // БОБЫЛИ, ДЫМЛЁНО(Е) ГУЗЬЁ.

2. Жители бассейна р. Пёза. Мез. [Дранникова, 75].

3. Жители д. Нюхча. Пин. [Дранникова, 75] // КОЛДУНЫ (в 5 знач.), ПУСТОХЛЁБЫ, ЧЕРНОЛЁБЫ(Е) (в 3 знач.)

ЧУХИ. Жители части д. Почезерье. Пин. «Проживали в околоте с названием Чухари» [Дранникова, 75] // КОЛДУНЫ́ (в 4 знач.).

ЧУХО́НЦЫ. Жители д. Чикинская. Пин. [КТЭ] // ПОГО́ЩЕНЫ.

ЧУЧВАКЙ. См. ЧОЧВАКЙ.

ЧУЧКАРИ. 1. Жители Верхнетоемского района; то же, что ЧУДЬ (в 1 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 1 знач.), ЧУДЬ ГОЛУБОГЛАЗАЯ [Дранникова, 74].

2. Жители верховьев р. Пинега; то же, что ЧУДЬ (в 3 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (в 3 знач.) [Дранникова, 74].

ШАВА́РЫ. Жители д. Воробьевская. Плес. [КТЭ].

ШАЙВАНЦЫ. Жители микрорайона Четырнадцатый Лесозавод г. Архангельска. Прим. [Дранникова, 341].

ША́ЙКИЧИ. Жители д. Мелодово. Холм. *Люди из соседних деревень покупали у них «шайки»* (деревянные тазы для мытья в бане) [Дранникова, 333].

ШАЛГАЧИ (ШЕЛГАЧИ). Жители д. Айнова. Пин. *Шалгачи – люди, которые ходят от деревни к деревне* [Дранникова, 297]. *Айногора – шелгачи* [КЛРС, 76, 77; СП, 97] // КИТА́ЙЦЫ (в 4 знач.).

ШАЛЮ́ШНИКИ. Жители к. д. Сефтра. В-Т. [КТЭ].

ШАНЁЖНИКИ. 1. **(БЕРЕЗНИКО́ВСКИЕ ШАНЁЖНИКИ).** Жители р. п. Березник. Вин. *Ходили на берег, шаньги продавали* [КТЭ].

2. **(ВА́ЕНЬГСКИЕ ШАНЁЖНИКИ).** Жители д. Верхняя Ваеньга; то же, что ША́НЬГИ (во 2 знач.). Вин. *Это начальник наш прозвал их, шаньги они все пекли* [КТЭ].

3. Жители д. Юбра. Пин. [Дранникова, 114]. «Прозвища, раскрывающие пристрастия жителей в еде: *Шанежники – шаньги пекли. Юбра – шанежники: ездили на дальни покосы, они обычно пекли шаньги*» [КЛРС, 56]. «Юберцов из-за пристрастия к шаньгам дразнят шанежниками» [СП, 28, 116].

4. Жители г. Архангельск. Прим. «Архангелогородцы – шанёжники; шаньга кислая»; то же, что ША́НЬГА КИ́СЛАЯ [ПРН, 338] // ВОДОХЛЁ́БЫ (в 13 знач.), КО́РОЕДЫ, КРО́ВЕЛЬЩИКИ, МО́РЖЕЕ́ДЫ, ТРЕ́СКОЕ́ДЫ (в 6 знач.).

5. Жители г. Шенкурск. Шенк. [Дранникова, 114] // ЛА́ПОТНИКИ (в 10 знач.).

ША́НЬГА КИ́СЛАЯ. «Архангелогородцы – шанёжники; шаньга кислая»; то же, что ШАНЁЖНИКИ (в 4 знач.) [ПРН, 338] // ВОДОХЛЁ́БЫ (в 13 знач.), КО́РОЕДЫ, КРО́ВЕЛЬЩИКИ, МО́РЖЕЕ́ДЫ, ТРЕ́СКОЕ́ДЫ (в 6 знач.).

ША́НЬГИ. 1. Жители д. Нечаевская. Вель. [КТЭ].

2. **(ВА́ЕНЬГСКИЕ ША́НЬГИ).** Жители д. Верхняя Ваеньга; то же, что ШАНЁЖНИКИ (во 2 знач.). Вин. [КТЭ].

3. Жители д. Заухтомье. Котл. *Не знаю, почто-то так зовут. Не всех в деревне, но большинство «шаньги», хоть и не родные* [КТЭ].

4. Жители Пинежского района, не живущие в районном центре – с. Карпогоры. Пин. *Жителей других деревень у нас (в с. Карпогоры) называют деревенскими или шаньгами, что является очень обидным. Из-за этого даже драки могут начаться* [Дранникова, 52].

ШАПОШНИКИ. Жители с. Благовещенское. Вель. *Любили шишать шапки* [КТЭ].
ШАРА́НЫ. Жители д. Плечиха. Вель. *Они завидными очень были* [КТЭ].
ШАТУНЫ. Жители д. Шотова. Пин. [Дранникова, 296] // ДРАЧУНЬІ (во 2 знач.), ФОРСУНЬІ (в 1 знач.).

ШВЕ́ДЫ. 1. Жители д. Масельга. Карг. [Дранникова, 107].
2. Жители д. Пушлахта. Он. *Шведский завод был, их шведами зовут* [КТЭ]. «Возникло из-за особенностей произношения местного населения (шипящих вместе свистящих звуков)» [Дранникова, 102].

ШЕЛГАЧИ. 1. См. ШАЛГАЧЬ.
2. Жители д. Ваймуша; то же, что КОТО́МКИ (во 2 знач.). Пин. [Дранникова, 260] // БОГАЧИ (во 2 знач.), БРАТА́НЫ (во 2 знач.).

ШЙЛЬНИКИ (БОРЕЦКИЕ ШЙЛЬНИКИ). Жители к. д. Борок. Вин. *Борчане – шильники: там ремесленников много было раньше. Они кожу шили, сапоги; Скупые они были, так их и прозвали: масло на хлеб шилом мазали, шилом много ли намажешь* [КТЭ].

ШИПУНЬІ. 1. Жители д. Кудряшевская. Карг. *Это мы их так между собой зовем, шипят они* [КТЭ].

2. Жители д. Шушерино. Карг. [КТЭ; Дранникова, 301].
3. Жители Каргопольского района. «Потому что они шипят» [Дранникова, 70] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.), ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ЛАПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКЬІ (в 1 знач.), ОБОЖЖЁННЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ОВСЯННИКИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛОБЛИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОЁДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНЯ́ННИКИ, ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ (во 2 знач.).

ШЛЕПАЧЬІ. Жители д. Горка. Уст. [КТЭ].

ШОЛГАННИКИ. Жители д. Подгорная. Вель. [КТЭ].

ШТЕННИКИ. Жители деревень в среднем и нижнем течении р. Мезень. «Штенники ели мучной суп, напоминающий кашу» [Дранникова, 51, 113] // КОФЕЙНИКИ (во 2 знач.), МЕЩА́НА-КОФЕЙНИКИ.

ШТИ (КАРЬЕПОЛЬСКИ(Е) ШТИ). Жители д. Карьеполье; то же, что ЖИТНИ(Е) ШТИ. Мез. *Карьепольски шти, на ночлег пусти (ночевать пусти). У них стояли, когда возили навагу через Лампожню.* [Дранникова, 248, 251].

ШУЛЁПЫ. Жители д. Охлябинская. Вель. [КТЭ].

ЩЕ́ДРЫ. Жители д. Тиглява. Леш. *Палуга – зелёна, Кеслома – ворона, Тиглява – щедры, Юрома – пуломцы* [КТЭ] // КОЛОТОВКА.

ЩЕЛОВА́НЫ. Жители д. Карашелье. Леш. *Каращёла – щелованы (бранчливые, ругатливые); Любят смеяться над другими* [Дранникова, 148, 288].

ЩУ́КИЧИ. Жители д. Приводино. Вил. *Был Володька Щука, наверное, щуку где-то украл* [КТЭ].

ЮЖА́НА (ЮЖА́НЕ). Жители к. д. Есютино. Вель. [КТЭ].

ЯПА́ТЫ. Жители д. Семжа. Мез. *Много было в этой деревне людей картавящих, неверно произносящих звуки. Так вместо «лопата» они говорили «япата»* [Дранникова, 124, 320] // РЕВЧИ (во 2 знач.).

ЯПО́НЦЫ. 1. (**ЯПО́НИЯ**). Жители деревень Большое и Малое Медвежье. Кон. *Деревни Японией прозвали, будто они две деревеньки стоят в лесу* [КТЭ].

2. (**ЯПОНИЯ**). Жители пос. Поньга. Он. «Деревни, расположенные на островах и по побережью моря, получили название *Япония*, а их жители – *японцы*» [Дранникова, 108, 322].

3. Жители д. Яреньга. Прим. [Дранникова, 108]. *Говорили по-разному, вот и зовем их турками, а они нас японцами; Наши всегда смеялись над яренжатами: две деревни, а говорят по-разному, они всегда слова растягивали и говорят все не так, потому японцы; Раньше старики враждовали: их (жителей д. Лопшеньга) называли турками, а нас японцами; Они в город ездили – деревню объезжали лесом* [КТЭ] // БАХВАЛЫ-МУЖИКИ, МОРСКИЕ ОКАЧКИ, ПЕСТЕРЬ (в 1 знач.), ЧАГАТЫ.

4. (**ЯПО́НИЯ**). Жители д. Митинская (неофициальное название – *Малая Мяткурга*). Уст. [Дранникова, 108]. *Маломяткурцы далеко живут – потому японцы; На горе жили, поэтому японцы; У нас тут реки со всех сторон: Устья, да Мяткурга, да Ручей – весной разольются, дак как на острове – вот и Япония; Митинских подергивают «японцы»: они народ не артельный, совместно не любят, один от другого убегают* [КТЭ] // КУРДАННИКИ.

5. (**ЯПО́НИЯ**). Жители д. Коскошина; то же, что САМУРА́Й. Холм. *Нас они японцы называют, идешь, кричат: «Япония идет!»; Япония идет, все хулиганистые* [КТЭ]. «В 1914 году пришел житель, который двадцать лет был в плену в Японии»; *Люди в деревне довольно агрессивны, вспыльчивы, поэтому их называют «японцы», а саму деревню – «Япония»* [Дранникова, 72, 108, 333].

6. (**ЯПОНИЯ**). Жители д. Плесо. Холм. *Еще в годы Гражданской войны это случилось. Какой-то раз заметил мужичок большое количество людей, поднимающихся на угор... поднял панику: «Японцы, японцы наступают!» ... люди поверили... Всей деревней бросились защищать свои дома, детей: кто с косой, кто с лопатой, кто с граблями, у кого и ружье! Вышли – ждут боя. Вдруг смотрят: а это не японцы, а наши русские, красногвардейцы то есть. С тех пор и зовут Плёсо Японией* [Дранникова, 216] // ДЫМНИКИ (в 1 знач.).

ЯПО́НИЯ. См. ЯПО́НЦЫ (в 1, 2, 4, 5, 6 знач.).

Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907.

Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991.

Зеленин Д. К. Избр. тр. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М., 1994.

КЛРС – Калущков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье [Сер.:] Семинар «Культурный ландшафт». Вып. 1. М., 1998.

- КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Екатеринбург).
- КТЭ – картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Куликовский – Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. Куликовский. СПб., 1898.
- Подвысоцкий – Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885.
- ПРН – *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Сахаров И. П.* Сказания русского народа. М., 1990.
- СП – Светлое Пинежье. Путешествие по краю. Вып. 1. М.; Архангельск; Карпогоры, 2000.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–... . Вып. 1–... .

* * *

Юлия Борисовна Воронцова – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

Х Международная научно-практическая конференция «Ономастика Поволжья»

С 12 по 14 сентября 2006 г. в Уфе прошла Х Международная научно-практическая конференция по ономастике Поволжья. Организаторами конференции выступили Федеральное агентство по образованию Российской Федерации, ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (БГПУ), Институт истории языка и литературы УНЦ РАН, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет им. А. С. Серафимовича». К открытию конференции в соответствии с решением редакционно-издательского совета БГПУ и постоянно действующего комитета конференции «Ономастика Поволжья» был выпущен сборник материалов, в котором были опубликованы работы 98 авторов¹.

Открытие конференции состоялось 12 сентября в актовом зале БГПУ. Перед началом работы участники, гости могли ознакомиться с выставкой литературы по ономастике. На открытии конференции присутствовали ученые из разных городов Российской Федерации, зарубежных стран, аспиранты, магистранты, студенты, представители прессы. В адрес конференции поступили приветствия от ректора БГПУ д-ра пед. наук, проф. *Р. М. Асадулина*, начальника информационно-аналитического управления при администрации Президента Республики Башкортостан, д-ра ист. наук, проф. *М. Б. Ямалова*, вице-президента АН Республики Башкортостан, акад. *Н. А. Мажитова*, директора «Московского дома национальностей» *А. Ф. Бердникова*, заместителя председателя УНЦ РАН, д-ра геогр. наук *А. В. Псянчина*, директора института истории, языка и литературы УНЦ РАН, д-ра филол. наук, проф. *Ф. Г. Хисаметдиновой*, члена постоянного организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья», д-ра филол. наук, проф. *В. И. Супруна*, председателя оргкомитета конференции, д-ра филол. наук, проф. *Е. А. Яковлевой*.

На пленарном заседании, состоявшемся в тот же день, с докладами выступили *В. И. Супрун* (Волгоград) – «Мгновенная ономастическая ситуация», *М. В. Горбаневский*, *В. О. Максимов* (Москва) – «О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов», *А. И. Назаров* (Алматы) – «Об антропонимических связях Поволжья и казахстанского Приуралья», *П. Чеснокова* (Градец-Кралове, Чехия) – «Названия праздников как объект ономастического исследования», *Т. М. Гарипов* (Уфа) – «Относительно “арабо-персидских” онимов в языках Поволжья», *А. Н. Куклин* (Йошкар-Ола) – «К проблеме

¹ См.: Ономастика Поволжья: Материалы Х Междунар. науч. конф. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. / Отв. ред. Е. А. Яковлева. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – 372 с.

реконструкции субстратных речных названий среднего Поволжья», *В. Р. Тимирханов* (Уфа) – «Антропонимика с. Улькунды Дуванского района Республики Башкортостан», *Н. Ф. Мокшин* (Саранск) – «Волга в ономастике мордвы», *А. Г. Шайхулов* (Уфа) – «Ономастикон Циркумуральского языкового союза», *Ф. Г. Хисамитдинова* (Уфа) – «Башкирская мифонимия».

13 сентября состоялись секционные заседания. Доклады, прочитанные на секции «Теоретические аспекты ономастических исследований», вызвали большой интерес. *А. А. Абдулфанова* (Калуга) рассмотрела гендерные аспекты антропонимической системы («Гендерные стереотипы личного имени»). Функционированию имени в социальной среде были посвящены доклады *Т. Н. Долотовой* (Ставрополь) «Имя собственное в интерпретации носителей языка», *Л. П. Ефановой* (Ставрополь) «Ономастикон в регионализации образовательного пространства». Взаимодействие апеллятивной и проприальной лексики в диалектной системе рассматривали *Л. А. Климкова* (Арзамас) – «Оним в региональной языковой картине мира», *Т. В. Федотова* (Чита) – «Диалектная лексика как источник возникновения топонимов», *Ф. Р. Латыпов, К. Р. Хайруллина* (Уфа) – «Антропонимическая система этрусского языка и некоторые этимологические параллели с женскими тюркскими именами Среднего Поволжья». Выступление *С. А. Попова* (Воронеж) было посвящено вопросам взаимодействия ономастических систем родственных языков («Проблема ономастического взаимодействия на пограничных территориях (русско-украинские языковые контакты)»). Этнонимии Пермского края как функциональную языковую систему исследовала *Т. А. Сироткина* (Пермь) – «Этнонимия Пермского края как функциональная система». *Л. Е. Крутина* (Уфа) выступила с докладом «Функционирование имен собственных в номинативных конструкциях».

О происхождении названий удмуртских родов было рассказано в докладе *В. С. Чуракова* «Генонимы удмуртов» (Ижевск). Этимологические аспекты исследования имен собственных были затронуты *Т. М. Гариповым, Д. В. Морозовым* («Этимология мифонимов как важный раздел ономастики», Уфа), *Н. В. Пятаевой* («К семантике и этимологии индоевропейского корня *do- и праславянского теонима *Дажьбог*», Стерлитамак).

Оживленная дискуссия развернулась на секции «Топонимика, микротопонимика, урбанонимика». Происхождение онимов рассматривалось *Л. Г. Хижняк* (Саратов) – «Древние названия урочищ Саратовского Поволжья», *Л. Ш. Арслановым* (Елабуга) – «О происхождении названий населенных пунктов Суранчак». Специфику формирования и функционирования топонимической системы отдельного района исследовали *Г. М. Курбангалеева, С. И. Масагутова* (Уфа) – «Топонимы на территории Зианчуринского района Республики Башкортостан». *А. Н. Беляевым* (Уфа) был сделан доклад «К вопросу о словообразовании на базе топонимов». Об ономастическом пространстве города говорилось в выступлениях *М. Я. Выходцевой* (Волгоград) «Названия жилых комплексов на ономастической карте города», *А. М. Емельяновой, Е. А. Яковлевой* (Уфа) «Городские эргонимы: функциональный аспект», *Р. В. Разумова* (Ярославль) «Названия жилых комплексов – новая разновидность урбанонимов». Мотивы номинации географических объектов были рассмотрены *М. Г. Усмановой* (Уфа) в докладе «Топоосновы славянских (русских) названий». Интересный материал по башкирской микротопонимии был представлен *Л. М. Хусаиновой* (Уфа) – «Этимологический анализ башкирских микротопонимов». *А. Л. Шилов* (Москва) рассмотрел специфику волжской гидронимии («Термин *чечора* в волжской гидронимии»).

На секции «Антропонимика» были затронуты вопросы имянаречения в докладах *А. Ф. Азнабаевой* (Уфа) «Имянаречение детей в эндогамных браках у башкир в конце XX – начале XXI в.», *А. Н. Антышева* (Уфа) «Современное имянаречение детей в экзогамных браках в Башкортостане», *Г. С. Хазиевой* (Казань) «Современные мотивы имянаречения в татарской антропонимике». Проблемы ономастического континуума рассматрива-

лись в докладах *Д. Б. Лугового* (Ставрополь) «Состав и динамика именника северо-западного региона Ставропольского края», *И. М. Ганжиной* (Тверь) «Квалитативы от христианских имен с -н- суффиксами в преднациональный период», *М. Ю. Беляевой* (Ставрополь) «Морфодеривационная структура как показатель региональной ономастической специфики». *С. В. Колесникова* (Чебоксары) выступила с докладом «Э-анлаутные фамилии на -ин в фамиликоне Чебоксар и Новочебоксарска». О функционировании антропонима *Артур* в башкирском именнике рассказала *О. Н. Новикова* («Об одном имени в башкирском именнике», Уфа). *О. П. Воронцова* (Йошкар-Ола) представила результаты исследования микроэтнонимов народа мари по данным топонимики. Фонетические значения антропонимов рассматривались *Х. Х. Салимовым*, *Л. Ф. Осиповой* (Елабуга) на примере романа А. Абсалямова «Белые цветы» («Фонетические значения антропонимов»).

Большой интерес вызвали доклады, сделанные на секции «Литературная ономастика». Функционированию имен собственных в художественных произведениях были посвящены доклады *С. Б. Аюповой* (Уфа) «Философия и мифология имени героя в романе И. С. Тургенева “Рудин”», *Л. Р. Галимовой* (Уфа) «Антропонимы в малой прозе Ф. М. Достоевского», *С. М. Киекбаевой* (Уфа) «Антропонимы в романе Дж. Г. Киекбаева “Родные и знакомые”», *Э. Ф. Гильфановой* (Уфа) «Топонимика в автобиографической прозе», *Л. Н. Костяковой* (Коломенск) «Поволжье в прозе Бориса Пильняка», *Н. С. Малофеевой*, *Д. Б. Масленниковым* (Уфа) «Имена собственные в стихотворениях Иосифа Бродского», *Х. Х. Салимовым*, *Л. М. Хамитовой* (Елабуга) «Поэтическая ономастика произведений современных татарских поэтов», *П. И. Федорова* (Уфа) «Семантика имени в рассказе В. Г. Тетерева “Митькина судьба”». О формировании имен-символов в русской литературе рассказала *Л. М. Вырыпаева* (Уфа) – «Прецедентное имя *Обломов* в межкультурном контексте». Проблемы, связанные с изменением онимов в текстах, в том числе прецедентных, были рассмотрены *В. Н. Шутинной* (Ставрополь) – «Метаморфозы имени собственного в жестко структурированном тексте», *Т. А. Мирзаевой* (Ставрополь) – «Концептуализация имени собственного в структурированном тексте». Изучению фамилий и псевдонимов как ономастических единиц были посвящены доклады *Е. П. Никитиной* (Уфа) «Антропоним *Аксаковы*», *К. С. Мочалкиной* (Волгоград) «Лингвистический статус псевдонима». Древние женские антропонимы рассматривались *М. С. Выхрыстюк* (Тобольск) в докладе «Структура и функционирование женских личных имен в памятниках письменности г. Тобольска XVII века». *Е. А. Луговая* (Ставрополь) выступила с докладом «Имя собственное в виртуальном пространстве».

На секции «Мифонимика, теонимика и фольклорная ономастика» проблемы функционирования онимов в фольклорных и литературных жанрах обсуждались *Е. И. Алещенко* (Волгоград) – «Функционирование номинаций животных в тексте русской народной сказки», *И. А. Петровой* (Михайловка) – «Антропонимическая модель “имя-отчество” в русских сказках», *В. В. Бардаковой* (Волгоград) – «Онимы в художественном мире литературной сказки», *Г. Х. Бухаровой* (Уфа) – «Имена-архетипы башкирского народного эпоса “Урал-Батыр” как “молчаливое знание” о мире», *Л. Б. Кацюба* (Челябинск) – «Ономастический аспект исследования субъекта в поговорках. Имя собственное в языковом сознании русского народа», *И. В. Крюковой* (Волгоград) – «Имя собственное как средство создания комического в пространстве русского анекдота», *О. В. Шапкиной* (Южно-Сахалинск) «Проблемы имени главного героя раннесредневекового японского памятника “Хэйтю-моногатари”». Традиции имянаречения у башкир были рассмотрены *А. Н. Антышевым*, *А. Ф. Азнабаевой* (Уфа) в докладе «Имена-обереги у башкир и других народов», *Е. П. Арипиной* (Самара) – «Прозвищные номинации святых русской православной церкви». О теонимии разных народов шла речь в докладах *С. П. Тюхтеневой* (Москва) – «Теонимия алтайцев», *А. А. Ярлыкапова* (Москва) – «Дух Ын у ногайцев».

На секции «Периферийные разделы ономастики» были представлены доклады, касающиеся самых различных типов имен ономастического пограничья. Специфику рекламного имени в своих выступлениях рассматривали *О. В. Кирпичева* (Волгоград) – «Персоналии рекламного текста как объект ономастического исследования», *Т. П. Романова* (Самара) – «Коммерческое послание рекламного имени», *А. А. Тубольцева* (Тула) – «Имя собственное во внешней рекламе как результат мировосприятия ее создателей», *И. В. Шумкина* (Самара) – «Основные типы стратегий создания названий туристических фирм». О возможностях функционирования антропонимов в составе фитонимов и зоонимов рассказала *Г. Р. Галиуллина* (Казань) – «Антропонимы в составе некоторых фитонимов и зоонимов татарского языка». *В. А. Литинская* в своем выступлении рассмотрела теонимы в названиях растений и легенды о них (Москва) – «Теонимы в названиях лекарственных растений и теонимические легенды (по материалам русского “Травника”»». Роль онимов в номинации человека, частей тела исследовала *Е. В. Максимова* (Уфа) – «Ономастические номинации человека: структурно-семантический аспект». Об общих и частных функциях артионимов говорилось в докладе *Е. А. Бурмистровой* (Волгоград) «Функциональная специализация артионима». Интересный фактический материал был обобщен в выступлениях *О. В. Врублевской* (Волгоград) – «Названия торжественных мероприятий как объект ономастики и прагмалингвистики», *Б. М. Галиева* (Уфа) – «Имена собственные как номинации оружия, вооружения и военной техники».

Секция «Ономастика в вузе» объединила следующие доклады: *С. Н. Рубина* (Волгоград) – «Прецедентные имена в восприятии иностранных студентов», *Т. И. Матвеева* (Уфа) – «Топоним *Уфа* по данным свободного ассоциативного эксперимента», *К. З. Закирьянов* (Уфа) – «Элективный курс для старшеклассников “Основы ономастики”», *Г. Р. Галиева* (Уфа) – «Особенности грамматического оформления фразеологизмов с именами собственными в качестве компонентов», *Т. М. Шихова* (Уфа) – «Роль ономастического компонента в структуре фразеологического значения», *И. И. Исангузина* (Уфа) – «Ономастическое пространство русского застолья», *Л. С. Исаргакова* (Уфа) – «Названия школьных трудовых объединений Республики Башкортостан как языковой символ эпохи (80-е гг. XX в.)».

На секции «Ономастическая контактология» с докладами выступили *А. А. Леонтьева* (Чебоксары) – «Возможные экстралингвистические ассоциации при заимствовании личных имен», *З. М. Раемгужина* (Уфа) – «Контакты тюркских народов в антропонимии башкир», *С. К. Удеева* (Элиста) – «Заимствования в антропонимиконе калмыков», *М. М. Нигматуллов* (Елабуга) – «О некоторых кыпчакских и огузских элементах в топонимии и антропонимии Республики Татарстан», *Н. В. Смирнова* (Мурманск) – «Влияние финно-угорских и славянских языков на топонимику, ономастику и терминологию языка Марийской Республики», *Т. П. Соколова* (Москва) – «“Итальянская” составляющая ономастического пространства Московского региона», *З. Ф. Шайхисламова* (Уфа) – «Русский топонимический слой северо-востока Башкортостана».

14 сентября состоялось заседание круглого стола «Урало-Поволжье в русском языке и культуре». Предложенная тема вызвала оживленную дискуссию, в которой приняли участие *В. И. Супрун*, *Е. А. Яковлева*, *С. А. Попов*, *Л. Г. Хижняк*, *И. В. Крюкова*, *А. М. Гареев*, *Д. Б. Логашова*, *В. О. Максимов*.

В принятой резолюции высказано пожелание провести очередную 11-ю конференцию в Йошкар-Оле в 2008 г.

И. А. Петрова, канд. филол. наук,
зав. кафедрой русской филологии Михайловского филиала
Волгоградского гос. пед. университета

XV Общепольская ономастическая конференция «Новые имена собственные. Новый взгляд»

С 21 по 23 сентября 2006 г. в Кракове состоялась XV Общепольская ономастическая конференция на тему «Nowe nazwy własne. Nowe spojrzenie», организованная Институтом польского языка Польской академии наук и Комитетом по лингвистике Польской академии наук в Кракове. Конференция носила юбилейный характер, так как совпала с тридцатилетием работы Ономастической комиссии при Комитете по лингвистике ПАН в Кракове, двадцатилетием со дня смерти проф. Генриха Борка, первого председателя Ономастической комиссии, а также сорокалетием научной деятельности проф. Александры Чесликовой.

Предметом размышлений и дискуссий стали новые явления в сфере имен собственных, а также новые теоретические и исследовательско-методологические разработки. В конференции приняли участие ономасты из Польши, России, Украины, Чехии, Словакии, Болгарии и других стран, чьи научные интересы сосредоточены на ономастическом «аспекте» языка, и особенно – на новейших проявлениях его динамичности и открытости. Представленные на симпозиуме доклады учитывали все широко понимаемые аспекты «новизны» в системе имен собственных и в ономастике, а именно:

- новейшие имена собственные в контексте современных коммуникативных, социально-политических, культурных и тому подобных изменений;
- проявления языковой моды в этой области;
- новые тенденции в грамматической системе имен собственных;
- имена собственные в различных типах текстов и дискурсов;
- влияние новых лингвистических концепций на статус современной ономастики;
- исторические имена собственные – новые научные понятия;
- диахронические исследования в ономастике – прошлое или настоящее.

На торжественном открытии прозвучали официальные приветствия, также проф. *Малена Малец* рассказала о научной деятельности юбиляра конференции – проф., д-ра Александры Чесликовой, выдающегося специалиста в области полонистики. Научная карьера А. Чесликовой с самого начала была связана с Институтом польского языка ПАН в Кракове, в котором она получила звание кандидата гуманитарных наук (*doktor nauk humanistycznych*), затем доктора (*doktor habilitowany*). В 1997 г. ей присвоили титул ординарного профессора (*profesor zwyczajny*).

Свою научную деятельность А. Чесликова (*Aleksandra Cieřlikowa*) начала в 1958 г. в секторе польской ономастики (сейчас структурная единица Института польского языка ПАН), сначала как ассистент, затем как адъюнкт научной документации, архивист, доцент и профессор. В марте 1992 г. она была назначена руководителем лаборатории антропонимии Института польского языка ПАН. В настоящее время проф. А. Чесликова исполняет обязанности председателя Ученого совета Института польского языка ПАН в Кракове.

Проф. А. Чесликова – член многих научных организаций и сообществ, в том числе: с 1960 г. – член Польского лингвистического общества, с 1985 г. – секретарь группы по антропонимии при Ономастической комиссии, с 1994 г. входит в Комиссию по названиям населенных пунктов и физиографических объектов при Министерстве управления, секретарь Комиссии по польской ономастике при Комитете по лингвистике и член Международного совета по ономастическим наукам (*International Council of Onomastic Sciences*, сокращенно – ICOS), с 1998 г. – заместитель председателя Комиссии по славянской ономастике Польского лингвистического общества, член Комитета по лингвистике и Комиссии по культуре польского языка, с 2003 г. – председатель Комиссии по лингвистике ПАН, а с 2004 г. – Комиссии по названиям населенных пунктов и физиографических объектов, член Совета по польскому

языку, член правления Общества любителей польского языка, Комиссии по культуре языка при Комитете по лингвистике и член Комиссии по теории языка.

Внушительен и список научных достижений проф. А. Чесликовой, включающий четыре книги (среди них – «Старопольские отапеллятивные имена собственные. Процесс онимизации. Парадигматическая деривация в старопольской антропонимии» («*Staropolskie odapelatywne nazwy osobowe. Proces onimizacji. Derywacja paradygmatyczna w staropolskiej antroponomii*»)), редактирование (например, «Малый словарь склонения имен собственных» («*Mały słownik odmiany nazw własnych*»)), совместно с М. Малец; «Индекс и терго к Словарю старопольских имен собственных» («*Indeks a tergo do Słownika staropolskich nazw osobowych*»)), с М. Малец и К. Рымут; «Этимолого-мотивационный словарь старопольских личных имен» («*Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych*»)), с Б. Чопек-Копчух; «Топонимия и оронимия» («*Toponimia i oronimia*»)), с Э. Жетельской-Фелешко при участии Й. Думы; «Славянская ономастика: Энциклопедия» («*Słowiańska onomastyka: Encyklopedia*»)), свыше 80 статей, 30 рецензий, обзоров, множество отзывов на диссертации. А. Чесликова может также гордиться двумя диссертациями, написанными под ее руководством. С 2000 г. А. Чесликова является редактором журнала «*Onomastica*. Журнал, посвященный топонимам, антропонимам и другим именам собственным» («*Onomastica. Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym*»)).

Научные исследования проф. А. Чесликовой связаны главным образом с вопросами формирования различных категорий имен собственных (личных имен, фамилий, прозвищ, а также географических названий) в синхронии и диахронии. Она занималась также проблемами функционирования онимов в области культурных, социальных и бытовых явлений; проводила этимологические разыскания, в частности, ею были предприняты попытки реконструкции праславянской антропонимии, выяснения генезиса имен и фамилий; наблюдения над именами собственными позволили пополнить данные о старопольском языке. А. Чесликова написала несколько теоретических работ по ономастике, в которых рассмотрела отношения между онимами и апеллятивами, а также работы по литературной ономастике и грамматике (склонению) имен собственных.

Следующая памятная дата была связана с двадцатилетием со дня смерти выдающегося ученого, первого председателя Ономастической комиссии при Комитете по лингвистике ПАН в Кракове, проф., д-ра Генрика Борка (Henryk Borek, 1929–1986). Г. Борек в течение многих лет работал в редакции журнала «*Onomastica*», где опубликовал множество статей, рецензий и обзоров. Он был членом Международной комиссии по славянской ономастике и Международного комитета по ономастическим наукам (ICOS). В 1986 г. он выполнял функции заместителя председателя Комиссии по названиям населенных пунктов и физиографических объектов при Министерстве управления. По его инициативе стали проводиться польские ономастические конференции.

То, что выделяло проф. Г. Борка среди других польских ученых – плодотворная научная деятельность и огромное влияние на научное сообщество. В 1978 г., во время XIII Ономастического конгресса, у него возникла мысль о всестороннем исследовании польской гидронимии при сотрудничестве Института польского языка ПАН с Комиссией по сравнительному языкознанию Академии наук и литературы в Майнце. Центральной фигурой в гидронимической группе был Г. Борек. Издаваемая с 1985 г. серия «*Hydronymia Europaea*», первоначально посвященная польской гидронимии, также в значительной степени обязана своим появлением Г. Борку.

Научный дебют ономаста в печати состоялся в 1956 г. В течение тридцати лет им было опубликовано более 200 различных работ, в том числе несколько монографий. Г. Борек был также редактором словарей, коллективных изданий, рецензентом множества работ.

У профессора Г. Борка было два научных увлечения – польский язык в Силезии и ономастика. Он высказывался по общим, системным вопросам ономастики, а также по вопросам топонимии, гидронимии и антропонимии. Среди общих проблем – проблема языковой, прежде всего словообразовательной, структуры имен собственных. Им был предложен новый термин – «имяобразование» (*nazwotwórstwo*), подразумевающий способы словообразования имен собственных. Эта проблематика подробно рассмотрена в работах «Западно-славянские топонимы с формантом -*yn-*» («*Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -yn-*», 1968) и «Восточно-славянские географические названия на -*yn-*» («*Wschodniosłowiańskie nazwy miejscowe na -yn-*», 1970). Г. Борек внес также свой вклад в классификацию географических названий, введя термин «релятивное имя» (*nazwa relacyjna*) в статье «Релятивные имена в топонимии» («*Nazwy relacyjne w toponimii*», 1988). Трудно представить себе современную работу по топонимии, в которой бы не учитывались классификации, разработанные В. Ташицким, С. Роспондом и Г. Борком.

Ономаст на протяжении многих лет работал над «Словарем польских топонимов» («*Słownik polskich wyrazów toponimicznych*»). Плодом этого труда явилась огромная картотека польских географических названий с их исторической документацией и этимологией. К сожалению, смерть инициатора этого научного проекта прервала работу по выявлению всей системы топооснов и имеобразующих формантов.

Вторым научным увлечением Г. Борка, как уже говорилось, был польский язык в Силезии, которому посвящено множество его работ. Он был выдающимся знатоком ономастической системы этого региона, о чем свидетельствует книга «Говоры Ополя в свете географических названий» («*Opolszczyzna w świetle nazw miejscowych*», 1972). Г. Борек был редактором двух томов «Этимологического словаря географических названий Силезии» («*Słownika etymologicznego nazw geograficznych Śląska*»). Незадолго до его смерти в серии «Энциклопедия знаний о Силезии» («*Encyklopedia Wiedzy o Śląsku*»), издаваемой Институтом Силезии в Ополе, вышла научно-популярная работа «Среди силезских названий» («*Wśród śląskich nazw*», 1986), в которой объясняются топонимы и антропонимы, зафиксированные в силезских памятниках письменности. Г. Борек также автор книги по силезской антропонимии «Фамилии жителей Бытома с конца XVI века до 1740 года» («*Nazwiska mieszkańców Bytomia od końca XVI wieku do roku 1740*», 1976), написанной совместно с историком Уршулой Шумской.

Научные интересы Г. Борка сосредоточивались также вокруг гидронимии. В 1983 г. под его редакцией вышла «Гидронимия Одры» («*Hydronimia Odry*»), которая считается в некотором роде продолжением книги «Гидронимия Вислы» («*Hydronimia Wisły*»), изданной под редакцией П. Зволинского в 1965 г. В работе собраны современные названия гидрообъектов на территории верхнего и среднего течения Одры.

В первый день конференции на пленарных заседаниях, проводимых под председательством Эдварда Брезы, выступили выдающиеся исследователи польской ономастики, среди них Р. Мрозек (R. Mrózek, Чешин) с докладом «Онимическая инновационность и исследовательские инновации», А. Фурдал (A. Furdal, Вроцлав) – «Семиотические аспекты ономастики», а также З. и К. Зейхоффер (Z. и K. Zierhofferowie, Познань) – «Влияние исторических событий на распространение топонимов и их сохранность».

Последующие заседания проходили в четырех секциях. В первой секции свои доклады представили: М. Малец (M. Males, Краков) «Степени открытости системы имен в Польше», Э. Рудницка-Фира (E. Rudnicka-Fira, Катовице) «Имена женщин в среднепольских краковских документах как свидетельство культуры того времени» и В. Шуловская (W. Szulowska, Олыштын) «Новейшие тенденции в именной системе Варшавы». С необычайно интересным докладом на тему «Европейские личные имена, образованные от основы со значением 'слава,

славный'» выступил Э. Брежа (Е. Breza, Гданьск). Доклад явился продолжением публичных лекций, посвященных именам, производным от слов с абстрактной семантикой. Автор проанализировал онимы, восходящие к греч. *kléos* (например, *Kleofas, Kleopatra, Sofokles*), греч. *doksa* (например, *Doksa, Eudoksja*), лат. *gloria* (например, *Gloria*), ст.-в.-нем. *beraht* 'светлый, блестящий' = нов.-в.-нем. *berühmt* 'славный' (например, *Albert, Bertold, Hubert*), ст.-в.-нем. *māri* 'славный' (например, *Waldemar*). Э. Брежа пришел к выводу, что эти элементы были замещены славянским корнем *mir-* 'мир', прежде всего на славянских территориях, подвергшихся германизации, – Мекленбургии, Бранденбурга и широко понимаемом Поморье. В докладе также были рассмотрены имена с элементом *slaw-* и *slawo-*, присутствие которых обнаруживается почти в ста именах.

Во второй секции участвовало четыре докладчика. А. Мезенко (Витебск) представила доклад на тему «Виконимика как раздел топонимики: становление, перспективы». Д. Бучко (Тарнополь) выступил с докладом на тему «Социальные мотивы инноваций в сфере украинской топонимии в конце XX – начале XXI века». Й. Редква (Черновцы) познакомил слушателей с «Географическими названиями галицкой и львовской земель (новые возможности в диахронических исследованиях)».

Третья секция была представлена докладами Й. Оконёвой (J. Okoniowa, Краков) «Идеоним – между метатекстом и именем собственным», И. Гжесяк (I. Grzesiak, Ольштын) «Сфера онимов и сфера апеллятивов в польском языке глухонемых». Исследовательница показала связи между апеллятивами и прозвищами лиц, пользующихся языком жестов. Терминологические вопросы решал М. Рутковский (M. Rutkowski, Ольштын) в докладе «Апеллятивизация и деонимизация. Из размышлений над терминами». Автор предпринял попытку определить статус и принципы функционирования в ономастике терминов «апеллятивизация» и «деонимизация». В своем выступлении он размышлял над постулируемой и всеми принятой синонимичностью этих понятий.

В последней секции первого дня конференции участники выслушали выступления Г. Таборской (H. Taborska, Варшава) «Имена собственные в кашубских нормативных словарях», Й. М. Тушковой (J. M. Tuškova, Брно) «*Julia Robertsová* или *Roberts* (образование иностранных фамилий в чешском языке)» и А. Кохановской (A. Kochanowska, Торунь) «Имена собственные в переводах новейшей французской литературы для детей». М. Белякова (M. Belaková, Словенска-Нова-Весь) представила доклад «Новейшие имена собственные в контексте современных коммуникативных изменений. Ономастика в школе». Она рассказала о маргинальной позиции ономастики в образовательных программах словацких школ и выдвинула предложение по изменению этой ситуации. Докладчица отметила также то, что в школьном курсе ученики знакомятся главным образом с нормами употребления и формой имен собственных, совсем не затрагивая их семантическую сторону и грамматические показатели.

В первый день конференции состоялись также заседания Международной комиссии по славянской ономастике и Ономастической комиссии при Комитете по лингвистике ПАН.

Необычайно насыщенным был второй день конференции, так как в этот день прозвучало почти 50 докладов. А. Хлюдзиньский (A. Chludziński, Пруц-Гданьский) представил доклад о «“Новых” антропонимах в “*Liber beneficiorum Domus Corone Marie prope Rugenwold*” (1406–1528)», в котором были рассмотрены 25 имен, не учтенные в существующих работах по польской и немецкой антропонимии. Ономаст подчеркнул эффективность использования исторических источников для исследований по антропонимии (диалектологических и словообразовательных) и при изучении процессов колонизации.

В свою очередь З. Лица (Z. Liśa, Гданьск) в докладе «Способы полонизации поморских, генетически немецких фамилий» проанализировал процесс адаптации в польском языке указанных фамилий на фонетико-графическом, морфемном и семантическом уровнях. Мате-

риалом для доклада послужили фамилии XVI–XIX вв., извлеченные из такого источника, как «Fontes», издаваемого Научным обществом в Торунь.

С. Сохацкая (S. Sochacka, Ополе) прочитала доклад на тему «Новые интерпретации некоторых силезских географических названий», где в русле новейших исследований представила инновационные способы этимологической интерпретации нескольких названий с территории Силезии.

Б. Афелтович (B. Afeltowicz, Щецин) в докладе «Современные неофициальные географические названия в Западном Поморье» рассмотрела статус ойконимов, которые функционируют в разговорной речи жителей этого региона. Она предложила ввести в ономастические исследования термин «виконим» (лат. *vicus* 'деревня') для обозначения названий, относящихся к сельским объектам, по аналогии с уже существующим термином «урбаноним».

С докладом «Современные наиболее частотные названия улиц польских городов» познакомил слушателей Э. Бoryсьак (E. Borysiak, Краков). Наблюдениями на тему «Стратиграфический аспект исследований архаичной ойконимии» поделилась З. Купчиньская (Львов).

В. Лейтманова (V. Leitmanová, Новаки) в докладе «Chotárne názvy a ich ľudové výklady v obci Sigel» представила итоги исследований по сопоставлению мотивировок топонимов, собранных у жителей данного региона, с мотивировками, засвидетельствованными в хрониках. Докладчица сделала вывод, что утрата значения апеллиатива в сознании носителей языка приводит к стиранию внутренней формы географических названий.

И. Ефименко (Киев) познакомила слушателей с результатами исследований на тему «Способы именования женщин в восточно-славянских памятниках письменности XVII в.». Г. Горный (H. Górny, Краков) выступила с докладом «Экспрессивные онимы в мемуарных и эпистолярных текстах XIX в.», в котором рассмотрела структуру и функции эмоционально окрашенных названий (вариантных форм имени, отфамильных дериватов и т. п.), встречающихся в избранной частной переписке и мемуарах XIX в. Докладчица указала на то, что последние составляют специфический род текстов, редко используемых при изучении исторического слоя онимов в польском языке.

Доклад на тему «Личные имена в летописях Великого Княжества Литовского и этнокультурный контекст» представила Л. Читко (L. Citko, Белосток). Автору удалось показать, что процесс формирования наименований жителей рассматриваемого региона находится в тесной связи с его политической, экономической и культурной историей. Литва издревле была государством, где численно преобладали то балты, то славяне. Богатый антропонимический материал был извлечен из белорусско-литовских летописей, в номинативном слое которых нашли отражение элементы языков двух этносов – западно-русский и литовский субстраты. Наиболее продуктивным номинативным типом оказалась характерная для княжеско-боярских имен патронимическая модель типа *Федор Корятович*.

Гости с Украины Л. и Р. Осташи (Львов) представили результаты исследований на тему «Новые тенденции в функционировании личных имен на Украине» и «Новые тенденции в работах по украинской исторической антропонимии».

Следующими интересными выступлениями были доклады Б. Дуная (B. Dunaj, Краков) «Теоретические проблемы спортивной ономастики: способы идентификации клубов», А. Вечорек (A. Wieszczek, Краков) «Протеза в фамилиях», С. Боравского (S. Borawski, Зелёна-Гура) «Ономастическая и ономастологическая составляющие в историографическом повествовании историка польского языка» и П. Одалоша (P. Odaloš, Баньска-Быстшица) «Literárny náhľad v Ballekových reflexiách Letiace roky». Автор охарактеризовал систему онимов в полной размышлений книге словацкого писателя Ладислава Баллека. Главной чертой этой системы он считает мозаичность и мультионимичность, которые ставит в зависимость от изменений, происходящих в Словакии, Европе и мире.

Проблематику современных польских прозвищ затронули *И. Гук* (I. Huk, Варшава) «Студенческие прозвища и их мотивация» и *А. Мышка* (A. Myszka, Жешув) в выступлении «Ученические прозвища – новые структурные и мотивационные модели». Объектом анализа второго доклада стали более 700 современных молодежных прозвищ Подкарпатья. Докладчица рассмотрела новые и/или ставшие в последнее время более популярными структурные модели наименований, основы и мотивы номинации. К наиболее популярным молодежным прозвищам она отнесла короткие прозвища, с нулевым или редуцированным окончанием, образованные с помощью квазисуффиксов от слов с абстрактной семантикой, звукоподражаний и аббревиатур.

Терминологические вопросы были поставлены в выступлении *А. Галковского* (A. Gałkowski, Лодзь) «Социоидеонимы и хремотонимы – роль названий общественных организаций и инициатив в развитии ономастической системы языка», в котором обсуждались существующие классификации хремотонимов. *А. Сивец* (A. Siwiec, Люблин) осуществил сравнительный анализ современных польских и русских названий фирм. Автор представил существующие в двух культурах мотивировки названий фирм и привел наиболее распространенные номинативные модели.

Л. Дациевич (L. Dacewicz, Белосток) в докладе «Названия польских учебных заведений – традиция и современность» провела семантический и структурный анализ около 400 названий учебных заведений, функционирующих в настоящее время в Польше. Она отметила, что рассматриваемые названия относятся к хремотонимам, а точнее – к эргонимам (или институционам). Традиционные названия по преимуществу короткие, тогда как названия учебных заведений, появившихся в период трансформации политической системы, – это обычно многословные определения с апеллятивным идентифицирующим компонентом (чаще всего встречается *szkoła wyższa*, редко *uniwersytet*, *akademia*), указывающие на сферу обучения и локализацию.

Отдельную секцию составили доклады по гидронимии. В ней выступили: *Э. Вольнич-Павловская* (E. Wolnicz-Pawłowska, Варшава) – «“Новости” в тысячелетней истории польских гидронимов», *А. Герлакова* (A. Gerlaková, Баньска-Быстрица) – «Официальные и исторически сложившиеся названия рек бассейна Торысы» и *Й. Кршко* (J. Krško, Баньска-Быстрица), который прочитал доклад на тему «Гидронимия Словакии – традиция и уникальность», представив в нем проект исследования гидронимии Словакии. Й. Кршко осветил историю возникновения проекта «Гидронимия Европы и гидронимия Словакии», а также познакомил слушателей с предлагаемой системой работы и со структурой как уже составленных, так и подготавливаемых словарных статей гидронимов.

Особую секцию составили доклады иностранных коллег, посвященные топонимии других стран. В ее заседании участвовали: *Н. Парфенова* (Сургут) – «Географические термины Зауралья (на материале архивных источников конца XVI–XIX в.)», *М. Шипкова* (M. Šípková, Брно) – «Словарь географических названий Моравии и Силезии» – новый проект чешской лингвистики», *Л. Чишмарова* (L. Čižmarová, Брно) – «Словарь географических названий Моравии и Силезии» – критерии отбора материала и принципы составления», *В. Лучик* (Киев – Катовице) – «Семантические явления в истории производящих основ украинских топонимов».

Во второй день конференции выступили также: *М. Беренд* (M. Berend, Торунь) с докладом «Фамилии политиков как деривационная база» и *И. Калужинская* (I. Kałużńska, Варшава), которая познакомила слушателей с «Новыми явлениями в области китайских личных имен». Иной характер носил доклад *Э. Богданович* (E. Bogdanowicz, Белосток) «Антропонимы в метафорах (на материале современной прессы)». Автор показала, что имена собственные очень часто выступают в разнообразных вторичных функциях. Примером использования антропонимов в функции, выходящей за рамки их первичного назначения,

являются метафоры, в которых имена выполняют вспомогательную роль. Использование антропонимов в метафорах обусловлено прежде всего их коннотативным потенциалом, а следовательно, той социокультурной сферой, в которой они функционируют на страницах печати.

Особую тематическую группу составили выступления *Ц. Косыля* (С. Kosyl, Люблин) – «В кругу дендронимов», *Л. Димитровой-Тодоровой* (София) – «Место фитонимов в болгарской ономастике» и *С. Вархола* (S. Warchoła, Люблин), рассказавшего о современных зоонимах польского языка (на славянском фоне), мотивированных именами собственными. На материале кличек лошадей и собак середины XIX – начала XXI в. автор выявил различия между традиционной народной и селекционной зоонимией. С. Вархола установил, что на территории Польши и всего славянского региона имена лошадей, мотивированные антропонимами, в большей степени сохраняют свою традиционность, нежели рассматриваемые клички собак, среди которых наблюдается тенденция к «глобализации».

В этот же день свои доклады представили: *Э. Якус-Боркова* (E. Jakus-Borkowa, Ополе) – «О проблематике имен собственных в метеорологии и климатологии», *Й. Ванякова* и *В. Ванияк* (J. Waniakowa, W. Waniak, Краков) – «Об одном типе аббревиатур на примере астрономических хремотонимов», *И. Матусьяк*, *К. Завильская* (I. Matusiak, K. Zawilska, Ольштын) – «Номинативные тенденции на примере ольштынских хремотонимов» и *А. Томецка-Мирек* (A. Tomecka-Mirek, Лодзь) – «Самые маленькие носители польского языка и их ономастический выбор. Как дети дошкольного возраста называют свои игрушки?».

В отдельной секции выступали ономасты, чьи исследования касались явлений на стыке ономастики и социологии. *З. Абрамович* (Z. Abramowicz, Белосток), познакомила слушателей с проблемой «Имена собственные и национальная символика». Это была попытка обратить внимание на роль национальной символики в сфере имен собственных. Докладчица рассмотрела соотношение «символ – антропоним» и попробовала установить, в какой степени символ вдохновляет на создание имен собственных и как влияет на функционирование и развитие антропонимической системы отдельных народов.

Р. Лободзинская и *М. Пейсерт* (R. Łobodzińska, M. Peisert, Вроцлав) в выступлении «Аксиология в названиях национальных гимнов» сделали предметом своего анализа идеонимы европейских и неевропейских государственных гимнов, которые были созданы в XIX и XX вв., выполняли различные языковые функции (идентификационную, семантическую, а также символическую) и служили выражением ценностей, существенных для данной этнической или общественной группы (например, «вольность», «отечество», «традиция», «героизм»). Авторы показали, что интерпретация заголовка гимна зависит от многих исторических и политических факторов, от роли, которую гимн выполняет в обществе, от приписываемых ему ценностей, а все заголовки – как ранних, так и более поздних гимнов – апеллируют к универсальным ценностям.

В свою очередь *М. Ярач* (M. Jaracz, Быдгощ) представила доклад на тему «Номинативные стереотипы и современное языковое сознание». Предметом ее размышлений стала проблематика, связанная с понятием номинативного стереотипа в контексте исследований актуального языкового сознания поляков. По мнению докладчицы, эта проблема как таковая в ономастической литературе слабо различается и относится к области исследований культурологической ономастики. На материале анкетирования, проведенного в 2005–2006 гг. среди студентов быдгощской полонистики, М. Ярач охарактеризовала номинативные стереотипы, касающиеся современного способа восприятия фамилий поляками.

Последним в этой секции было выступление *Б. Нововойского* (B. Nowowiejski, Белосток) на тему «Экзотизация польских имен собственных как отражение социальных изменений и потребностей». Автор выделил два вида экзотизации: 1) явление, основанное на придании польским именам собственным оригинального характера; 2) собственно экзотизация, состо-

ящая в наделении имен собственных необычными атрибутами. Исходя из наблюдений над современными польскими именами собственными, главным образом антропонимами (именами, фамилиями, прозвищами, никами, но также зоонимами и топонимами), Б. Нововейский спрогнозировал, что в связи с тенденциями к глобализации, миграциями населения, интернационализацией национальных языков, «медиатизацией» языка, а также традиционным снобизмом и языковой модой в польском номинативном «репертуаре» значительно увеличится число экзотических имен.

В последний день конференции прозвучали четыре пленарных доклада, после которых состоялась долгая и жаркая дискуссия. Э. Жетельска-Фелешко (E. Rzetelska-Feleszko, Варшава) в докладе «Культурологическая ономастика» всесторонне рассмотрела культурологические аспекты ономастики как раздела языкознания и отметила растущую роль этого направления в настоящее время. В свою очередь И. Сарновска-Гефинг (I. Sarnowska-Giefing, Познань) в докладе «Литературная ономастика сегодня – перелом или продолжение?» выразила некоторое беспокойство по поводу современных исследований онимов в художественном тексте. Она отметила, что научная деятельность в этой области ономастики несколько ослабла, а некогда передовой в этих исследованиях люблинский центр «замолчал». М. Войтыла-Свежовская (M. Wojtyła-Świerzowska, Краков) познакомила слушателей с проблемой «Имятворчество – онимизация – словообразование». Эту тему продолжил доклад М. Гарвалика (M. Harvalík, Прага) «Об изменениях в грамматической системе чешских имен собственных», в котором грамматическая система онимов была проанализирована с системной и функциональной точек зрения. М. Гарвалик рассмотрел главным образом морфологические категории числа, рода и падежа у имен собственных, а также их образование и употребление, или разговорные варианты имен собственных. В заключение исследователь представил основные тенденции развития грамматической системы чешских имен собственных.

Заседания XV Общепольской ономастической конференции на тему «Новые имена собственные. Новый взгляд» завершила ее Юбиляр – проф. А. Чесликова. Конференция подтвердила тот факт, что круг лингвистов, занимающихся ономастическими исследованиями, довольно широк и они активно работают – об этом свидетельствует число участников симпозиума и разнообразие обсуждаемых на нем вопросов. Необычайно интересными оказались доклады польских и зарубежных исследователей об именах женщин. Во время заседаний прозвучали выступления, касающиеся системных вопросов, обобщающие теорию имен собственных, а также тесно связанные со структурой и функционированием отдельных проприальных подсистем (топонимии, антропонимии, хрематонимии, зоонимии и др.) в польском и других языках. Ономасты представили тематику проводимых индивидуально исследований, исследовательские проекты по развитию теории ономастики и изучению конкретных ономастических подсистем, указали на новые направления и источники ономастических исследований. Организаторы планируют издать сборник по итогам конференции. Широкая тематика докладов, возможность дискуссии и обмена мнениями, хорошая организация и доброжелательность организаторов позволяют считать XV Общепольскую ономастическую конференцию очень успешным научным мероприятием.

Великим Отсутствующим был проф. Казимеж Рымут, которому состояние здоровья не позволило принять участие в конференции. Спустя два месяца после нее (14.11.2006 г.) Профессора не стало. Это невосполнимая потеря для польской и мировой ономастики.

Б. Афельтович, канд. гуманитар. наук,
доц. кафедры современного польского языка
Щецинского университета (Польша);
перевод с польского К. В. Пьянковой

Симпозиум «Имя в экономике и экономической истории» (Бельгия, Антверпен, 15–17 июня 2006 г.)

Симпозиум под названием «Name in the economy and economic history» был организован Антверпенским университетом, председателем организационного комитета выступил проф., д-р *Людгер Кремер* (Ludger Kremer). География участников, заявленных в программе, была довольно широкой, но по различным причинам многие не смогли приехать, поэтому большинство собравшихся оказались представителями западно-европейского региона (из России и, шире, из Восточной Европы оказался только автор настоящей заметки).

Первая встреча участников состоялась в здании одного из колледжей университета, весьма живописном и впечатляющем своей многовековой историей, в дальнейшем заседания проходили в одном из современных корпусов. За исключением пленарных заседаний участники симпозиума разделялись для работы в следующих секциях: чаще всего заседала секция «Названия продукции» (3 заседания), кроме нее были секции «Названия компаний», «Имя в экономической истории» (по 2 заседания), «Широкие перспективы» (одно заседание).

На открытии с приветственным словом выступил декан факультета прикладной экономики, проф., д-р *Эрик Фаукомперт* (Erik Faucompert) и зав. кафедрой международных бизнес-коммуникаций, проф., д-р *Диана Филлипс* (Diana Phillips), в дальнейшем – активная участница конференции. Затем слово взял проф. Кремер и в своем выступлении, которое послужило введением ко всей конференции, отметил огромный рост внимания лингвистов к имени в экономике и плодотворности исследований в этом направлении. В качестве примера проф. Кремер показал, сколь большое значение для социально-экономической истории имеет изучение микропонимов, отражающих былую экономическую активность того или иного региона (особенно сельского), в частности, как микропонимы отражают древнюю практику ведения сельского хозяйства, места ранних индустриальных центров, старые торговые пути. Эта тема была развита другими участниками конференции на специальных секционных заседаниях.

Так, *Кристиан Цшишанг* (Christian Zschieschang, Германия) подготовил доклад «Экономические аспекты микропонимии¹ на средней Эльбе», в котором, подробно рассматривая микропонимиию одного района (под Виттенбергом), наглядно показал, как названия сельскохозяйственных угодий (*Flurnamen*) отражают различные аспекты хозяйственной жизни, начиная с конца XIX в., – особенности землепользования, формирование производств (винокурных, гончарных); также в докладе рассматривалась роль таких «экономических» названий в контексте всей топонимической системы. Анализ историкотопонимического материала были посвящены и другие доклады этой тематики: *Катарина Лейбринг* (Katharina Leibring, Швеция), *Ги Бельман* (Gie Belmans, Бельгия), *Лоис Маас* (Loes Maas, Нидерланды), *Хосе Антонио Сатура Рами* и *Ксавьер Томас* (Jose Antonio Satura Rami, Xavier Tombs, Испания), сделавшие совместный доклад, *Ливе Вангехухтен* и *Альмудена Басанта у Ромеро-Вальдеспино* (Lieve Vangehuchten, Almudena Basanta y Romero-Valdespino, Бельгия), также с одним докладом.

Герхард Косс (Gerhard Koss, Германия), наоборот, выбрал для подобного направления исследования эргонимический материал – названия больничных касс (товариществ взаимопомощи) за более чем два столетия их существования и показал, как отражается в них экономическая и социальная история страны.

¹ Русский термин *микропонимия* не совсем точно передает здесь немецкое обозначение *Flurnamen*.

Мартина Питуц (Martina Pitz, Франция) углубилась в историю дальше всех остальных участников и привлекла в качестве материала для ономастического исследования полиптики (описи монастырских владений) эпохи каролингов (доклад был сделан на пленарном заседании).

Другое направление конференции – названия фирм (в русской терминологии – эргонимы) на пленарном заседании было представлено докладом, который сделала *Ангелика Берген* (Angelika Bergien, Германия). Она познакомила с результатами исследования, выполненного в русле социолингвистики, цель которого – выяснить, насколько совпадают «внутренний» имидж названия компании, складывающийся у номинаторов, и тот имидж, который создается у потребителей.

Секционные доклады эргонимического направления затрагивали самые разные аспекты изучения данного разряда онимов. Ряд докладов был посвящен анализу названий фирм в отдельных языках и сферах производства; в частности, по этой теме выступала *Паола Шёблом* (Paola Sjöblom, Финляндия) – «Структура и функция финских названий компаний», *Марсьен Мартин* (Marcienne Martin, Франция) рассказала об изменениях и эволюции горнодобывающих компаний в одном из регионов Квебека. Были также доклады, основанные на сравнительном материале: *Хольгер Вохеле* (Holger Wochele, Австрия) рассмотрел названия отелей в Италии и Румынии (существующие точки зрения относят их и к эргонимам, и к микропонимам); *Юлия Кун* (Julia Kuhn, Австрия) провела сопоставительное исследование эргонимов Парижа и Мехико, так или иначе связанных с исторической тематикой (анализировался как раз тип этой связи и рекламные эффекты, которые она вызывает). Весьма оригинальную тему для доклада выбрал *Крис Бреке* (Chris Braecke, Бельгия) – использование определенного артикля в акронимических именовании голландских университетов, как в официальных ситуациях, так и в неформальном студенческом общении или местных студенческих изданиях (между прочим, в отечественной традиции существовало мнение, что артикль однозначно переводит слово из собственных имен в нарицательные).

Тема «Широкие перспективы» была также представлена пленарными и секционными заседаниями.

Габриэль Люк-Баллон (Gabriel Luc-Ballon, Бельгия) выступил с развернутым обзором юридических вопросов, связанных с «экономическими» именами. В частности, он подробно рассмотрел виды таких имен, выделяемых европейским правом: коммерческое имя (*le nom commercial*), которое может быть официально зарегистрировано; наименование компании (*le denomination sociale*), которое всегда идентифицирует юридическое лицо; вывески (*l'enseigne*), обозначающие географическое положение предприятия; товарные знаки (*la marque*), как словесные, так и несловесные; товарные наименования (*la denomination de vente*), которые согласно предписаниям Евросоюза требуются для продуктов питания и не должны заменяться товарными знаками; имя домена и возможность его перехода в наименование компании; указания на место производства (происхождения) товара (*les indication de provenance / les appellations d'origine*), которые охраняются законом (например, во Франции, что интересно, географические названия могут стать товарными знаками, только если связь между географическим объектом и товаром выдуманная). Эта правовая классификация весьма любопытна, даже с точки зрения того, насколько она совпадает или не совпадает с русскими правовыми реалиями, но особенно – с точки зрения совпадения или несовпадения лингвистического и юридического подходов к одному и тому же материалу.

Особое впечатление произвел доклад *Вилли ван Лангендонка* (Villy van Langendonck, Бельгия). Заявленная тема доклада – «Торговые марки и бренды: собственные имена или нарицательные» оказалась уже, чем его содержание. Доклад касался фундаментальной и широко обсуждаемой в ономастике проблемы разграничения собственных и нарицательных имен. Полемизируя с противоречивым концептом «апеллятивного собственного имени»

(*Gattungseigenname*), принятым в германской лингвистике, В. ван Лангендонк предлагает различать собственное имя (*prope name*) и «проприальную лемму» (*proprial lemme*) – понятие, которое вводится и разрабатывается самим докладчиком. Лемма определяется как лексическая единица, функционирующая прежде всего как имя собственное (которое, в свою очередь, является для В. ван Лангендонка прототипическим существительным²). Соответственно, имена собственные делятся на группы в зависимости от типа леммы: а) порожденные проприальной леммой – это собственные имена прототипического класса (в русской ономастике мы бы назвали их ядерными) – антропонимы и топонимы; б) порожденные проприально-апеллятивной леммой – это имена собственные непрототипических разрядов, например названия товаров, бренды, названия языков, названия болезней³; в) порожденные леммами прочего происхождения – различные маргинальные категории названий. Проприально-апеллятивная лемма, как следует из названия, продуцирует как собственные, так и нарицательные имена в зависимости от особенностей референции: *Кока-кола – это всемирно известный бренд* (собственное имя); *Я выпил какой-то кока-колы* (нарицательное имя)⁴.

Заявленную тему поддержал на секционном заседании *Кристиан Вейерс* (Christian Weyers, Германия), который рассматривает товарные марки и аналогичные им образования как единый разряд лексики, находящийся между именами собственными и апеллятивами, – разряд который исторически сближался в разных аспектах то с тем, то с другим понятием.

Ханс Вербовен (Hans Verboven, Бельгия), один из членов оргкомитета конференции, подготовил доклад о роли слоганов в нефтехимической промышленности. Рекламная функция названий гигантов этой отрасли скорее призвана способствовать общественному признанию и одобрению отрицательно воспринимаемых производств.

Автор настоящего обзора выступил с сообщением на тему «Стилевые особенности коммерческих названий в постсоветской России», хотя западных коллег больше заинтересовало описание особенностей деловых названий (эргонимов и прагмонимов) именно советского периода времени.

Наиболее объемно на симпозиуме был представлен прагмонимический материал – товарные наименования продуктов, бренды, торговые марки (в английской терминологии – *product names*). На пленарном заседании *Андреас Лётшер* (Andreas Lötscher, Швейцария) сделал доклад о названиях моделей автомобилей в историко-географическом аспекте. В нем автор проанализировал все автомобильные марки, появившиеся за все время существования автомобилей. В докладе была представлена типология автомобильных марок, рассмотрены их функции (идентификационная, дескриптивная и номинативная) и коррелирующие с функциями способы создания названий, отмечены основные особенности названий, созданных в разные периоды времени, их национальная специфика и влияние глобализации. Тема глобализации, межъязыкового влияния, появления гибридных (с точки зрения языковых источников) названий нашла отражение еще в нескольких докладах. В частности, *Вернер Брандл* (Werner Brandl, Германия) рассмотрел изменения, которые произошли в немецких торговых марках за последние десять лет и которые вызваны в основном влиянием английс-

² Данному вопросу было посвящено выступление В. ван Лангендонка на XXII Международном ономастическом конгрессе в Пизе [см. о нем в обзоре материалов конгресса: Молчанова, 2006, 109].

³ Напомним, что в русской ономастике и терминоведении в свое время активно дискутировался вопрос о статусе сортовых обозначений и номенклатурных единиц, например в такой форме: можно ли считать однопорядковыми названия дерева (*береза*), автомобиля (*Москвич*) или болезни (*ангина*).

⁴ Взгляды ван Лангендонка на природу собственного имени подробно изложены в его недавно вышедшей книге: [Langendonck, 2007].

кого языка. В докладе предложена типология гибридных немецко-английских наименований и поставлена проблема их маркетинговых перспектив, в свете более широкой проблематики – влияния английского языка на современный немецкий. *Паола Кортичелли Куррас* (Paola Corticelli Kurras, Италия) рассмотрела в синхроническом и диахроническом аспектах существование гибридных наименований в итальянском языке. В докладе анализировались как собственно языковые феномены (структура, модели, языки влияния), так и экстралингвистические (языковая политика, законодательство, влияние исторических событий). *Элке Ронненбергер-Зибольт* (Elke Ronnenberger-Sibolt, Германия) в подобном же ключе рассмотрела гибридные наименования в немецком языке с исторической точки зрения, выбрав для анализа данные о немецких торговых марках по состоянию на 1904, 1924 и 1974 гг.

Несколько докладов акцентировали внимание на проблеме мотивированного выбора словообразовательных элементов (оригинальных и заимствованных) при создании торговой марки. *Флоренца Фишер* (Florenza Fischer, Австрия) связала понятия мотивированности и информативности торговой марки как с точки зрения продавца, так и с точки зрения покупателя, расположив торговые названия на шкале – от тех, которые имеют значение только для производителя товара (например, разного рода цифровые и буквенные индексы), до тех, которые по смыслу полностью прозрачны для потребителя. *Кристиан Шмитт* (Christian Schmitt, Германия) на материале испанских товарных наименований и эргонимов рассмотрел использование словообразовательных элементов (среди которых все более преобладают интернациональные терминологические элементы, такие как *bio-*, *activ-*, *aqua-* и др.) при создании мотивированных названий в различных областях экономики.

Функциональное направление было поддержано еще рядом докладов. *Элвис де Стефани* (Elwys de Stefani, Франция) в докладе «Асфальтовые тигры и газели большого города» представил исследование того, как товарные марки употребляются в реальных контекстах (например, в газетных статьях и разговорной речи) для достижения разнообразных коммуникативных целей. В качестве примера анализировался, поддерживая интригующее заглавие доклада, оним *Тарзан* как фирменное наименование. Между прочим докладчик указал на то, что интерес исследователей к функционированию товарных марок относительно мал по сравнению с их изучением в словообразовательном, мотивационном и морфологическом аспектах. *Сандра Рейманн* (Sandra Reimann, Германия) затронула очень интересный аспект функционирования товарных марок – в аудиорекламе. Очень часто товарные марки создаются без учета их восприятия на слух, но с ориентацией на визуальную подачу. Отсюда трудности в разграничении адресатом радиопередачи названия конкретного товара и словесного товарного знака, невозможность вернуться, подобно читателю, к незнакомому слову и некоторые другие проблемы. Отметим актуальность обращения к этой теме: фонетический анализ товарных марок обычно ограничивается вопросами благозвучности, а особенности их функционирования в «бесписьменных» ситуациях почти не изучены. *Софи Лимбо* (Sophie Limbos, Бельгия) рассмотрела процесс создания имени в рамках теории брендинга, как элемент маркетинговой стратегии. В современном брендинге возрастает роль этического компонента – экономические названия начинают отражать ценностные категории: честь, гуманизм, обязательность, соучастие и т. п. Доклад был проиллюстрирован примерами брендинга и ребрендинга бельгийских банков и страховых компаний.

Совместный доклад *Стефани Нэгес* и *Дианы Филлипс* (Stephanie Hughes, Diana Fillips, Бельгия) сочетал диахронический и культурологический подходы к ономастическому материалу. Авторы проследили историю одной группы онимов – названий конфет, начиная с 1950-х гг.: какие тенденции и модные направления складывались в этой сфере, какие из названий возникли естественно, искусственно или были заимствованы из родственных сфер производства, а также какие внешние события и факторы повлияли на принципы брендинга в конфетной

индустрии. Сверхзадача доклада – показать, как на материале названий товаров можно проследить изменения коллективного портрета потребителя в послевоенной Европе. В качестве раздаточного материала к докладу использовались настоящие конфетные наборы, что вызвало полное одобрение слушателей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что неслучайно организацией, проводящей симпозиум, стал факультет международных деловых коммуникаций Антверпенского университета, т. е. факультет экономической направленности. Если в традиционной ономастике подход к коммерческим именам в основном дедуктивный – от общих закономерностей и теоретических положений, касающихся собственных имен, к конкретному материалу, то в рамках симпозиума подход был скорее индуктивным – прикладная ономастика (и прагматика) была если не основой, то ярко выраженным субстратом многих исследований.

Симпозиум, посвященный только «экономическим» именам (почти без антропонимической тематики и классической топонимики, без диалектологов, этнолингвистов, этимологов) – весьма нетипичен для традиционных ономастических конференций. И это – не единичное мнение. В качестве заключения хотелось бы привести высказывание еще одного участника конференции, Кристиана Цшишанга, которого автор настоящего обзора попросил написать несколько строк о его впечатлениях:

Конференция, посвященная именам в экономике, – нововведение. Хотя ономотологи уже в течение десятилетий изучают товарные марки, названия фирм и т. п., но это во многих случаях выглядело несколько экзотичным на фоне многочисленных исследований в области топонимии и антропонимии. Но, кажется, в этом отношении появилась новая тенденция, которая особенно сильно ощущалась в Антверпене, – многие исследователи молодого поколения часто обращаются к этой области ономастики. В Антверпене они собрались вместе и обменялись докладами по вопросам создания названий товаров и фирм и их использования в коммуникации. Наряду с этими инновационными разработками все же нельзя оставить без внимания ярко представленную секцию «Имя в экономической истории», которая во многом занималась связью топонимии с историей экономики.

Симпозиум был, по моим ощущениям, единодушно и единогласно принят участниками, специалисты, занимающиеся этой тематикой, вряд ли остались не удовлетворены его результатами. Проф. Людгер Кремер с организационным комитетом совершенно очевидно затронули нерв времени. Это подтверждается не в последнюю очередь тем, что уже в этом году будет организована следующая конференция (Вена, 14–16 июля 2007 г.) «Имя в экономике-2» – название, которое безусловно отсылает к Антверпенскому симпозиуму. Нет сомнения в том, что она будет успешной и поддержит прогрессивное направление исследований. И весьма вероятно, что в Вене соберется больше участников из восточной половины Европы, чем это было в Антверпене.

Молчанова О. Т. XXII Международный ономастический конгресс // *Вопр. ономастики.* 2006. № 3. С. 108–111.

Langendonck Willy van. Theory and Typology of Proper Names. Berlin; N. Y., 2007.

С. О. Горяев, канд. филол. наук,
асс. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Краткие сообщения

С 14 по 16 сентября 2006 г. в столице Республики Бурятия г. Улан-Удэ состоялась **Международная научно-практическая конференция «Ономастическое пространство и национальная культура»**. Инициаторами и организаторами конференции выступили факультет иностранных языков и Центр стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета. В конференции приняли участие специалисты в области филологии, философии, истории, социологии, культурологии, географии и других гуманитарных и естественных наук. Программа включала доклады и сообщения представителей из 31 города России, из разных стран дальнего и ближнего зарубежья (Белоруссия, Германия, Иран, Канада, Монголия, Польша, Украина, Швейцария, Япония). Результаты своих научных поисков представили не только известные ученые и опытные исследователи, но и начинающие свой путь в науке аспиранты и студенты вузов.

Работа конференции проходила в пяти секциях: «Ономастика в системе гуманитарных наук», «Ономастикон и национальная культура», «Ономастический ареал: проблемы исследования», «Ономастическое пространство художественного текста», «Имя собственное в социокультурном контексте». Особый интерес вызвали доклады, прозвучавшие на пленарном заседании: *А. В. Суперанская* – «Ономастические теории начала XXI века» (Москва); *Т. Ю. Загряжская* – «Региональный язык – регион-концепт культуры (на окситанском материале)» (Москва); *В. В. Мароша* – «Роль семантики имени автора в анализе художественного текста» (Новосибирск); *Анри Дорион* (Квебек) – «Топонимия и идентичность».

Материалы конференции опубликованы в сборнике под тем же названием – «Ономастическое пространство и национальная культура» (Улан-Удэ – Байкал, 2006; 34,6 п. л.).

В резолюции, принятой участниками конференции, указывается на необходимость придания конференции статуса постоянно действующей, с интервалом 2–3 года. Следующую конференцию планируется провести в июне-июле 2008 г.

* * *

6–7 октября 2006 г. в Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины состоялась **III Международная научная конференция «Славянская ономастика в этимологическом, хронологическом и ареальном аспектах»**. В Гомельской специализированной славянской библиотеке собрались более пятидесяти ученых-ономастов из Белоруссии, России и Украины. Участников научного форума приветствовали председатель оргкомитета конференции, д-р тех. наук, проф., проректор по научной работе ГГУ им. Ф. Скорины *Д. Г. Лин*, д-р филол. наук, проф., сотрудник НАН Республики Беларусь *Н. П. Антропов*, заместитель председателя оргкомитета, д-р филол. наук, проф. кафедры русского, общего и славянского языкознания ГГУ им. Ф. Скорины *Р. М. Козлова*, представители библиотеки, национальных делегаций.

Пленарное заседание началось с презентации сайта «Ономастика России» (www.onoma.newmail.ru), которую провел канд. филол. наук, доц. кафедры межкультурных коммуникаций Воронежского института высоких технологий *С. А. Попов*. Сайт посвящен различным разделам ономастики, содержит информацию о проводимых в России и за ее пределами ономастических научных конференциях, новинках литературы.

Научную часть конференции открыл д-р филол. наук, проф. *Г. Ф. Ковалев*. Его доклад был посвящен именам собственным в каламбурах футуристов. Эстафету у российского

ученого приняли д-р филол. наук, проф. *В. В. Лучик* («Рефлексы с индоевропейскими корнями **ai-/*oi-* в апеллятивной и проприальной лексике украинского языка», Киев), д-р филол. наук, проф. *А. М. Мезенко* («Место и роль вторичной атрибуции в современной урбонимии и виконимии», Витебск), д-р филол. наук, проф. *В. И. Сенкевич* («Собственное имя как категория контрастивной лингвистики»), д-р филол. наук, проф. *В. В. Щур* («Вариантность онимов как художественный прием в произведениях белорусской художественной литературы», Мозырь). Пленарное заседание завершил доклад *Р. М. Козловой* «Освоение славянской ономастики финно-угорскими этносами». Далее работа конференции продолжилась в четырех секциях: «Славянская гидронимия, топонимия», «Славянская ойконимия», «Славянская антропонимия, этнонимия», «Ономастика художественных текстов».

С. А. Попов, канд. филол. наук,
доц. кафедры межкультурных коммуникаций
Воронежского института высоких технологий

РЕЦЕНЗИИ

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005. – 467 с.

Не иссякает интерес человека к языку земли – топонимии. С самых разных позиций о ней писалось и пишется немало, но с давнего времени до наших дней читателя по-особому привлекают те работы, в которых за топонимическими свидетельствами слышится голос самой истории. «Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово, малейшая черта древности дает повод к соображениям» (Н. М. Карамзин), – этими словами, замечательно передающими пафос историко-топонимической науки, открывается монография В. Л. Васильева, посвященная архаической топонимии Новгородской земли.

Эта книга явилась итогом многолетней работы автора, о которой читатель мог ранее судить по целому ряду статей, публиковавшихся в лингвистических и историко-краеведческих изданиях. В то же время материалы, представленные в монографии, большей частью являются совершенно новыми – как по отношению к предшествующим опубликованным работам В. Л. Васильева, так и по отношению к иным известным историко-топонимическим исследованиям.

Цель монографии определена автором как историко-этимологическое обоснование новгородских топонимических древностей славянского происхождения – географических названий, связанных с позднеславянским и древнерусским временем. Предмет исследования ограничен географическими названиями, производными от личных собственных наименований и обозначений лиц, или – в целом – деантропонимной топонимией, локализуемой в области средневековой Новгородской земли (это обозначение включает в работе Водскую, Шелонскую, Деревскую и Бежецкую пятины, а также юго-западную часть Обонежской пятины). В книге содержится более 350 статей, в которых объясняются сотни древних деантропонимных географических названий этой территории. Большой частью это ойконимы, однако в монографии рассматривается и ряд отантропонимических гидронимов.

Книга включает предисловие (с. 7–9), введение (с. 10–33), семь глав (с. 34–368), заключение (с. 369–374) и обширную справочную часть (с. 375–464), содержащую список источников и научной литературы (330 – на русском языке, 62 – на иностранных языках), перечень принятых в работе сокращений, индекс топонимов, индекс имен и обозначений лиц, а также *Summary* на английском и немецком языках. Некоторые главы и разделы книги сопровождаются лингвогеографическими картами (всего карт 9).

В предисловии автор обосновывает научную необходимость появления данной работы, призванной преодолеть фрагментарность и разрозненность исследований исторической новгородской топонимии. В. Л. Васильев предлагает свой путь этого «преодоления», пред-

ставляя монографию не только как самостоятельное исследование древнеславянской деантропонимной топонимии Новгорода, но и как «первую часть научной трилогии о топонимических древностях средневековой Новгородской земли», вторая часть трилогии, по замыслу, автора будет посвящена анализу деапеллятивной топонимии, третья – топонимии дославянского происхождения.

В начальной части введения автором детально очерчены исторические и современные границы региона, обрисован его древний и нынешний русский диалектный ландшафт, охарактеризованы российские и зарубежные исследования, посвящавшиеся топонимии Новгородской земли на протяжении конца XIX – начала XXI в. Отмечая с опорой на эти исследования очевидную сложность картины региональной топонимии, В. Л. Васильев выделяет в ней шесть основных языковых пластов: 1) древнефинский, 2) древнеиндоевропейский, 3) древнебалтийский, 4) архаический славянский, 5) старорусский и русский, 6) древнескандинавский. Отдельно указаны относительно поздние (XVII–XIX вв.) географические названия, оставленные переселившимися на Новгородские земли карелами, эстонцами и латышами.

Далее во введении кратко излагаются задачи и методика исследования, а также, что особенно важно отметить, достаточно детально характеризуются понятия, перспективно значимые для всех исследований подобного рода. В частности, русская «архаическая топонимия» (также «древняя», «ранняя») определяется В. Л. Васильевым как «маркированная наличием каких-либо древнеславянских (древнерусских) черт структуры», последние же раскрывают свою пережиточность в «неспособности к спонтанному возникновению тождественных топонимических форм на сопредельных территориях» (с. 22). Это теоретическое определение конкретизируется далее для новгородского региона двумя хронологическими границами: VII–VIII вв. – последняя четверть XV в. Традиционно верхняя граница проводится несколько глубже, однако свою точку зрения автор обосновывает с необходимой корректностью и убедительностью.

В заключительной части введения характеризуются источники топонимического материала. Несмотря на некоторую лаконичность их описания, уже на этих страницах книги становится очевидной та колоссальная работа, которая проведена автором с источниками фактически тысячелетнего периода. Важнейшими из них явились новгородские писцовые книги конца XV–XVI в., актовые материалы XII–XV вв., материалы берестяных грамот из Новгорода и Старой Руссы, списки населенных мест Российской империи (2-я половина XIX в.), списки населенных мест Новгородской губернии начала XX в., многотомный «*Russisches geographisches Namenbuch*», современные справочники административно-территориального деления и топографические карты различного масштаба. Привлечены в работе и иные источники – в отдельных случаях в их качестве используются даже древнейшие граффити на штукатурке новгородского Софийского собора. Хронологическую широту, жанровое разнообразие и богатство топонимических источников необходимо отметить как одно из высочайших достоинств исследования, в немалой степени обеспечивших успешное решение поставленных автором задач.

Основная часть монографии состоит из 7 глав: 1. Йотово-посессивная топонимия от личных имен; 2. Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами *-гоиц/-гост-*; 3. Топонимия с *-ов/-ев-*, *-ин*-суффиксацией от древнеславянских личных имен; 4. Посессивно-патронимическая топонимия на *-ичи/-ицы*; 5. Топонимия катойконимического типа; 6. Топонимия, равная личным именам; 7. Названия улиц средневекового Новгорода XI–XV вв. Таким образом, в первой по шестую главах изложение материала опирается на достаточно хорошо известную структурную классификацию топонимов. В пределах глав классификация продолжается с опорой на структурный тип производящего антропонима; внутри

параграфов принят словарный (гнездовой) принцип изложения материала. Нельзя не отметить, что подобная композиция работы не только адекватна материалу, не только логична и удобна для читателя, но и служит важнейшей предпосылкой той высокой степени системности, которая отличает исследование В. Л. Васильева от работ многих предшественников. Единственный вопрос, возникающий у читателя в связи с общим построением работы – вопрос о последовательности словарных статей внутри параграфов: их порядок, как кажется, совершенно случаен (например, в первой главе друг за другом следуют *Ладомири*, *Домославль*, *Видимирское*, *Туховежи* и т. д.). Возможно, при отсутствии каких-либо иных ведущих принципов – даже при наличии индекса названий – был бы вполне уместен обычный алфавитный порядок подачи статей.

Самой высокой оценки заслуживает этимологическая сторона исследования. Глубина и убедительность историко-лингвистических реконструкций достигаются автором не только за счет фонетических построений, но и с помощью последовательно применяемых аргументов типологического характера: с одной стороны – межтерриториальных географических соответствий, с другой стороны – смысловых и структурных параллелей, связывающих древний именослов новгородских земель с антропонимикой всего славянского мира. В качестве иллюстраций приведем некоторые примеры из второй главы, которая примечательна не только богатством, но и особой дискуссионностью материала – древней топонимией на *-гоиц/-гост-*.

В статье *Миголоици* (с. 136) отмечается слоговая метатеза *-лого-* > *-голо-*, осуществившаяся в исходном названии *Милогоици*; ойконим тем самым возводится к личному имени *Милогость*. То, что это действительно так, подтверждается не только фиксацией этого имени в новгородской берестяной грамоте XIV в., но и целым рядом примеров из древних западно- и южно-славянских памятников письменности: польск. *Milogost*, *Milgost*, чеш. *Milihost*, полаб. *Milegost*, серб.-хорв., болг. *Милогост*, *Милгост*. Далее отмечаются примеры функционирования этого имени в топонимии: на новгородской территории (гидроним *Милогоиц* в бас. Десны), на иных территориях русского Северо-Запада (гидроним *Милогость* в бас. Ояти) и, наконец, на других славянских землях (два топонима *Milhošt* в Чехии, 2 топонима *Milogoszcz* в Польше, полаб. *Milogoěj* в Германии, словац. *Mil(o)gošt* в Венгрии, *Milogošča* на востоке Балкан).

На широком типологическом фоне оказываются столь же убедительными и объяснения тех названий, для которых производящие антропонимы не засвидетельствованы в новгородских письменных документах. Так, личное имя **Мирогость*, к которому возводится ойконим *Мирогоица* (с. 130–131), обосновывается, с одной стороны, продолжениями первого компонента в др.-рус. *Миронѣзь*, польск. *Mironieg*, хорв. *Miroslav* и др.; с другой стороны, существование имени **Мирогость* подтверждается его топонимическими фиксациями вне новгородской территории (*Мирогоиць* на Волини и в Белоруссии, *Мирогостово* в Ярославской губернии). Подобным образом обосновывается происхождение новгородских топонимов от имен **Нѣж(и)гость*, **Стоигость*, **Люд(о)гость*, **Кромѣгость* и мн. др.

Общие результаты столь глубокого и всестороннего анализа не оставляют сомнений в том, что древнеславянские названия на *-гоиц/-гост-* имеют по преимуществу антропонимическое происхождение. Более того, наблюдения автора, связанные с этой топонимической моделью (и шире – с *j*-овой моделью, которую представляют многие названия на *-гоиц-*), оказываются важнейшим звеном в решении сложных вопросов, касающихся этнической истории славян. В этом отношении существенно, во-первых, заключение В. Л. Васильева о значительной архаичности имен на *-гость*, которые являлись общеславянскими и «активно функционировали в I тысячелетии до н. э., но к началу славянской письменности стали

постепенно выходить из употребления» (с. 163). Во-вторых, безусловную историческую ценность приобретает воссозданная автором картина территориальной дистрибуции топонимов, отражающих этот древнейший тип имен (карта 6): она «обозначает пути продвижения славян к берегам Ильменя и оконтуривает первоначальные районы славянского освоения Приильменя... Обращает на себя внимание общая прикрепленность топонимии на *-гоиц/-гост-* к берегам Волги, Мологи, Мсты, Шелони, верховьям Луи и Плюсы – это маркирует главные пути продвижения славян по крупным рекам» (с. 166).

При том, что вторая глава во многих отношениях привлекает особое внимание читателя, все другие главы работы с лингвистической стороны столь же убедительны, столь же богаты интереснейшим материалом и столь же глубоки по характеру авторских интерпретаций.

Глубина и компетентность этимологического анализа проявляются в работе и в той необходимой осторожности, с которой, как правило, излагаются гипотезы, комментарии и выводы автора. Так, для названий на *-виж/-веж-* в качестве источника предполагается не только *-видъ*, но и *-вѣдъ*, которое допустимо семантически, хотя почти не подтверждается параллелями препозитивного употребления (ср. *Туховежи/Туховижи* < **Туховидъ* «надежду видящий» или **Туховѣдъ* «надежду знающий» – с. 47; *Перевижа* < **Перевидъ* «все видящий» или **Перевѣдъ* «все знающий» – с. 92). Подобным образом ойконим *Пустомержа* возводится к прозвищу **Пустомързъ* (ср. *мерзнуть*) или **Пустомердъ*/**Пустомерда*, буквально «пустая мерда», где др.-рус. *мерда* «рыболовная снасть, морда, верша» (с. 80). Учтены в работе и аналогические процессы, происходившие в течение исторической жизни названий. Так, в качестве одной из версий топоним *Люботеж* связывается с личным именем **Люботѣхъ*, давшим первоначальную топонимическую форму **Люботѣшь*, которая позднее выравнялась в соответствии с формами на *-еж* типа *Милодеж* (с. 55). Последовательно учитываются автором и иные существенные для этимологии явления: общерусские фонетические процессы, специфические черты древненовгородского диалекта и весьма разнообразные фонетико-морфологические метаморфозы, отмечаемые на собственно топонимическом уровне.

При общем высоком качестве лингвистического анализа в основной части монографии встречаются отдельные фрагменты, в которых проскальзывают неясности того или иного рода. Так, по поводу названия *Жидобужа* говорится следующее: «Надо полагать, современный ойконим *Жидобужа* находит межтерриториальную параллель в старописьменном *Житовож*, дер. Курского присуда Устьянского погоста Деревской пятины 1495 г. Последнее название легко свести к “правильной” топонимической форме **Житобужъ*... и далее к личн. *Житобудъ*» (с. 50). Допускаемое при этом фонетическое изменение **Житобужъ* – *Житовож* автор не комментирует, ограничиваясь не вполне очевидным для читателя указанием на «незначительность» этих изменений. В другой статье сообщается, что ойконим *Пробужа* «образован от личн. **Пробудъ* (к **byti* : *bъdetъ*; семантически – «пусть будет», которое весьма близко к личн. *Непробудъ*» (с. 84). В этом случае, как кажется, упускаются из виду другие возможности семантической трактовки антропонима и, соответственно, ойконима. Остается неясным для читателя упомянутое без комментариев древнерусское личное имя **Бдоѣдъ*, реконструируемое по историческому топониму *Едоѣжа* (с. 81).

Учитывая перспективы исследования, намеченные автором в предисловии, следует отметить и то, что некоторые приведенные в работе онимы нуждаются в дальнейшей проверке их собственно славянского происхождения. В качестве примера приведем ойконим *Радуево* (Обонежская пятина; с. 226), который по всем показаниям «вписывается» не только в славянский, но и в прибалтийско-финский онимический ряд: ср., с одной стороны, карел.-твер. *ratoi* «черный дятел, желна» [Пунжина, 231], с другой стороны – явно неславянские по своим

антропонимическим истокам названия на *-уево*, которые встречаются в Карелии, Прионежье и на Русском Севере – *Чекуево, Рембуево, Шадуево* и т. п.

Другой пример – названия на *Порх-* (с. 176–177), которые автор связывает с архаическим непроизводным восточно-славянским именем или прозвищем *Порхъ* (< **Пърхъ*). Фиксации этих топонимов по преимуществу северные, поэтому для них прибалтийско-финские антропонимические истоки также весьма вероятны: ср. фин. *porho* ‘богатый, состоятельный’, *porhakka* ‘бодрый; надменный, спесивый’; известна эта потенциально «антропонимическая» корневая основа и в карельском языке [см.: SSA, 2, 398]. Кроме того, в исторических документах, отражающих время после перехода *e > o*, графическое *порх-* может передавать и звуковую основу типа **n'opx* < **n'epx*, в связи с чем ср. приб.-фин. *perhe* ‘семья’ [SSA, 2, 339]. Есть еще финская основа *parh-*, дающая в числе дериватов значение ‘лучший’ (см. любой толковый финско-русский словарь; этот факт стоит иметь в виду не только в связи с вариантом *Пархово*, но и потому, что приб.-фин. *a* в эпоху ранних контактов мог передаваться русским *o*).

Изложенные замечания, впрочем, носят очень частный характер и ни в коей мере не затрагивают ни существа самой работы, ни существа ее выводов. В целом же не будет преувеличением сказать, что исследование В. Л. Васильева представляет в русской ономастике новый по многогранности и глубине тип историко-этимологических исследований. Представляется, что эта работа значительно переросла рамки своих собственно «топонимических» задач – открыв и проанализировав множество фактов, которые ранее не были известны в ономастических сферах истории русского языка и славистики, она стала новационной частью не только русского, но и славянского исторического языкознания. Не менее важно и то, что с опытом исследования В. Л. Васильева в русской ономастике особенно ясно высветились наиболее перспективные пути дальнейшего развития, связанные с углубленным – системным и системно-типологическим – изучением максимально полного регионального материала. Хотелось бы ожидать на этом пути новых работ и новых открытий, а автору рецензируемой монографии – пожелать успехов в осуществлении всех задуманных проектов.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.

SSA – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

Л. Г. Гусева, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
Н. В. Кабинина, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. – 580 с.

Монография Т. Н. Дмитриевой заполняет существенный пробел в исследовании финно-угорской ономастики. Впервые проведен комплексный анализ одной из наименее известных ее составляющих – хантыйской топонимии. Работа выполнена в лучших традициях екатеринбургской ономастической школы, ее отличает знание глубинных механизмов и закономерностей формирования и бытования топонимической системы, опора на обширные коллекции полевого материала, тщательность и добросовестность в исполнении. Проведенный анализ позволяет сделать важные в теоретическом отношении выводы об особенностях топонимической системы, обусловленных промысловой культурой и кочевым образом жизни.

Первый раздел – вводный, содержащий важные для дальнейшего анализа сведения о географии, истории, этнической ситуации в крае, а также вкладе предшественников в изучение хантыйской топонимии. Полезны разделы, в которых представлены языковые особенности казымского диалекта, существенные в плане топонимического исследования, а также основные правила транскрипции и транслитерации.

Первый собственно ономастический раздел исследования посвящен выявлению и описанию структурных моделей хантыйской топонимии. Показано, что, совпадая в основных моментах с топонимией других финно-угорских языков, в частности прибалтийско-финских, она в то же время отличается такой структурной особенностью, как удивительная многокомпонентность и связанные с ней комплексы топонимов. Данная особенность возникла, с одной стороны, из потребности в большом количестве названий в связи с использованием обширных территорий, свойственным носителям промысловой культуры, с другой, видимо, спровоцирована ограниченными возможностями человеческой памяти. Подобные комплексы топонимов широко применяются, например, в саамской топонимии. Вторая заметная особенность – наличие значительного числа девербальных наименований, которые обусловлены кочевым образом жизни и связанными с ним так называемыми событийными топонимами.

В целом четкий раздел нуждается, на наш взгляд, в одном дополнении относительно иерархии компонентов в топонимах. Автор говорит о компонентном составе топонимов, однако обходит стороной вопрос об определяемом (детерминант) и определяющем (атрибут) компонентах и их структуре. Это приводит к некоторой нечеткости в последующих разделах, когда, к примеру, в качестве атрибута рассматривается элемент, который в действительности является частью детерминанта. Поясню на примере *aj w̄is lor* «маленькое проточное озеро», в котором автор относит к атрибуту элемент *w̄is*, хотя он на самом деле является частью сложного по структуре детерминанта *w̄is lor* «проточное озеро», определяемого атрибутом *aj* «маленький».

Возникает и вопрос о различении сложного по структуре географического апеллятива и топонима: к примеру, *jõxat ow* «устье реки» рассматривается как сложный топоним с атрибутивной частью *jõxat* «река». Между тем в прибалтийско-финской традиции соответствующее обозначение *joensui* «устье реки» считается сложным по структуре географическим термином, который в качестве такового – как неразложимая единица – переходит в топонимическое употребление (ср. название города *Joensuu* в Восточной Финляндии), и топоним по структуре является простым. Это, конечно, очень непростые случаи различения слова и словосочетания, особенно в условиях, когда не сложились правила раздельного и слитного написания хантыйских топонимов (см. об этом ниже).

В следующем разделе предложен анализ детерминантов, в качестве которых выступают термины, обозначающие природные и культурные объекты – всего более 50. Этот список

значительно обширнее того, который был известен по прежним исследованиям хантыйской топонимии [см., например, Радомски, 1969]. Наиболее разработанной оказывается терминология, связанная с водными и болотными объектами, что, по справедливому суждению автора, является закономерным отражением важнейших физико-географических особенностей местности, а также их значения в экономической жизни населения. Раздел отличается скрупулезностью и тщательностью в подаче материала. Дается ареальная характеристика детерминантов, в ряде случаев предпринимается их этимологический анализ (*šom*, *paw*), характеризуется сфера употребления (например, функционирование ряда терминов только в сакральных текстах). Выясняется, что географическая семантика в целом ряде случаев является вторичной, развившейся в результате метафорического переноса (*wšs*, *tos* и др.), при этом метафорическая природа многих терминов впервые установлена автором исследования. Такие термины ценны как показатель своеобразия видения мира хантами.

Полезен предложенный в заключении статистический обзор, направленный на выявление наиболее типичного. Установлена зависимость продуктивности детерминанта от того, насколько детально разработана в нем характеристика местности. Это закономерность, имеющая для топонимии типологический характер.

Основной раздел монографии посвящен анализу атрибутивных элементов топонимов, который сопровождается значительным этнокультурным материалом. Эту главу также отличает тщательность исполнения и, кроме того, использование обширного круга источников – словарных, картографических, исторических и, конечно, полевых. В работе показано, что семантика атрибутов хантыйских названий, с одной стороны, обладает универсальными признаками. Это особенно хорошо видно, поскольку автор ориентируется в описании системы атрибутивных элементов на классические подходы, реализованные в целом ряде региональных топонимических исследований. С другой стороны, семантика хантыйской топонимии обладает безусловным своеобразием, проявляющимся не только в наборе топооснов, но и в наличии значительной мифологической и образной составляющей. Здесь отражается, судя по всему, народное видение мира в условиях промысловой (не производящей) культуры, когда осваиваются значительные пространства и господствует анимизм. Особенно показательны сложные комплексы взаимосвязанных названий, объединенных фольклорными сюжетами (путь Казымской богини или легенда о братьях-богатырях с реки Амня). Такие комплексы выполняют религиозно-мифологическую функцию и вместе с тем являются своеобразной картой, которая помогает организовывать, идентифицировать и членить местность. Подобные топонимические легенды могут быть использованы и для реконструкции хантыйской мифологии.

Проведенное Т. Н. Дмитриевой исследование образности в хантыйской топонимии важно, помимо прочего, для исследования субстратной топонимии севера Европейской части России. Последняя создавалась носителями промысловой культуры, а значит, в ней особое место занимает образная система, что далеко не всегда учитывается исследователями, подходящими к ней с позиций современных представлений, а не того «мифологического видения» местности, которое было присуще древним обитателям севера. Для реконструкции древних пластов топонимии европейского Севера существен и вывод о значительном числе ситуативных, событийных названий в обществе, где господствует промысловое хозяйство. В материалах по хантыйской топонимии, как явствует из исследования Т. Н. Дмитриевой, такие названия составляют значительный процент. При этом некоторые ситуативные или образные интерпретации были бы не столь убедительны, если бы не опирались на полевые материалы автора (например, в связи с *šameš* 'болотный мох') и не сопровождались бы фактами из области этнографии, истории, фольклора (ср. традиционное для фольклора ханты восприятие высо-

кого обрывистого берега в образе лица, а растительности на горе как волос или платка). Привлекая объяснения информантов, автор стремится выявить и случаи народной этимологии, что, впрочем, не всегда просто. Поэтому нельзя исключать, что среди топонимов, интерпретируемых информантами, а вслед за ними и автором, как событийные, на самом деле есть названия с иной мотивацией.

Отдельной положительной оценки заслуживает предложенная в данном разделе реконструкция ряда хантыйских лексем, вышедших из активного употребления, но сохранившихся в топонимах, а также выявленный автором значительный этнокультурный потенциал географических названий ханты. Отмечу в качестве примера безусловно ценный материал по хантыйским антропонимам, отразившимся в топонимах и рассматриваемых автором в контексте этнической истории ханты.

Самостоятельную ценность имеет раздел исследования, связанный с изучением лингвоэтнических контактов и их отражением в топонимии. Основные идеи данного раздела могут быть объединены в два блока.

Первый связан с этногенезом казымских ханты и этнической историей территории Казыма. Приводятся убедительные топонимические свидетельства контактов ханты с ненцами, коми, манси. В совокупности с историческими данными они свидетельствуют об участии названных этносов в формировании хантыйского населения Казыма и подтверждают позднее появление ханты на этой территории. Последнее обстоятельство объясняет исключительную этимологическую и семантическую прозрачность здесь топонимии ханты и одновременно ставит вопрос о причинах плохой сохранности дохантыйского субстрата. В самом деле, почему в хантыйской по употреблению системе топонимов практически лишь ряд речных наименований воспринят у предшественников, на уровне же микротопонимии таких названий нет (или почти нет)? Обусловлено ли это каким-то особым характером взаимоотношений или автор просто не ставил своей задачей их раскрытие?

Отдельно следует отметить предложенный в работе разбор ненецких топонимов Казыма. Географические названия местных ненцев – белое пятно на топонимической карте Западной Сибири, что еще больше повышает ценность исследования Т. Н. Дмитриевой.

Второй блок идей, связанный с отражением русско-хантыйских контактов, выводит на проблемы современного функционирования хантыйской топонимии и ее сохранения в той критической ситуации, которая сложилась в настоящее время. Промышленное освоение природных ресурсов края ведет к разрушению традиционной культуры ханты, смене этноязыкового сознания местного населения. Автор констатирует, что на Казыме пока еще сохраняются черты традиционного хозяйственного уклада, поэтому есть условия для сохранения хантыйской топонимии. Вместе с тем в топонимии уже присутствуют черты разрушения, наиболее наглядными из которых является то обстоятельство, что ханты дают географическим объектам русские названия.

В связи со сложившейся ситуацией автор совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости скорейшей выработки правил написания хантыйских топонимов в официальных источниках. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на то написание топонимов, которое предлагается в работе. Основанное на финно-угорской фонематической транскрипции, оно, конечно, не преследует цели выработки неких норм. Тем не менее автор стремится к унификации в написании, в частности, в русской передаче специфических хантыйских фонем, что, несомненно, ценно для становления правил написания. Однако один из наиболее сложных вопросов не только для хантыйских, но и для финно-угорских топонимов в целом – слитное или раздельное написание компонентов сложных названий остается нерешенным. Останавливаясь на раздельном написании, автор исходит из четкости в выделе-

нии компонентов, однако при этом нарушается восприятие названия как единого целого, происходит неразличение сложных и составных по структуре топонимов.

Завершая рассмотрение основных положений монографии, отмечу еще раз, что работа Т. Н. Дмитриевой вносит важный вклад в изучение финно-угорской ономастики. Вызывает истинное уважение стоящий за исследованием большой труд по сбору топонимии, постижению глубин языка и культуры ханты. Исследованию присуща научная основательность и добросовестность, а также увлеченность избранной темой – сочетание исключительно благодарное и творческое. Без него невозможно было бы сделать столь скрупулезное и качественное исследование.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. полиграфкомбината, 2002. – 424 с.

Рецензируемая книга посвящена историко-этимологическому анализу географических названий Республики Марий Эл [РМЭ]. В ней содержится более 8 500 статей, объясняющих названия деревень, сел, городов, лесов, гор, болот, оврагов, рек, озер, а также некоторых иных объектов РМЭ, ценных в историко-культурном отношении. При создании книги использованы предшествующие работы И. С. Галкина (статьи в выпусках сборника «Вопросы марийской ономастики» (1980, 1982, 1987, 1990, 2001), книги «Тайны марийской топонимики» (1985), «Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края» (1991)), а также материалы кандидатской диссертации О. П. Воронцовой (Терентьевой) «Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы)» (1994).

Композиционно книга делится на следующие части: предисловие (с. 3–4), введение (с. 7–22) и историко-этимологический топонимический словарь (с. 23–408). В конце книги указываются источники, список которых содержит 161 наименование (с. 409–414), и научная литература – 270 наименований (с. 415–422).

В предисловии О. П. Воронцова и И. С. Галкин кратко описывают структуру книги, характеризуют материалы и источники, использованные при ее создании.

Во введении обсуждаются проблемы марийской топонимастики и, в частности, вопрос о роли топонимических исследований в воссоздании истории марийского народа. В соответствии с этим в рамках введения авторами выделено два раздела: «История изучения марийской топонимии» (с. 7–14) и «Древние места проживания марийцев по данным топонимии» (с. 14–22).

В разделе «История изучения марийской топонимии» И. С. Галкин и О. П. Воронцова останавливаются на некоторых наиболее важных, на их взгляд, работах, а также отмечают то новое, что сделано за последнее время в изучении марийской топонимии. В разделе «Древние места проживания марийцев по данным топонимии» историческая реконструкция закономерно связывается авторами с проблемами топонимической стратиграфии и этимологии. Традиционно признавая наибольшую древность гидронимов, авторы уделяют особое внимание анализу формантов речных названий.

Гидроформантов, легко этимологизируемых на материале современного марийского языка, оказывается немного: *-нер*, *-енер*, *-ангер*, *-енгер*, *-ингер* (< мар. *энгер*, *а́нгёр* ‘река, водный поток’), *-ер*, *-яр/-йёр* (< мар. *ер*, *йёр* ‘озеро’), *-вож*, *-важ* (< мар. *вож*, *важ* ‘корень, развилка’) и *-киа* (< мар. *икса*, *иксă* ‘залив; проток из озера в озеро или другой ручей’). Гидроформантов, которые, по мнению авторов, не поддаются объяснению на материале марийского языка, насчитывается более 20. Кроме того, авторы обратили внимание и на довольно многочисленные бесформантные гидронимы, основы которых не имеют параллелей в современном марийском языке, ср.: р. *Ирка* (*Йыр*), р. *Южа* (*Юж*), р. *Юмочка* (*Юм*) и др. (с. 15).

Основываясь на результатах этимологического анализа гидронимов, И. С. Галкин и О. П. Воронцова заключают, что древние марийцы занимали достаточно обширную территорию между пермскими с севера (северо-востока) и мордовскими с юга (юго-запада) племенами, которая, очевидно, располагалась юго-западнее и западнее, чем зона расселения марийцев в настоящее время, и скорее всего на правом берегу Волги.

Признавая неоспоримую заслугу И. С. Галкина и О. П. Воронцовой, подготовивших к публикации крупномасштабное топонимическое исследование, нельзя не обратить внимание на ряд особенностей работы, вызывающих критические замечания, которые связаны главным образом с материалами топонимического словаря.

В справочной части, представляющей научное оснащение статей словаря, к сожалению, не приводятся и, соответственно, не разъясняются ономастические термины, используемые авторами в словарных статьях для указания на вид географического объекта. Эти термины, состоящие по преимуществу из греческих и латинских элементов, остаются непонятными для широкого круга читателей, которому адресована книга. Нет единообразия и в употреблении ономастических терминов самими авторами.

Так, для обозначения любого сельского поселения в одних случаях авторами используется термин *ойконим*, в других – *комоним* (с. 131, 133, 226 и др.). Изредка встречается *отойконимный комоним* (с. 131), а название поселка *Васильсурский* характеризуется как *ойконим отурбанонимный* (с. 50). (При этом следует заметить, что *Васильсурский* – *отастиионимный ойконим*, ср. г. *Васильсурск* в Нижегородской обл.)

Название дороги авторами словаря именуется *оронимом* (см., например, с. 238). Название реки *Чывыж* (с. 356) отнесено в словаре к *гелонимам*. Обозначение леса фигурирует в разряде *фитонимов*, ср.: *Торвуд* – *гидроним отфитонимный*, где *тор* ‘чернолесье’ (с. 323), *Шур-гыял* – *ойконим отфитонимный*, где *шур-гё* ‘лиственный лес’ (с. 388).

Отмеченные неточности затрудняют восприятие книги, однако при чтении словаря читатель сталкивается и с трудностями иного рода. Как уже говорилось выше, в топонимическом словаре авторы сделали попытку дать этимологическое объяснение более чем 8 500 географических названий. Будучи основной, т. е., безусловно, наиболее ценной, интересной и содержательной частью книги, топонимический словарь в то же время вызывает критику как в «техническом» и методическом отношениях, так и по существу предлагаемых этимологий.

В ряде случаев материалы статей содержат неточности, связанные с недостаточной изученностью географического объекта или неверной фиксацией его имени. Это, в свою очередь, ведет авторов к ошибочным этимологическим трактовкам. Так, рассматривая ойконим *Ружъял*, авторы выделяют в нем две части: *Руж* – гидронимический компонент и *ял* ‘деревня’ (с. 286). В действительности же, во-первых, ойконим имеет форму *Рушъял* (неофициальное название русской деревни *Тимофеево* Верх-Ушнурской сельской администрации Советского района), а во-вторых, реки с названием **Ружа* близ этой деревни, расположенной на берегу р. Малый Кундыш, нет. С учетом более точной формы *Рушъял* ойконим, очевидно, должен объясняться из *руш* ‘русский’ и *ял* ‘деревня’.

Подобная неточность может быть отмечена и в статье *Пижан* (офиц. *Пижанка*), где под этим названием указываются две речки: правый приток р. Ошлы и правый приток р. Петъялки (с. 264). Для второго гидронима данные приведены неверно: в действительности речка носит название *Пинжанка* (исходная марийская форма – *Пунча* «Сосновая») и является не правым притоком р. *Пёт* (мар. *Pötm*), а левым.

Обратимся теперь к наиболее принципиальной собственно этимологической стороне словаря И. С. Галкина и О. П. Воронцовой. Многие этимологии, безусловно, хорошо обоснованы и достаточно надежны – прежде всего те, которые сделаны с непосредственной опорой на данные современного марийского языка. В то же время для более древнего корпуса топонимов авторами избран весьма уязвимый принцип анализа, приводящий в конечном итоге к необоснованным и противоречивым выводам. По сути, И. С. Галкин и О. П. Воронцова в поиске этимологических решений следуют по чисто формальному пути, основываясь на внешнем сходстве разноразличных лексем, генетическая связь которых нередко недостоверна. Соответственно, в этих случаях столь же недостоверно определение исходных значений апеллятивов, лежащих в основе топонимов. Авторы не учитывают важного принципа, согласно которому этимологическое объяснение реликтовых названий невозможно без определения их языковой принадлежности, когда имеющиеся лингвистические факты подтверждаются историческими, археологическими, палеоантропологическими, физико-географическими и иными данными. Сведения такого рода представлены в книге И. С. Галкина и О. П. Воронцовой явно недостаточно. Более того, в ряде случаев авторы упускают из виду и собственно лингвистические факты – не учитывают данные лексикологии, лингвогеографии, исторической фонетики, а также оставляют вне поля зрения работы по марийской топонимии и по общим проблемам и методологии топонимастики.

В этой связи уместно обратиться к тем этимологическим статьям, которые содержат указанные недостатки.

Чодра-полко (с. 354). Объясняя этот ойконим, авторы пишут: «Апеллятив *чодра* < *чодыра* часто встречается в составе марийских топонимов, означает ‘лес’, этимологически связан с монг. *чодура* ‘черемуха’, вошел в марийский язык через соседние тюркские языки со значением ‘чаща, мелкий лес’».

По поводу этих утверждений необходимо, во-первых, отметить, что в монгольском языке черемуха обозначается лексемой *žimugusun*, в тувинском языке – лексемой *чодураа*. Во-вторых, предлагаемая диахроническая реконструкция сделана без учета данных финно-угорской исторической лексикологии и лексикографии. В статье [Куклин, 1990] подробно рассматривается «биография» слова *чодыра* ‘лес, лесной’ и показано, что это слово является исконно финно-угорским, восходящим к **чотра*, в отдельных диалектах праязыка **цотра*. Стечение согласных в середине слова было устранено уже на марийской почве вследствие развития между ними *ы*-образного призвука, который в настоящее время расценивается как самостоятельная звуковая единица; озвончение глухого *т* определила интервокальная позиция. В-третьих, авторами в данном случае не учитывается историческая ретроспектива. Жизнь древних мари в условиях темнохвойно-широколиственных лесов южной тайги и лесостепи заставляла их с большим вниманием относиться к лесным уголкам. Об этом достаточно убедительно свидетельствует наличие в диалектах марийского языка развитой номенклатуры для обозначения основных типов леса, выделяемых по растущим в нем породам деревьев, рельефу местности, привязке леса к определенному географическому объекту, величине, возрасту леса и т. д., ср., например: *шўргы чодыра* ‘смешанный лес’, *пич чодыра* ‘дремучий лес’, *сип чодыра* ‘непроходимый лес’, *тўм чодыра* ‘глушь, пуща’ и др. Не приходится сомневаться в том, что широкое распространение в марийском языке слова

чодыра ‘лес’ прямо связано с отображением ближайшей географической среды, т. е. лесного ландшафтного фона Урало-Поволжья.

Связанная с лесом номенклатура имела, разумеется, и у тюркских соседей древних мари, однако названия леса в тюркских языках (ср. башкир., тат. *урман*, чуваш. *вӑрман*) не связаны генетически с мар. *чодыра*. Что же касается чувашской лексемы *ҫатра* ‘хворост, кустарник, мелколесье’, то она, видимо, является заимствованием из горного наречия мариинского языка, где *цадыра* ‘мелкий и густой кустарник’. В связи с этим фактом заслуживают внимания наблюдения чувашского лексиколога Н. И. Егорова, отметившего, что тюркоязычные булгары (предки чувашей. – А. К.), сложившиеся как этнос в условиях степного кочевого образа жизни, не имели собственных слов, детально характеризующих лесной микроландшафт. Являясь в чувашском языке субстратной, связанная с лесом лексика составляет около 70 % всех мариизмов, причем основная ее часть употребляется только в узких ареалах северо-западных говоров чувашского языка [см.: Егоров, 1985, 60].

Чумбар (офиц. *Чумбари*) (с. 356). Этот ойконим квалифицируется И. С. Галкиным и О. П. Воронцовой как отантропонимный (отпрзвищный), восходящий к заимствованному русскими из татарского языка слову *чембари* ‘широкие кожаные или холщовые шаровары’, ср. тат. *чамбар*, *чымбар* с тем же значением. В связи с этой версией прежде всего следует отметить, что тюркское слово *чамбар* в русских говорах РМЭ не засвидетельствовано. Как показано Р. А. Юналеевой, лексема *чамбары* с вариантами *чембары*, *чумбары*, *чанбары*, *ченбары*, отсутствующая в русском литературном языке, встречается в строго очерченном диалектном ареале – уральско-сибирских говорах [см.: Юналеева, 1982, 67]. Как и в предыдущем случае, предлагаемая авторами этимологическая трактовка топонима основана на сопоставлении лексем разных языков только с учетом их внешнего созвучия – без соотнесения лексических фактов с реалиями жизни мариинского народа, без привлечения данных лингвистической географии и без опоры на исторические факты.

В то же время при обращении к археологическим материалам обнаруживается, что до прихода мари у истока р. Малый Кундыш и в ее верхнем течении, где находится д. Чумбар, обитали древние удмурты [см.: Спицын, 1889, 34]. По свидетельствам других источников, вся северо-восточная часть Марий Эл до появления здесь мари была заселена удмуртами [см.: Янтемир, 1927а, 1927б, 1929]. Значительная часть удмуртов под давлением переселявшихся сюда мари ушла за Вятку, последние же, в свою очередь, были вытеснены русскими переселенцами из Костромского Поволжья и Поветлужья. Эти данные позволяют соотнести с рассматриваемым названием удмуртские топонимы *Чумбэр*, *Чум бэр шур* (Увинский р-н Удмуртии) [см.: Кириллова, 1992, 139], ойконим *Чумберьяг* (Балезинский р-н) [СГНУ, 145] и *Чумвырсик* (название леса в д. Быги Шарканского р-на) [см.: Атаманов, 1988, 148].

Учитывая структуру удмуртских топонимов, ойконим *Чумбар* следует считать составным, образованным из основ *чум* и *бар*. Первый компонент соотносится с совр. удм. *чум* ‘клеть, амбар (для одежды)’ [УРС, 479], причем по данным удмуртской топонимии у этого слова известно еще два значения (возможно, более старых): ‘шалаш; лесная (охотничья) избушка’ [Атаманов, 1988, 148]. Вторая часть рассматриваемого ойконима сопоставима с удм. *выр* ‘холм, возвышенность; пригорок’, заимствованным, вероятно, из пермских языков, ср. коми-зыр. *вӧр* ‘лес’, восходящее к доперм. **wara* ‘лесистая возвышенность’ [КЭСК, 67]. Появление *b* на месте *v* в ойкониме-комposite *Чумбар* объяснимо прогрессивной контактной ассимиляцией по способу образования, происшедшей скорее всего на мариинской почве: в качестве подтверждения можно привести аналогичное позиционное изменение фрикативного *β* в смычный *b* в большинстве диалектов мариинского языка. Что касается семантики ойконима *Чумбар*, то есть основания думать, что первоначально он обозначал охотничью

или другую избушку (лачугу, шалаш) на лесистой возвышенности. Ландшафт местности и местонахождение деревни вполне оправдывают такое предположение.

Ронго (офиц. *Ронга*) (с. 285). В этом речном названии авторами словаря выделяется основа *рон* (*ронь*), сопоставляемая с коми лексемой *рунь* (*зыны*) 'тихо, лениво идти, брести'. Ауслautный элемент *-га*, по их мнению, является гидроформантом. Исходя из этого, название истолковывается как «тихая, медленно текущая река». Однако авторы упускают из виду лингвогеографические данные: кроме территории РМЭ, гидроним известен в других регионах России, ср., например, название притока р. Оять *Ронга* (Ленинградская обл.). По мнению И. И. Муллонен, этот гидроним восходит к саам. *roŋ'ŋ'*, *roŋ'k'* 'углубление', *jokk-roŋ'ŋ'* 'русло реки' [см.: Муллонен, 1988, 79]. Принимая во внимание некоторые физико-географические особенности р. Ронга РМЭ (в частности, извилистое русло), можно сопоставить гидроним и с саамской лексемой *roniek* 'извилистый' [Lagercrantz, 737].

Возможность привлечения саамских данных в рассматриваемом случае обусловлена наличием некоторых – по-видимому, весьма древних – саамско-марийских лексических параллелей, не имеющих продолжений в других финно-угорских языках. Так, марЛ *шӱргӱ* 'лиственный лес', марГ *шӱргӱ* 'лес' генетически связаны с саамской лексемой *sargga* 'густой лес'. Между саамским и марийским языками известны и некоторые фонетические соответствия, например, в позиции первого слога марЛ *я*, марГ *й* ~ саам. *a* или *á*, ср.: марЛ *ӱни* ~ саам. *aps* 'запах'; марЛ *вӱр*, марГ *вӱр* ~ саам. *vârrá* 'кровь'; марЛ *кӱр*, марГ *кӱр* 'лубок' ~ саам. *gârrá* 'кора' и др. [см.: ОФУЯ, 1974]. В свете этих данных нельзя не согласиться с мнением Б. А. Серебrenникова, согласно которому «некоторые специфические изоглоссы, связывающие саамский язык с марийским, свидетельствуют о том, что саамы формировались на какой-то более южной территории» [ФВЯО, 1989, 9]. Исходя из топоизоглосс, можно предполагать, что территория эта находилась в южно-таежной области Вятского увала, в пределах бассейнов рек Малый Кундыш, Ронга, Ургакш, Шуя, Шукшан и Немда. Дополнительным подтверждением древних марийско-саамских связей служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы [см.: Халдеева, 1992, 35–36].

Янгранур (офиц. *Янгранур*). Этот ойконим справедливо членится авторами словаря на две части: *Янгра* и *нур* 'поле, поляна'. Элемент *Янгра*, по их мнению, является собственным именем, восходящим к чувашскому апеллятиву *йанкӑра* 'звонкий, т. е. кричащий звонким голосом'. Такое толкование нельзя признать приемлемым. По рассказам старожилов, селение Янгранур основали в 1790–1800 гг. выходцы из деревни Тумьюмучаш. Облюбовав место около восьми ключей, у самого истока реки Шуй, они сожгли в лесу много полусгнившего валежника и поваленных деревьев, называемых по-марийски *янгар кашка* [см.: СР, 2004, 162]. Место огнища, предназначавшееся для распашки, со временем превратилось в поле. То, что элемент *янгра* восходит не к антропониму, а к апеллятиву, подтверждают и собственные языковые данные: кроме упомянутого *янгар кашка*, ср. *янгар пу* 'сгнивший валежник', а также марГ *йӱнгӱр* 'гнилое дерево'. При образовании топонима или позднее произошла метатеза *янгар* > *янгра*. Таким образом, компонент *янгар* не связан с чувашским словом *йанкӑра* 'звонкий' – название должно истолковываться как «поле со сгнившим валежником».

Торъял (с. 327). Интерпретируя этот ойконим, О. П. Воронцова и И. С. Галкин, солидаризируются с мнением И. Г. Иванова и утверждают, что *Торъял* – это «деревня у чернолесья». Фактически же слово *тор*, известное в северо-западном наречии марийского языка, не является наименованием чернолесья, а имеет значение 'чащоба, густая заросль', ср. *изи тор* 'небольшая чаща (заросль)', *кугу тор* 'большая чаща (густая заросль)', *эгыжтор* 'густая заросль малины'. Подобные примеры показывают, что компонент *тор* неизменно является постпозитивным. Кроме того, свойственные северо-западному наречию черты в зоне рас-

пространения сернурского говора лугового наречия марийского языка, и в частности в речи торъяльских мари, не обнаружены. Стало быть, о сохранении реликта лексического характера в ойкониме *Торъял* не может быть и речи. Поэтому нельзя считать состоятельной попытку истолковать этот ойконим из диалектного слова *тор*, приписав ему к тому же неверное значение. Остается заметить, что М. Н. Янтемир, описывая Торъяльский кантон Маробласти, привел названия крупных, средних и малых рек, среди которых фигурирует *Тор*. На берегу реки *Тор* находится *Старый Торъял* [см.: Янтемир, 1929, 8]. Таким образом, очевидно, что ойконим является отгидронимным: *Торъял* – «деревня на реке *Тор*». Этот вывод согласуется с отмечаемой в марийской топонимии продуктивностью именования селений по рекам.

Идалмаш арка (возвышенность на территории Красноярской сельской администрации Звениговского р-на) (с. 74). Авторы считают первый компонент этого микропонима дохристианским марийским личным именем, восходящим к тюркскому *Италмас*, которое, по их мнению, состоит из двух основ: *ит* ‘собака’ и *алмас* ‘не возьмет’. О происхождении лексемы *арка* в статье ничего не сообщается. Такая трактовка находится на грани народной этимологии, основанной на чисто внешнем сходстве слов. Судя по всему, данное название является субстратным: компонент *Идалмаш* может быть сопоставлен с удмуртским *италмас* ‘купальница европейская’, а лексема *арка* в диалектах удмуртского языка известна в значениях ‘хребет (верхняя часть холма), цепь (гор)’ и ‘роща; кустарник, кусты’ [УРС, 32]. Поскольку купальница не встречается на возвышенностях, а растет на сырых лугах, лесных полянах и в зарослях кустарников, название *Идалмаш арка* должно, вероятно, объясняться как ‘роща, где растет купальница». Справедливость такого объяснения подтверждается и физико-географическими реалиями местности.

Дальнейшие перспективы этимологических исследований, и в частности составление топонимических словарей, будут зависеть от того, насколько последовательно реализуются в них принципы системности и историзма, тем более что этимологические решения в области топонимии, основанные на «узколингвистическом» подходе, часто бывают шаткими и недостоверными. Надежная этимология возможна лишь в контексте широкомасштабных историко-культурных исследований, включающих изучение материальной и духовной культуры народов – как родственных, так и неродственных, связанных отношениями исторического соседства. Поэтому наряду с максимально полным привлечением собственно лингвистических материалов этимология должна предполагать опору и на данные других наук, прежде всего истории, археологии, этнографии и географии.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.

Егоров Н. И. Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 55–66.

Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Ижевск, 1992.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск, 1988.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

СГНУ – Словарь географических названий Удмуртской АССР. М., 1980.

Спицын А. А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 1. М., 1893.

СР – Советский район. Сборник документальных очерков. Йошкар-Ола, 2004.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

- ФВЯО – Финно-волжская языковая общность. М., 1989.
- Халдеева Н. И.* Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.
- Юналеева Р. А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Оршанский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 6. Краснококшайск, 1927а.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Сернурский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 7. Краснококшайск, 1927б (на обложке: Йошкар-Ола, 1928).
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Торъяльский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 8. Йошкар-Ола, 1929 (на обложке 1930).
- Lagercrantz E.* Lappischer Wortschatz, I–II // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, VI. Helsinki, 1939.

А. Н. Куклин, докт. филол. наук, профессор,
зав. кафедрой марийского языка и литературы
Марийского пед. института им. Н. К. Крупской
(Йошкар-Ола)

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 255 с.

Существуют две автономные области в русском языкознании, которые одинаково хорошо распространяются на все уровни языка и все жанры, но всегда сохраняют при этом свою специфику – акцентология и ономастика. Внимание к именам собственным с незапамятных времен настолько велико, что еще у Мелетия Смотрицкого разделение на собственные и нарицательные выносятся на первое место для имен, еще до разделения их на существительные и прилагательные. Однако в данной книге имена лиц рассматриваются прежде всего в прагматическом измерении, и это обеспечивает ей особую актуальность и передовые позиции в новейшей науке. Неуместно говорить об антропоцентрическом подходе там, где кроме человека никого и нет и никакого иного подхода нельзя себе и представить, но здесь акцент переносится с имени на связь между именем и социально определенным лицом со всеми его правовыми и частными ролями.

Каждая глава книги имеет самостоятельное научное значение и содержит существенные выводы, важные не только для филологии, но и для истории общественно-правовых отношений на Вологодской земле в XVII в. Материал излагается очень последовательно и увлекательно, несмотря на сложные научные проблемы, решаемые в монографии.

Из трех возможных аспектов исследования – номинативного, коммуникативно-прагматического и стилистического – в качестве базового выбирается коммуникативно-прагматический. Такой подход больше всего соответствует избранному кругу текстов-источников и позволяет наиболее полно представить употребление в них антропонимов. В семантике имени собственного выделяется модально-экзистенциальный компонент, который противопоставлен коннотативному компоненту, присущему и значению имени нарицательного (с. 32). Это позволяет поднять вопрос об особой модальности онимов, которые показывают не про-

сто реальное существование названного предмета, но еще и способ вхождения его в мир говорящего. В книге подробно обсуждаются вопросы о невоплощенных, потенциальных (или виртуальных) именах, номосфере, функциях апеллятивов при именах собственных, границах формо- и словообразования онимов.

Особое внимание уделяется проблеме варьирования имени собственного, правда, не везде удастся выяснить направление изменения имени, поэтому помимо деривационной связанности (*Михаил – Миша*) приходится выделять простую соположенность (*Варфоломей – Вахромей*).

Отмечается, что фамилии образуются по тем же моделям, что и патронимы, указываются средства разделения тезоименитых лиц (частица *же*, отчество и т. д.). В челобитных же, наоборот, поскольку нет необходимости показывать внутрисемейные отношения и дифференцировать себя, имена часто даются без отчеств и фамилий. Здесь индивидуализирующая функция превалирует над дифференцирующей. То же самое наблюдается и во внутримонастырских хозяйственных книгах, в которых также упоминается только личное имя в расчете на тот круг лиц, которому носитель имени хорошо известен. Описываются средства повторной номинации лица в тексте: указательные местоимения, родовые апеллятивы. Особо рассматриваются посессивные отношения, возникающие в двух- и трехкомпонентных антропонимах, из которых вырастают отчества и фамилии. Не очень понятно только, зачем к их анализу привлекается категория модальности.

Со всех возможных сторон рассматривается мотивация антропонимов, дифференцируются понятия некалендарных имен и прозвищ и их функции. Особо следует отметить детализацию процесса возникновения фамилий из прозвищ: делается уверенный шаг от грубой и приблизительной этимологии патронимов к точной и документированной истории их появления и бытования. По частным жанрам деловой письменности последовательно прослеживается историческое движение от неопределенности к определенности антропонимической номинации (см. ниже).

От главы к главе прагматическая составляющая книги усиливается: подробно анализируются ситуации речи, производится прагматически ориентированная классификация контекстов (субъективные, объективные, смешанные) и типов референции (неопределенная, определенная генерализирующая или индивидуализирующая референция). Во многих случаях подчеркивается степень определенности имени: если неизвестно имя отца, то это оговаривалось. Иногда лицо вообще не отождествляется и имя остается без референции.

За счет тщательного выделения прагматических факторов автору удается показать яркую картину делопроизводства на Вологодской земле в XVII в. Деловая письменность строго дифференцируется по жанрам, которые по-разному отражают антропонимию (частно-деловая письменность и официально-деловая, к которой относятся общегосударственные, правительственно-административные и прочие документы волостного уровня). Дозорные книги фиксировали все облагаемые государственными повинностями дворы, по ним можно проследить сокрытие и возврат учета лиц в условиях Смутного времени. Переписные книги охватывают только тяглые дворы, а не всякие угодья и промыслы, причем строго различаются ответственные отцы семейств и разные «захребетники» с ограниченными правами. Особый жанр представляли собой крестоприводные книги, перечислявшие всех тех, кто целует крест на верность царю. Здесь лучше отражается всякого рода мещанское и ремесленническое городское население – посадские люди; всем приезжим давались прозвища оттопонимического происхождения. В таможенных книгах удерживался принцип равноправия именования торговых партнеров. В челобитных именуемое лицо попадает совсем в другую позицию – уже не объекта, а субъекта речи, поэтому подписи имеют самоуничижительный характер.

Именование регулировалось особыми наказами называть, например, «по имяном с отцы и с прозвищи». Поскольку одно и то же лицо в разных документах должно быть названо одинаковым образом, способ именования повторялся (в дозорных и сотных книгах с середины XVI в. преобладают двухкомпонентные антропонимические формулы). Эти все более или менее строгие требования побуждали составителей официальных книг выписывать третий, постоянный для семьи компонент имени, который мы теперь знаем как фамилию. Все исключения из правила тщательно анализируются и для их объяснения отыскиваются частные социально-исторические причины. Например, именование налогоплательщика хорошо отражает его социальный статус: бобылей и безземельных крестьян именовали не так, как семейных и с наделами; бывшие владельцы, не платящие налоги и не имеющие тягло, назывались более коротким способом, батраки (половники) – личным именем и прозвищем.

К несомненным достижениям книги относится применение категории модальности к антропонимии. Распространение категории с глагола и формообразования на имя и словообразование, а также прагматику номинации в тексте вполне оправдано с точки зрения функциональной грамматики. За счет этого удалось, в частности, уточнить группы субъектов, именуемых в документах при помощи антропонимов: 1) субъекты правовых и других отношений, субъекты обладания имуществом, субъекты описываемых действий; 2) субъекты знания, восприятия, речи; 3) субъекты, заверяющие подлинность документа.

Никаких особых содержательных замечаний монография не вызывает. Можно выразить сожаление по поводу излишне скромного и, так сказать, некоммерческого, нерекламного ее заглавия. Теоретические проблемы ставятся и решаются здесь настолько широко, что следовало бы содержание подзаголовка вынести в основное заглавие (например, «Категории определенности/неопределенности, посессивности и модальности русской антропонимической номинации»), а содержание основного заглавия перенести в подзаголовок («на материале...»). Это сразу расширило бы круг потенциальных читателей книги. Очень не хватает алфавитного списка всех имен собственных, упоминаемых в работе. Это несколько снижает ее достоинства справочного характера.

В целом рецензируемая книга настолько существенно обогащает наши представления о путях и способах именования лиц в период, непосредственно предшествовавший Петровскому времени, что ее выход в свет стал крупным событием в новейшей русской филологии.

Д. Г. Демидов, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
Санкт-Петербургского гос. университета

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.

Книга, о которой пойдет речь, возникла как итог творческого взаимодействия двух близких наук: ономастики, исследующей собственные имена, и лингвистики текста, изучающей закономерности построения, функционирования и восприятия различных текстов. Нужно признать, что в русской ономастике в силу ряда причин эта пограничная область, определяемая кругом вопросов *имя собственное ↔ текст*, оказалась явно недостаточно разработанной. Основываясь на достижениях многих зарубежных (и в первую очередь немецких)

ономатологов¹, данная монография вносит заметный вклад в ее изучение и закладывает фундамент для дальнейших ономастических исследований.

Автором при этом выделяются три блока проблем:

1) проблемы, касающиеся введения имени в текст: выявление интродуктивных стратегий, анализ языковых средств реализации этих стратегий и разграничение типов текста в аспекте ввода ономастической информации;

2) проблемы, касающиеся функционирования имени в тексте: рассмотрение парадигматических и синтагматических связей имени в тексте, анализ распределения имен по различным текстовым зонам («микрожанрам», как вслед за А. Я. Шайкевичем называет их автор) и ономастического маркирования различных регистров повествования, изучение различных стилистических эффектов, индуцируемых именами, и т. п.;

3) проблемы, касающиеся выхода онима за пределы данного текста и возникновения интертекстуальных связей имени.

Впрочем, указав на три блока проблем, автор книги в дальнейшем полностью сосредоточивает свое внимание на первых двух, оставив круг вопросов, связанных с интертекстуальным аспектом функционирования собственных имен, в качестве перспективы дальнейшего исследования. Таким образом, в фокусе исследовательского внимания оказывается оним как лингвистическая единица, функционирующая в тексте и интерпретируемая с точки зрения реализации его функциональных отношений внутри текста. Монография включает в себя семь глав, каждая из которых освещает определенный аспект этих функциональных отношений. Достаточно логичной представляется общая композиция книги, определяемая центробежным движением авторской мысли от онима как единицы языковой системы к исследованию синтагматики и парадигматики собственного имени в тексте, когда рассмотрению последовательно подвергаются сначала отношения между ономастическими компонентами составного онима и отношения имени с его ближайшим апеллятивным окружением (микротекстология имени), а затем стратегии интродукции онима, его функциональный потенциал в целом тексте и категория безымянности как особый прием, структурирующий концептуальный план текста (макротекстология имени). В последней главе своего труда автор выходит за пределы текста и обращается к имени как единице дискурса, участвующей в речевом взаимодействии коммуникантов. Мне кажется вполне уместным в данной рецензии принять эту логику построения книги и последовательно рассмотреть ее разделы.

В первой главе, отчасти берущей на себя роль введения, делается попытка представить тезаурусную статью термина «собственное имя», обобщив в ней существующие взгляды на природу онима как единицы языковой системы. Нельзя не согласиться с автором, когда он пишет об эффективности этого типа дефиниции по отношению к такому сложному и поразному осмысляемому объекту, каким в современной лингвистике признается собственное имя. Максимально упрощая толкование термина и помещая в тезаурусную часть и комментарий к ней описание многочисленных смысловых оттенков термина и его производных, автор в лаконичной и удобной форме дает представление о лингвистической природе собственных имен и их языковом статусе. Вместе с тем упрощение дефиниции неизбежно влечет за собой увеличение и усложнение комментария к ней, на разделы которого и переносится

¹ Библиография книги включает 361 работу, 148 из которых (более 40 %) на иностранных языках. Особенно полно представлена немецкая литература по ономастике, среди которой немало работ, ставших классическими в немецкоязычных (и не только) странах, но почти неизвестных у нас. Таким образом, рецензируемая монография берет на себя дополнительную функцию – познакомить российских ономатологов с достижениями их европейских коллег.

в данном случае фокус дискуссионности. Однако нужно признать, что далеко не всегда в комментарии автором отражается дискуссионный характер отдельных параметров, неоднозначность, а порой и противоречивость их понимания исследователями. Приведу два примера, касающихся важного для понимания сущности собственных имен вопроса об отношении онима и слова.

Комментируя параметр «вид/род», автор указывает (на с. 19), что гиперонимом, реализующим онтологический род для рассматриваемого термина, является имя существительное. Тем самым собственное имя, будучи введено в частеречную парадигму, имплицитно как бы приравнивается к слову, заведомо приобретает его признаки, тогда как в определении собственного имени и далее в тезаурусной части автор сам говорит о принадлежности к собственным именам не только слов, но и словосочетаний. Более того, можно легко привести многочисленные примеры использования для индивидуализирующей номинации в русском языке также предложений (например, при назывании литературных произведений или фильмов): «Как закалялась сталь», «И дольше века длится день», «Когда деревья были большими», «Никто не хотел умирать» и т. п. В других языках подобные имена собственные, восходящие к словосочетаниям и предложениям, можно найти и среди топонимов, и среди антропонимов, и внутри прочих ономастических разрядов. Таким образом, онимом может стать практически любая языковая единица, способная к выполнению номинативной индивидуализирующей функции. Поэтому все чаще ономатологами высказываются требования осознанного и четкого разграничения понятий «слово» и «собственное имя» [см., например: Матвеев, 2004] и возражения против рассмотрения ономастики как составной части лексикологии. Думается, окончательное решение этого вопроса впереди, однако обзор различных точек зрения на отношение имени и слова, как, впрочем, и большая определенность авторской позиции в этом вопросе, увеличили бы информативность и глубину комментария.

Далее, функциональным гиперонимом для термина «собственное имя» автор предлагает считать выделяемый им вслед за Ю. С. Степановым класс «эгоцентрических слов», «которые ориентированы на “я” говорящего» (с. 19–20). Без сомнения, выделение данного класса, предлагаемое Ю. С. Степановым с общих лингвосомиотических позиций, может быть вполне продуктивным и для ономастики, но при условии решения ряда конкретных вопросов. Так, если согласиться с утверждением, что собственное имя есть разновидность эгоцентрических слов, необходимо признать, что любой оним и при любых обстоятельствах ориентирован на «я» говорящего. Но всегда ли это соответствует действительности? Ю. С. Степанов в цитируемом фрагменте своей книги ведет речь лишь о собственном имени индивида, которое «является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида... который обозначает первого» (Там же). Если распространять это мнение на онимы всех других разрядов (топонимы, эргонимы, астронимы и т. д.), то понятие личной сферы говорящего настолько расширяется, что теряет всякую определенность и, по сути, превращается в понятие индивидуальной картины мира. К примеру, когда я пишу *В сентябре 2006 года в Феодосии состоялись XIX Гриневские чтения*, я выражаю при помощи лингвистических средств (в том числе и собственных имен) свое знание о некотором факте реальности, актуальном для меня в каком-либо отношении на данный момент времени. Но можно ли на основании этого делать вывод, что топоним *Феодосия*, за которым стоит достаточно определенное и в значительной части общее для носителей русского языка представление о называемом объекте, входит в класс эгоцентрических слов? Это кажется весьма проблематичным и, во всяком случае, нуждающимся в дополнительных объяснениях; неясно, в частности, в чем именно проявляется ориентированность данного топонима на «я» говорящего и каковы критерии выявления этой ориентированности.

Если же признать, что не все онимы и далеко не всегда относятся к эгоцентрическим словам, возникает вопрос о правомерности присвоения этому классу статуса гиперонима. Здесь, мне кажется, стремление автора работы к лаконичности конструируемого тезауруса приводит к недостаточной ясности при решении поставленной проблемы.

Интересной представляется и затронутая автором во второй части данной главы проблема трактовки ономастической семантики. Справедливо подвергнув критике взгляды некоторых представителей классической и каузальной теорий референции на имя собственное и основываясь на получающем в последнее время все большее признание коммуникативно-прагматическом подходе к его функциональному описанию, автор трактует ономастическую семантику через понятие ономастической информации, под которой понимает «имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о СИ (собственном имени. – А. Ф.), куда входят информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации/коннотации, которыми обладает данное СИ для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» (с. 29–30). Этот информационный комплекс, связанный у реципиента речи с конкретным именем, автор, вслед за А. Д. Шмелевым, предлагает обозначить термином «мысленное досье». Таким образом, реципиент, распознавая в тексте собственное имя и устанавливая его референцию, опирается при этом на открытое ранее или открываемое в данный момент досье. Закономерным представляется в этой связи и обращение автора к выросшей из потребностей развития искусственного интеллекта концепции Э. Ханзака, где собственные имена рассматриваются в качестве своеобразных индексов, отсылающих к закладываемой информации об уникальных объектах. Компьютерная терминология, при помощи которой в духе времени сформулирована эта концепция, опирается, в сущности, на тот же самый тезис о наличии связи между именем и соответствующим ему ментальным представлением объекта, что и концепция А. Д. Шмелева. Вообще, как бы ни называть информационный массив, стоящий за вводимым в текст онимом, и в каком бы аспекте ни рассматривать его, несомненно, что признание семантической нагруженности онима обусловлено принципиальным учетом позиций продуцента и реципиента текста, признанием за каждым из них его собственной ментальной модели мира, которые находят свое отражение в порождаемом или воспринимаемом тексте. Думается, именно исключение из рассмотрения фигур продуцента и реципиента, их ментальных миров, ориентация на обезличенную и «спрямленную» связь языка и реального мира приводила сторонников С. Крипке к тезису о семантической пустоте собственных имен.

Также интересной, хотя и нуждающейся в большей конкретизации, кажется декларируемая автором идея К. Хенгста о шести уровнях структуры текста (с. 31–33). Стоило, на мой взгляд, больше места в монографии уделить изложению ее оснований и логической структуры. Пожалуй, излишне лаконично (в пределах одного абзаца) изложено и значение данной модели для анализа поэтонимии. Если она кажется исследователю перспективной в качестве базиса для анализа собственных имен, то неплохо было бы показать, в чем именно состоит ее перспективность. Добавлю также, что данная модель, несомненно, выиграла бы в эффективности, если бы применение ее было проиллюстрировано в работе на материале различных русскоязычных текстов.

Вторая глава монографии посвящена изучению взаимодействия онима с его ближайшим контекстом, т. е. тому аспекту анализа, который автор (вполне удачно, по моему мнению) называет микротекстологией имени. В нескольких разделах этой главы рассмотрены типы и функции аппеллятивных единиц, сочетающихся с ономастическими знаками в комплексные номинативные единицы, а также отношения, возникающие внутри этих единиц между аппеллятивными и ономастическими компонентами. В частности, в работе на разнообразном материале показаны функции этнонимов, входящих в состав номинативных единиц и служа-

щих инструментом для различных риторических приемов; с той же точки зрения исследованы наименования лиц по профессии, так называемые маркеры вежливости (*господин, товарищ, мадам* и т. п.) и лексемы, указывающие на социальный статус носителя имени. Отдельный раздел посвящен автотимному использованию собственных имен при апеллятивах, которое имеет место в случае употребления специальных сигналов такого использования *по имени, по фамилии, по кличке* и т. д. Тонкий и интересный анализ позволяет автору выявить ряд закономерностей во взаимодействии апеллятивного «конвоя» (как несколько экстравагантно, но выразительно называется в работе ближайшее апеллятивное окружение онима) и собственного имени. Так, важным и убедительным представляется вывод автора о трех возможных стратегиях подачи ономастической информации в тексте – ономастически приоритетной, медиальной и аддитивной, – который подтверждается результатами проведенного эксперимента по группировке различных апеллятивных единиц относительно онима.

Значительный раздел данной главы посвящен анализу сочетаний антропонимов с адъективами. В работе убедительно показано, что вопреки известному тезису о слабой сочетаемости адъективов с собственными именами в художественной и публицистической речи (т. е. там, где к представлению информации предъявляются требования одновременной компактности и экспрессивности) такие сочетания фиксируются регулярно. Н. В. Васильева демонстрирует разнообразие подобных именных групп, их обусловленность макроконтэкстом произведения и авторскими установками на формирование определенного отношения к номинируемому лицу. Специально ею рассмотрены лингвистические эффекты, возникающие при взаимодействии имени с прилагательным и направленные как на оним, так и на сопутствующий ему адъектив. В конце данного раздела автор приходит к выводу, что сочетания онимов с адъективами явно не нейтральны в аспекте выявления различных идиостилей и «пристрастие к определенным сочетаниям становится заметной характеристикой идиостиля» (с. 72). Соглашаясь с возможностью и необходимостью исследования подобных именных групп в указанном аспекте, отмечу все же, что без количественных данных по различным произведениям многих писателей и без сравнения их между собой сделанный вывод носит явно гипотетический характер.

Завершается вторая глава разделом, в котором анализируется эстетический эффект, возникающий при номинации героев «Диких животных сказок» Л. Петрушевской комплексными единицами, составленными из узальных антропонимов и апеллятивных лексем, обозначающих животных. Подобные номинативные группы, по мнению автора, отражают специфику художественной реальности, формируемой данным текстом, суть которой состоит в непривычной и контрастной совмещенности двух миров – мира людей и мира животных. На основе такого слияния разнородных лингвистических и образных структур строится концептуальный план текста, а собственные имена вследствие их необычного употребления приобретают статус особого художественного приема. Здесь, таким образом, автор выходит за пределы непосредственно лингвистического описания и обращает внимание на эстетические задачи, определяющие номинацию в художественном тексте. Этот раздел стал, пожалуй, наиболее интересной частью второй главы, и остается лишь пожалеть о его некоторой иллюстративности и недостаточной развернутости. Думается, что и вся глава выиграла бы, если бы автор не ограничился констатацией обнаруженного художественного приема, а остановился подробнее на ассоциативно-образном потенциале данных номинативных единиц, способствующем эффективной реализации указанного приема. Попутно отмечу не очень точную формулировку в названии раздела («Апеллятивный идентификатор как прием»). На мой взгляд, приемом в данном случае следует считать не употребление апеллятива в составе номинативной единицы, а, скорее, нетривиальное использование онима в отношении нетипичного объекта художественного мира. Иными словами, правильнее было бы говорить о том, что приемом

в данном тексте является конструирование и использование автором в тексте номинативной единицы в ее совокупности, так как именно контрастное сочетание ее компонентов, собственно, и приводит к эффекту совмещенности миров.

В целом вторая глава монографии дает обширный материал для осмысления той взаимозависимости, которая, безусловно, существует между единицами лексического и концептуального уровней текста и которая нередко остается без внимания специалистов по литературной ономастике, обращающихся непосредственно к парадигматике онимов, игнорируя их синтагматические связи.

Из немногочисленных и не носящих принципиального характера замечаний ко второй главе выскажу лишь одно. Мне не кажется удачным выбор термина «идентификатор» для обозначения апеллятивного компонента комплексной номинативной единицы. Дело в том, что он способствует созданию ложного впечатления, будто функция идентификации, свойственная подобной единице, реализуется в первую очередь через нарицательное существительное, в то время как оним остается к этому непричастным. Действительно, если мы вслед за автором называем апеллятив *девочка* в составе номинативной единицы *девочка Маша* идентификатором, то тем самым приписываем ему идентифицирующую значимость, позволяющую отграничить в разных ситуациях обозначенное лицо от *Маши*, не являющейся девочкой; однако наш языковой опыт подсказывает, что гораздо чаще подобная единица, идентифицируя конкретное лицо, отличает его от девочки Кати, девочки Юли и т. д. Иначе говоря, главным идентификатором лица в составе подобных комплексных единиц является все же оним, а не апеллятив, у которого совсем другая задача: он вводит предмет в класс ему подобных предметов. Функция идентификации, вытекающая из самой лингвистической природы собственного имени, является важнейшей прежде всего для онима, и не случайно Н. Д. Арутюнова называет собственные имена идеальными идентификаторами [см.: Арутюнова, 2003, 336]. Поэтому, на мой взгляд, более точными представляются другие термины для обозначения нарицательных элементов апеллятивно-ономастического комплекса, которые перечисляются в работе (квалификатор, классификатор, именной атрибут и т. п.).

Объектом исследования в третьей главе является такая типичная для ономастической системы русского языка единица, как составной антропоним. В работе рассматриваются особые отношения, складывающиеся между его компонентами и обуславливающие промежуточное положение подобных имен между словосочетаниями и сложными словами. Постулируя взгляд на составной антропоним как на микротекст, автор фиксирует определенный нормативный порядок его развертывания и объясняет отдельные случаи отклонения от этого порядка, вызванные различными психологическими и прагматическими факторами. Автором в связи с этим сравниваются различные способы оформления антропонимов в библиографических списках, принятые в России и Германии, на основании чего делается вывод, что «данное имя хранится в “мысленном досье” говорящего в виде определенной формулы, в которой последовательность компонентов, а также их количество не нейтральны» (с. 84). Рассмотрены в книге Н. В. Васильевой и современные процессы, ведущие к модификации традиционной для русской культуры трехчленной формулы антропонима: процесс редукции этой формулы и трансформации отдельных ее компонентов, а также появление новых, невозможных ранее антропонимических формул. Завершается третья глава разделом «Формула имени как прием», где дан анализ стилистического использования различных антропонимических формул в художественных текстах и наглядно продемонстрирован их текстообразующий потенциал.

На мой взгляд, одной из важнейших и одновременно одной из наиболее удачных глав в книге является ее четвертая глава «Макротекстология имени: ономастические стратегии интродукции». Автор совершенно справедливо утверждает, что «интродукция имени

представляет собой одну из главных макротекстологических задач, поскольку во многом определяет дальнейшее существование имени в тексте». В книге так сформулированы важнейшие вопросы, возникающие в связи с интродукцией онима в художественном тексте: как соотносится введение имени и введение персонажа? как соотносится интродукция и упоминание имени? каким образом слово распознается адресатом как имя?

Отвечая на первый и второй вопросы, автор выделяет пять возможных текстовых стратегий ономастической интродукции: комплексная интродукция, имеющая место при одновременном введении имени и персонажа; ономастическая антиципация, возникающая при введении имени, опережающем введение персонажа; ономастическая ретардация, проявляющаяся при опережающем имя введении персонажа; ситуация упоминания имени без введения в текст номинируемого персонажа и ситуация безымянности вводимого персонажа, возникающая в случае отказа от введения его имени. Для апробации предлагаемого подхода в книге предпринят анализ начала повести Л. Н. Толстого «Казаки», в ходе которого на конкретном материале продемонстрирована эффективность данного подхода к ономастике художественного текста. Ответу на третий поставленный вопрос посвящен специальный раздел «Проприальные сигналы и имяпорождающие контексты», где исследуются различные механизмы, приводящие к осознанию читателем ономастического характера текстовой единицы. На ряде примеров автор показывает, как происходит и как осознается читателем онимизация апеллятивов, как осуществляется семантическое «раздвоение» имени на оним и формально тождественный ему апеллятив и каким образом опознаются в тексте трансонимизированные (т. е. переведенные в иной ономастический разряд) собственные имена.

Весьма содержательной является и пятая глава книги «Макротекстология имени: функции собственных имен в художественных текстах». Нельзя не согласиться с автором, когда он указывает на парадоксальный факт: очень большое количество работ (начиная с самых ранних публикаций по литературной ономастике [см.: Каценеленбоген, 1950; Привалова, 1952; Михайлов, 1956]), выполненных на достаточно обширном материале, не привело тем не менее к выработке непротиворечивой и в то же время достаточно полной классификации выделяемых функций. Необходимо признать, что в настоящее время потребность в упорядочении накопленных знаний в этой области весьма велика.

Н. В. Васильева предлагает в качестве «законченной и целостной» классификацию функций литературного онима, созданную Д. Лампингом. По ее мнению, этот немецкий ученый разработал «универсальную и стройную классификацию, исходящую из специфического нарративного способа осмысления мира» (с. 131). Безусловно, сам факт знакомства российских ономатологов с данной классификацией, которая, по утверждению автора книги, «заняла достойное место в библиографических списках и стала ... *conditio sine qua non* публикаций по литературной ономастике в немецкоязычных странах» (Там же), не может не радовать. В этом отношении следует признать несомненную заслугу Н. В. Васильевой, которая не только изложила основные принципы предлагаемой классификации, но и показала ее работоспособность на русскоязычном материале, подтвердив в какой-то мере ее универсальный характер. Нет никакого сомнения, что классификация Д. Лампинга способна войти в арсенал русской литературной ономастики и быть задействованной в дальнейшем исследовании функционального потенциала литературных онимов.

Вместе с тем приходится констатировать, что ряд важных моментов, имеющих прямое отношение к поставленной проблеме и заслуживающих подробного рассмотрения, оказался обойденным в авторском комментарии к этой классификации. Прежде всего это касается самого понятия «функция», которое в науке допускает различные трактовки. Часто под функцией понимают определенное отношение, зависимость некоторой величины от другой — такое понимание термина обычно, например, в математике, встречается оно и в лингвистике.

тических работах. Однако чаще под функцией той или иной лингвистической единицы понимают задачу, решаемую с ее помощью, ту роль, которую она играет в языковой системе, тексте или дискурсе. Можно предполагать, что именно в этом значении используется термин «функция» у Д. Лампинга, впрочем, никаких внятных комментариев по этому поводу в главе не дается. Далее, Н. В. Васильева утверждает, что классификация функций Д. Лампинга учитывает разграничение трех аспектов повествования: «технического», определяющего выбор различных нарративных стратегий, эстетического, обеспечивающего эстетическое воздействие текста на читателя, и тематического, формирующего «способность нарратива быть носителем определенного содержания и идеи» (с. 131). В работе, однако, никак не оговариваются те основания, на которых производится выделение указанных аспектов, и их отношение друг к другу, без чего трудно в полной мере усвоить сущность постулируемых аспектов. Еще более существенным представляется отсутствие объяснений по поводу того, как выделяемые семь функций вытекают из указанных трех аспектов повествования. Читателю приходится принимать (или не принимать) на веру логическую обусловленность их выявления, что отнюдь не увеличивает степени убедительности предложенной классификации. Сосредоточившись на фактографической стороне концепции Д. Лампинга, автор книги мало внимания уделил ее логическому «каркасу» и предоставил читателю возможность самому заполнить смысловые лакуны при ее усвоении. Все это приводит к тому, что цельность (т. е. последовательность, внутренняя непротиворечивость) классификации в какой-то мере оказывается под вопросом.

Что касается ее законченности, то и это заявленное достоинство отнюдь не бесспорно: действительно, если под законченностью классификации понимать законченность, закрытость списка называемых функций (а как еще можно понимать данное свойство?), то автор сам демонстрирует возможность пополнения перечня функций, добавляя к перечисленным у Д. Лампинга еще одну функцию, которую он называет деконструктивной. Более того, в заключении к пятой главе автор замечает: «Итак, добавляя еще одну функцию в классификацию Лампинга... мы не ставим точку в списке функций СИ в художественных текстах» (с. 149). И в самом деле, указанный перечень вполне может быть расширен за счет введения новых функций, которые не всегда легко поместить в какую-либо из рубрик Д. Лампинга (во всяком случае, в том их виде, в каком они истолкованы в главе). Кроме интертекстуальной функции, связанной с осуществлением отсылки к иному тексту, о которой мимоходом упоминается в работе, можно указать номинативную функцию, в соответствии с которой выделяются апеллятивная, ономастическая и прономинальная (местоименная) номинация [см., например: Гак, 1977; Гореликова, Магомедова, 1989], хронотопическую функцию, связанную с маркированием хронотопа художественного мира, и ряд других. В результате приходится все же согласиться с В. М. Калинкиным, цитату из монографии которого приводит Н. В. Васильева, в том, что «законченной целостной классификации, распределяющей функции по таксономическим рубрикам в соответствии с принципами, вытекающими из специфики онимов художественных произведений, в настоящее время нет» (с. 130).

Можно, пожалуй, даже высказать осторожное сомнение в возможности такой законченной классификации и построения строго конечного таксономического списка, поскольку понимание функции онима как общей задачи, выполняемой именем в художественном тексте, приводит к возможности дробления или, наоборот, укрупнения функций в соответствии с целью анализа, аспектами и методами исследования. Скажем, функцию идентификации, основанную на способности имени идентифицировать его носителя в различных контекстах, можно разложить на две, добавив дифференцирующую функцию, так как идентификация объекта художественного мира совершенно немыслима без осознания его отличия от иных объектов. Можно разложить идентифицирующую функцию и на три частных

функции, рассмотрев отдельно индивидуализирующую функцию, посредством которой оним указывает на уникальность номинируемого объекта. Выявлять ли одну комплексную, две или же три тесно связанные между собой функции в подобных случаях решает исследователь, тем более что литературный оним, как справедливо пишет автор, в силу своей природы принципиально полифункционален. Количество выявляемых функций, если так можно выразиться, зависит от настройки окуляра, через который исследователь смотрит на изучаемый объект.

Можно было бы, думается, высказать и некоторые другие претензии к содержанию данной главы. Порой комментариям автора не хватает развернутости, большей аргументированности, так сказать, проработанности. Это касается как объяснений, относящихся к функциям Д. Лампинга, так и оснований, на которых автором выделяется оригинальная деконструктивная функция. В первом случае особенно не «повезло» эстетической и мифологической функциям, характеристике последней посвящен лишь маленький абзац. Во втором случае, довольно убедительно показав зависимость некоторых имен в произведениях В. Нарбиковой от общих принципов построения художественного мира в постмодернистской литературе (иными словами, рассмотрев функцию онимов в одном из толкований термина), Н. В. Васильева, на мой взгляд, явно недостаточно сосредоточилась на том воздействии, которое оказывают «деконструктивные» онимы на деконструкцию самой художественной реальности (в соответствии с другим пониманием функции). Если проявление деконструктивной функции онимов автор видит в самом принципе деформации «культурно значимых имен», то подобная деформация имела место и у писателей, не связанных с поэтикой постмодернизма: можно вспомнить хотя бы фамилию *Толстоевский*, которой Ильф и Петров подписывали свои фельетоны, а еще ранее многочисленные случаи деформации фамилий литературных противников у поэтов пушкинской поры. Да и сам автор признает, что «деконструктивная функция на ономастическом уровне может иметь разные выражения» (с. 148, сноска 19). Если же дело в том, что «обретшие такую форму имена сами становятся проводниками деконструкции (чего? – А. Ф.) в странном и для реалистически настроенного читательского сознания весьма трудном и неудобном... повествовательном мире» (с. 148–149), то весьма деформированный и искаженный по сравнению с реальным мир (изображаемый в том числе и посредством нарочито окказиональных онимов) мы находим, например, в «Мойдодыре» К. Чуковского, где сталкиваемся с бегающим хромым умывальником, прогуливающимся по улице крокодилом и другими, мягко говоря, необычными персонажами и событиями. Вряд ли данное произведение, однако, стоит причислять на этом основании к постмодернистским, присуща ли в таком случае функция деконструкции подобным онимам, остается неясным.

В чем же именно проявляется деконструктивное воздействие собственных имен на художественный мир, находящее свое воплощение в специально выделяемой деконструктивной функции? На мой взгляд, в книге этот вопрос так и остался без четкого ответа. Пафос всего вышеизложенного, однако, вовсе не в том, чтобы категорически возразить против выявления данной функции, а в том, что она, в случае ее выявления, должна быть подробно описана с точки зрения тех оснований, на которых она выделяется, с точки зрения ее места в таксономии ономастических функций и, наконец, с точки зрения механизмов ее реализации в ономастических единицах текста.

Перечисленные соображения делают пятую главу одним из наиболее дискуссионных разделов книги Н. В. Васильевой. В то же время сама дискуссионность ее носит позитивный характер, побуждая к поиску своего взгляда на кардинальную проблему полифункциональности литературного онима. Степень насыщенности данного раздела полезной информацией весьма велика, а в спорах рождается истина – поэтому можно только приветствовать попытку автора разобраться в сложном вопросе, давно привлекающем внимание ономатологов.

Несомненна оригинальность шестой главы книги, где анализу подвергается категория безымянности и ее отношение к имени в художественном тексте. Исследуя ономастику литературных произведений, лингвисты довольно редко обращались к изучению случаев отсутствия в текстах собственных имен. Вероятно, это обстоятельство закономерно: литературная ономастика начиналась с постепенного осознания существенной роли имени в структурах художественного текста, что требовало выделения онима из арсенала прочих лингвистических и эстетических средств. Лишь после накопления и усвоения разнообразного материала и формирования методологических основ литературной ономастики могло прийти понимание того, что значимостью обладает не только факт наличия имени в тексте, но и факт его отсутствия. Нельзя не согласиться с автором книги в том, что категория безымянности по праву принадлежит к числу текстовых феноменов, подлежащих изучению в рамках области *имя ↔ текст*. В самом деле, если читатель не находит имени собственного там, где оно в соответствии со сложившейся нормой, традицией или, по крайней мере, тенденцией должно появиться, такое отсутствие приобретает статус стилистического минус-приема и требует интерпретации со стороны исследователя. Автор произведения может акцентировать как введение в текст того или иного онима, так и отсутствие в нем ономастического знака для выражения концептуально значимых смыслов.

Новым и весьма важным представляется разграничение в работе трех различных ипостасей безымянности: безымянность как неимение имени, безымянность как незнание имени и безымянность как анонимность, т. е. сокрытие имени. Отмечу, что безымянность рассматривается в книге в качестве динамической, а не статически заданной категории, что предполагает выявление различных типов отношений, возникающих между безымянностью и именем в процессе развертывания текста. Автор выделяет шесть возможных типов таких отношений, которые, в сущности, являются текстовыми стратегиями художественного использования категории безымянности, и иллюстрирует их примерами из романов М. Кундеры. В соответствии с этим подходом интерпретируются и текстовые ситуации, в которых проявляется взаимодействие имени и безымянности (акт наречения именем, текстовая интродукция персонажа, авторское утаивание имени с последующим его раскрытием и т. д.). Динамический подход к данной категории потребовал от исследователя выделения в тексте особых точек безымянности, т. е. таких моментов повествования, когда персонаж теряет или обретает имя. Тонкий анализ предлагаемых отрывков произведений с фиксацией разнообразных приемов функционирования онимов убедительно подтверждает правомерность и значимость выявления подобных нарративных элементов. Хотя по непонятной причине вместо заявленных трех (с. 167) в книге анализируется лишь два фрагмента из текстов М. Кундеры, оба примера не оставляют сомнений в обоснованности предлагаемого подхода к изучению безымянности как одной из конституирующих нарративную структуру текста категорий.

Мне кажется, что основное значение данной главы состоит в том, что она намечает направления дальнейшего изучения широкого круга проблем, связанных с безымянностью в художественном тексте.

Несколько обособленной в книге выглядит последняя глава «Личная сфера говорящего и употребление антропонимов». Дело в том, что в ней автор, меняя перспективу своего исследования, выходит за пределы текста и рассматривает собственные имена не в соотношении с текстовыми категориями и структурами, а в соотношении с языковыми, дискурсивно обусловленными формами. Для этого используются базовые понятия личных сфер говорящего, героя и адресата. Введение этих понятий делает возможным рассмотрение различных операций с именем, на основе которых в дискурсе осуществляются процессы воздействия говорящего на реципиента. К числу таких процессов автор относит включение адресата в личную сферу говорящего, исключение адресата из нее, втягивание имени в свою личную

сферу вопреки этическим и коммуникативным нормам (акты «ономастической контрабанды», как выразительно называются эти речевые манипуляции в работе), «временное покидание» своей личной сферы говорящим, вторжение в личную сферу адресата и некоторые другие. В последнем разделе этой главы, пожалуй, в наибольшей степени отклоняющемся от основного направления книги, изучению подвергаются собственные имена жаргона. Они-мния исследуются здесь не в системе текста и даже не в дискурсе, а в рамках особой подсистемы русского языка, где онимы и ономастические словообразовательные модели проявляют большую активность (и это наглядно показано в работе). В целом данная глава, насыщенная богатым конкретным материалом, представляет немалый интерес для специалистов, исследующих роль ономастики в процессах речевой коммуникации. Вместе с тем позволю себе высказать несколько соображений, непосредственно касающихся ее содержания.

Название главы, вполне соответствующее основной ее части, представляется не совсем точным в отношении последнего параграфа, поскольку в нем исследуются не только антропонимические и квазиантропонимические единицы и модели, значительное место занимает рассмотрение топонимов и квазитопонимических образований жаргона.

Новое понимание термина «трансонимизация», предложенное автором (с. 174–175), мне не кажется удачным. Обозначение им совершенно иного по сути своей процесса (едва ли не противоположного, как показывает автор, обычному пониманию трансонимизации), когда вместо константности имени при переменном референте он начинает указывать на константность референта варьирующих имен, вряд ли рационально, так как влечет за собой потребность каждый раз оговаривать смысл используемого термина. Это наглядно демонстрирует и текст самой работы, где автор вынужден каждый раз сопровождать употребление термина «трансонимизация» соответствующим дифференциатором (*трансонимизация*₁ ‘переход онима из одного разряда в другой’ и *трансонимизация*₂ ‘появление параллельного названия у одного и того же референта’). Закономерным результатом принятия нового смысла термина может стать путаница в его использовании. Не выглядит сколько-нибудь убедительной и ссылка на традицию подобного употребления слова: вряд ли можно рассматривать как свидетельство прочной традиции единичный пример упоминания его в работе [Ушаков, 1978] (отсутствующей, кстати, по непонятным причинам в библиографическом списке), пусть даже со ссылкой на Н. И. Толстого. Вдобавок, понимание автором этого слова как родового термина для различных типов переименований шире, чем его понимание в вышеназванной работе, где он применяется к неофициальному именованию объекта.

Автор весьма широко трактует понятие «переименование», которое, в сущности, равнозначно для него возникновению нового имени. Это позволяет ему сделать вывод о том, что «можно назвать целые речевые практики, где процесс переименования... является доминирующим» (с. 176). К таковым он относит жаргон. Под одним термином, таким образом, объединяются весьма разные по своим задачам процессы создания и введения в узус новых лексем. Не разумнее ли развести понятия переименования (т. е. создания названия с целью замены предыдущего, вытеснения его из языка и речи) и создания параллельного названия, не претендующего на вытеснение прежнего?

Действительно, когда город вместо названия *Екатеринбург* в советское время получает название *Свердловск*, такое название претендует на нормативность, ибо с самого начала оно создается в качестве нормы, как единственно правильное название объекта, отменяющее собой старое наименование. Прежний оним в этом случае заведомо неправилен с новым и воспринимается как знак прошлого состояния объекта. Один из онимов постепенно вытесняется из сферы употребления, и конкуренция названий может осуществляться какое-то время в речи за счет инерции языка и сознания, затем чаще всего прежнее название окончательно утрачивается или же закрепляется в более узкой сфере бытования. Так и про-

изошло с топонимом *Екатеринбург*, пока смена идеологических установок в обществе не «воскресила» его в качестве общепринятого названия города. Совершенно иначе и с иной целью возникают жаргонные названия. Скажем, жаргонное название Екатеринбурга *Катер* очевидным образом возникло на основе его официального названия. С самого начала оно складывалось как параллельное ему, обслуживающее узкую сферу жаргона и не претендующее на вытеснение официального топонима. Носитель жаргона легко оперирует и тем, и другим, избирая необходимый ему топоним в зависимости от условий коммуникации. Строго говоря, переименования как такового здесь нет, а есть создание нового названия, функционирующего в языке (в другой его подсистеме) наряду с прежним.

Вызывает определенные возражения рассмотрение «онимических фантомов» (термин Н. В. Васильевой) как полностью пустых, лишенных денотативного и коннотативного содержания форм. По утверждению автора, «данный вид ИС (имени собственного. – А. Ф.) представляет собой своеобразный онимический кенотаф: имя (= форма) есть, денотация/коннотация (содержание) отсутствуют» (с. 185). К таким пустым онимам автор относит собственные имена *Африка*, *Крым*, *Пушкин*, *Буденный*, *Ленин*, *Штирлиц* и некоторые другие. При этом неясно, как, за счет чего, лишенные денотативного и коннотативного содержания, эти онимы могут нести «большую страноведческую нагрузку» и к тому же «интерпретировать эпоху» (с. 186–187). Мне кажется, что все приведенные в книге примеры свидетельствуют как раз о сохранении ими некоторых компонентов денотативного и тем более коннотативного значения после отрыва имени от первоначального референта. Скажем, имя собственное в приветствии «Здравствуй, лошадь, я Буденный!» для любого мало-мальски осведомленного в истории России человека формирует представление о колоритной фигуре командарма. На этом, собственно, и основан комический потенциал данного приветствия, который вряд ли мог бы возникнуть вне данного представления. Так, стоит заменить фамилию *Буденный* на другую (к примеру, *Щорс* или *Фрунзе*), как этот комизм будет полностью утрачен. Не случайно в перечень онимических фантомов попадают в основном широко известные антропонимы из числа прецедентных, служащие знаками бытующих в культурном пространстве и подвергаемых ироническому переосмыслению идеологических мифов. Что касается топонимов, то и они обозначают общеизвестные объекты, представление о которых сохраняется при восприятии фразеологизма. Например, фраза «Еврей он и в Африке еврей» акцентирует несоответствие субъекта и локуса (что еврейю делать в Африке?) и теряет этот смысл при замене топонима на название *Россия* или *Израиль*. Можно ли считать, что собственное имя *Африка* перестает в данном фразеологизме выражать представление о «черном континенте» и возбуждать устойчивые ассоциации, с ним связанные (жаркий климат, бедное и эксплуатируемое население и т. п.) и контрастирующие с этническим стереотипом еврея, сложившимся в русском языке? Мне это кажется сомнительным.

Более подробный анализ подобных онимов в составе их микроконтекстов (которые являются, в сущности, микротекстами) помог бы, по моему мнению, обнаружить содержание, стоящее за онимами, и привести к важным выводам о процессах трансформации концептуальной картины мира, происходящих сегодня у наших соотечественников.

Этот ряд замечаний можно было бы продолжить некоторыми более мелкими. Почему, например, исследуя «изменение в частеречной принадлежности слова» (с. 189) автор относит лексемы *Копенгаген* («я в этом не Копенгаген») и *готовчук* («бутылка готовчук») к квазионимам-вербоидам, если мотивирующие их лексемы *компетентен* и *готова* относятся не к глаголам, а к прилагательным? Почему, например, говоря об игровой функции и «людической направленности» жаргона, автор при этом избегает и уместного здесь термина «языковая игра», и, главное, исследования онимов в соответствующем аспекте, хотя материал, безусловно, дает для этого прекрасную возможность?

Впрочем, сделанные замечания не меняют общего положительного впечатления от книги. На мой взгляд, автору удалось в ней показать, в каком направлении движутся современные исследования ономастических единиц в тексте и какие результаты получены ономатологами на этом пути. В этом смысле сам эссеистический принцип композиции книги, осязаемая «мозаичность» ее содержания отражают ту стадию, на которой находится изучение данной научной области. Множественность поставленных в монографии проблем свидетельствует одновременно и об активном развитии литературной ономастики, и о растущей потребности ее в генерализующем подходе, который мог бы объединить на общей теоретической основе разные методики исследования конкретного материала.

В заключение хотелось бы ко многим достоинствам данного труда прибавить еще одно. К сожалению, в настоящее время выходит не так уж мало работ, в которых нарочитая затрудненность, запутанность языка прямо пропорциональна скудости их содержания. Излагая тривиальные мысли усложненным, избыточным модными терминами языком, их авторы маскируют банальность собственных рассуждений. Показательно, что в рецензиях эта (немаловажная!) сторона работы исследователя зачастую обходится молчанием. В противоположность им, книга, написанная Н. В. Васильевой, хороша не только своей информативностью, так сказать, «планом содержания», но и «планом выражения». Будучи написана ясным (но не упрощенным!), точным, логичным, я бы даже сказал, изящным слогом, она легко читается, поскольку выразительная речь автора всюду подчинена движению исследовательской мысли и никогда не становится заманчивой самоцелью. Потому и сама эта мысль легко и свободно увлекает читателя за собой и позволяет ему оценить в тексте не словесные манипуляции и звонкие термины, а то, что пристало серьезной работе – строгую логику научного поиска.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). 3-е изд., стереотип. М., 2003.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Гореликова М. И., Магомедова Д. М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1989.

Каценеленбоген М. Г. Функции собственных имен в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русский язык в школе. М., 1950. № 1. С. 8–15.

Матвеев А. К. Апология имени // Вопр. ономастики. Екатеринбург, 2004. № 1. С. 7–13.

Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование: Автореф. на соиск. ... канд. филол. наук. М., 1956.

Привалова М. И. Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Л., 1952. № 161. Вып. 18. С. 129–148.

А. А. Фомин, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Ономосфера поэзии: Влекущая сила имен

Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. – 446 с.

Проза, даже самая лирическая, едва ли представима без имен. И пусть повествователь постарается себя не называть, в его рассказе или показе почти непременно будут фигурировать другие герои, а стало быть, и их имена, фамилии, отчества. Вспомним хотя бы выразительнейшие прозвища крестьян в тургеневских «Записках охотника» или красноречивейший перечень одноклассников у набоковской Лолиты. А вот стихотворная лирика тяготеет, кажется, к тому, чтобы обходиться в каждом конкретном случае одним только именем – именем автора. Комментируя название трагедии «Владимир Маяковский», Б. Пастернак подчеркивал: «Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но – предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержания». И подобно тому, как создатели повестей, рассказов, романов озабочены тем, «чтобы имя подходило к герою, чтобы оно сливалось с его обликом <...>, чтобы оно его не корбило» (И. Бунин), поэты нуждаются в именах, которые как можно органичнее соотносились бы с их персональной творческой деятельностью и ее результатами. Многим поэтам исключительно повезло с метрическими записями: такие имена, как Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, настолько естественно проецируются на строки их носителей, что сами воспринимаются как поэтические создания. В иных же случаях на помощь приходили псевдонимы: Федор Сологуб, Андрей Белый, Анна Ахматова, Игорь Северянин, Саша Черный, Рюрик Ивнев, Эдуард Багрицкий, Михаил Светлов...

При этом поэт может акцентировать мифосемиотические возможности собственного имени в своих творениях, может ограничиться его наличием на обложке книги или над публикацией в периодике, однако само поэтическое высказывание, лирический сюжет, неизменно сохраняя ощутимость авторской субъективности, размыкают единичность индивидуального поведения и мировосприятия, маркируемую в эмпирической повседневности (и в художественной прозе) человеческим. Имя в лирике заменяется местоимением. Благодаря универсализму лирического «я» авторская интенция в стихах, освобождаясь от житейско-бытовых частных и объективируясь, возводится в степень эстетического обобщения и обретает «поливалентность», т. е. способность быть воспринятой читателем изнутри себя – с примеркой фиксируемого в строчках состояния или настроения уже на самого воспринимающего.

Так утверждает теория лирики, и поэтическая практика XIX столетия – тому свидетельство. Если в стихах пушкинской эпохи возникают имена, то они фигурируют прежде всего в названиях или посвящениях, а ежели встречаются непосредственно в строках, то, как правило, обнаруживают свою эмблематичную условность. В известных работах Ю. Тынянова («Проблема стихотворного языка») и Т. Сильман («Заметки о лирике») цитируется записанное в «Дневниках» А. О. Смирновой высказывание Пушкина: «Женское имя (в стихах) так же мало реально, как все эти Хлои, Лидии или Делии XVIII века. Это только названия». В не меньшей мере сей вывод подкреплялся тогда и именами мужскими.

Поэзия нового времени существенно расширила свой лексикон, и это словарное обогащение произошло, в частности, и за счет антропонимов. Языковую картину мира практически любого поэта теперь без личных имен не представить, и их функции стали,

как показывает книга В. П. Григорьева, Л. И. Колодяжной и Л. Л. Шестаковой, куда более разнообразными.

Создан первый, по сути, опыт словаря личных имен в русской поэзии XX столетия. Хотя уточним сразу: «имя» самого этого издания все-таки чрезмерно «просторно» и обещает больше, нежели книга содержит. Персональный состав представленных в ней поэтов и хронологическая «прописка» привлекаемых к рассмотрению текстов склоняют, скорее, в пользу названия «Личные имена в поэзии Серебряного века».

В ряде случаев смущает и то обстоятельство, что в качестве источников избираются не самые авторитетные и не самые полные на сегодня издания (так, строки В. Маяковского цитируются по «худлитовскому» однотомнику 1969 г.). Понятно, что работа над подобным ономастиком потребовала не одного десятилетия (предшествовавший ему научный труд «Поэт и слово. Опыт словаря» был издан в 1973 г.), а наиболее обстоятельные из собраний сочинений А. Ахматовой или С. Есенина завершены сравнительно недавно. И тем не менее, не абсолютизируя требование полноты охвата, заметим, что исчерпываемость здесь очень желательна, поскольку именно она обуславливает выразительную широту «именной клавиатуры» каждого автора и возможности соответствующих сопоставлений и выводов.

Скажем, в словаре «сосчитаны» упоминания Сталина в стихах В. Маяковского, Б. Пастернака и О. Мандельштама, а вот ахматовский цикл «Слава миру» 1950 г., где фамилия «Вождя» с «орлиными очами» фигурирует в двух стихотворениях, оказался неучтенным. Как без внимания составителей остались и строки того же автора, опубликованные, в частности, в двухтомнике 1997 г. и относящиеся к 1920-м гг.: «Где Ягода-злодей / Не гоняет людей / К стенке / И Алешка Толстой / Не снимает густой / Пенки». А ведь упущенные как в первом, так и во втором случае имена, согласитесь, крайне важны для осмысления как творческой стратегии и тактики А. Ахматовой, так и тех социальных условий, которые в не забытые еще десятилетия навязывали себя искусству слова.

Впрочем, «именклатура» каждого поэта красноречиво демонстрирует его притяжения и отталкивания не столько в области социально-политической (хотя и в ней тоже: крайне показательны, к примеру, словарные статьи «Керенский», «Колчак», «Корнилов», «Ленин», «Маркс»), сколько в сфере отечественной и мировой культуры. Книга московских лексикографов позволяет убедиться, как полифонична – и вместе с тем избирательна! – переключка, которую каждый поэт ведет как со своими современниками, так и с предшественниками. А разве не увлекательно рассмотрение личных предпочтений и пристрастий поэтов в отношении мифонимов и «вечных образов» – таких как Антигона, Офелия, Федра или Фауст? И есть возможность сравнить, как по-разному воспринимаются поэтами одни и те же исторические фигуры – положим, Стенька Разин у В. Хлебникова, С. Есенина и М. Цветаевой или Пугачев у М. Кузмина и В. Маяковского.

А как много для понимания поэтической философии каждого «пайщика» словаря и умонастроений обозреваемой эпохи дают самая в нем пространная (14 страниц цитат!) статья «Бог» и примыкающие к ней четырехстраничные «Боже» и «Христос». И разве не показательно, допустим, что у М. Цветаевой, которая получила от И. Северянина презрительную характеристику «Беспочвенных безбожников божок», мы встречаем поразительно много строк, какими она убеждает: «Бог, мы союзники с тобой!». (Жаль только, что цитатные примеры в статьях сгруппированы не по авторам, а по хронологии.)

Чрезвычайно показательное отношение поэтов и к собственному имени. Словарь свидетельствует, что одни авторы, в творчестве которых отчетливо вырисовывается характер лирического героя (В. Маяковский и С. Есенин, М. Цветаева и А. Ахматова), охотно обыгрывают свои имена, тогда как другие – И. Анненский, М. Кузмин, Б. Пастернак – не считают для себя возможной подобную самопрезентацию.

Крайне интересно и стимулируемое личными именами словопроизводство. Сколь вкусны в своей единственности глагольные формы «чингисхань!», «заратустрь!», «моцартъ!», «роопсь» у В. Хлебникова, «аврориться» у М. Кузмина, «амуриться» у Б. Пастернака, «муссолиниться» у В. Маяковского. Такие окказионализмы как раз и подтверждают способность личного имени апеллятивизироваться, т. е. микшировать традиционное радикальное противопоставление онимов именам нарицательным (хотя все же включение в данный словарь таких лексем, как *галифе*, *гиацинт*, *месмерический утюг* или *осатаненье*, показалось мне избыточной дотошностью составителей).

А помимо всего, словарь актуален и в самом утилитарном отношении – как справочник. Когда автор устраивает в стихах «именинный кутеж» (Б. Пастернак), это пособие подскажет читателю, кто такой *Бальшин*, ворчащий в стихотворении В. Маяковского, какой *Вермель* бродит по шутливым четверостишиям О. Мандельштама и откуда протянулась в лирику А. Блока рука некоего *Цуниги*. Так что «выдоить из именного вымени» (строчка В. Маяковского) можно, как убеждает рецензируемый труд, очень и очень много. Явленная составителями словаря «ономосфера» свидетельствует, что поэзии – при всей ее склонности к «именному инкогнито» – именная конкретика отнюдь не противопоказана. У ономапоэтики открываются заманчивые перспективы.

(Хотя рецензиям «поскриптумы», тем более – стихотворные, и не «показаны», воспроизведу-таки самое «онимастичное» из известных мне стихотворений. Его написал несколько десятилетий назад поэт и филолог Александр Кондратов [цит. по кн.: Самиздат века. М., 1998. С. 462]. «Негативное». *Не пташкин, / не пряжкин, / не шашкин, / не пешкин, / не крышкин, / не Мышкин, / не спушкин, / не сушкин, / не Яшкин, / не чашкин, / не решкин, / не чешкин, / не вьюшкин, / не клюшкин, / не струшкин, / не хрюшкин, / не Плюшкин – / А. Пушкин!*)

Л. П. Быков, докт. филол.,
проф., зав. кафедрой русской литературы XX в.
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2005. – 464 с.

Важной вехой в истории изучения уральской антропонимии стал выход в свет в 1997 г. словаря пермского филолога Елены Николаевны Поляковой «К истории пермских фамилий». Публикуя первый словарь уральских фамилий XVI – начала XVIII вв., автор не просто вводила в научный оборот обширный комплекс историко-антропонимических данных, но и фактически открывала новое перспективное направление научных исследований, на котором в последующие восемь лет появился целый ряд словарей и монографий, подготовленных на материалах Среднего, Южного Урала и Зауралья [Житников, 1997; Мосин, 2000; Мосин, 2001; Парфенова, 2002; Назаров, 2003].

Новая книга Е. Н. Поляковой – не переиздание первого словаря, а совершенно новое, самостоятельное издание, при том что структура словарной статьи мало изменилась. И дело здесь не только в том, что статей этих стало в два с лишним раза больше и появился новый, значительный по объему комплекс отыменных фамилий. Главное отличие новой книги от первого

словаря – адресованность ее молодому читателю: словарь Е. Н. Поляковой рекомендован научно-педагогическим советом департамента образования Пермской области учащимся и преподавателям средних учебных заведений как дополнение к учебному пособию «Русская речь Прикамья: Лингвистическое краеведение».

Собственно словарный текст книги предваряется несколькими вводными материалами. Во «Введении» автор подчеркивает важность приобщения школьников и студентов к достижениям современного лингвистического краеведения, позволяющего «по данным языка выявлять особенности истории и культуры живущих в крае народов, изучать их говоры и результаты взаимодействия различных говоров и языков» (с. 3). Отмечая далее значение изучения фамилий в интересах познания истории языка в целом и отдельных говоров, закономерностей возникновения и развития имен собственных, прохождения миграционных путей в разные исторические эпохи, формирования особенностей материальной и духовной культуры местного населения и решения многих других научных проблем, Е. Н. Полякова обосновывает необходимость составления и публикации региональных словарей фамилий.

Таким образом, автор изначально ставит перед собой нелегкую задачу: превратить научную монографию, каковой, безусловно, по сути является новая книга Е. Н. Поляковой, в пособие для учащихся и преподавателей средних учебных заведений, сделать ее доступной для понимания школьников, занимательной и познавательной одновременно.

В кратком очерке, озаглавленном «Из истории пермских фамилий», популярно изложен процесс превращения имен и прозвищ жителей Приуралья XVI–XVIII вв. в фамилии их потомков. Из него юные читатели узнают о практике именования людей в то время и закономерностях фиксации антропонимов в документах, о постепенном переходе к обязательному трехсоставному именованию и появлении фамилий в современном значении этого слова, о богатстве и разнообразии фамильных основ: имена канонические (Е. Н. Полякова предпочитает пользоваться определением «календарные») и неканонические, их полные и неполные формы, прозвища, в которых отражались внешний вид людей, качества их характера, манера речи, этническая принадлежность, социальное положение, род занятий, места проживания и т. д. Очень важно, что разъяснены изменения, происшедшие со временем с содержанием таких понятий, как «прозвище» и «фамилия», приведены примеры неустойчивости в именовании, вызванной как обстоятельствами бытования антропонимов, так и произволом писцов.

Следует подчеркнуть, что антропонимический фонд Приуралья исследуется автором на надежной исторической основе, в тесной связи с процессами заселения, хозяйственного и культурного развития Пермского края. Приводимые автором примеры убедительно свидетельствуют о том, что в пермских фамилиях нашла отражение его многовековая история, разнообразные исторические связи с другими регионами России, прежде всего с Русским Севером. Особое внимание уделено антропонимическим «следам» совместного проживания в Приуралье представителей разных народов: русских, коми, коми-пермяков, башкир, татар.

В отдельную статью выделено обоснование содержания и структуры словарной статьи. Отмечая, что в словарь включены фамилии, сформировавшиеся в Пермском крае или принесенные сюда из других регионов России на протяжении второй половины XVI–XVIII в., Е. Н. Полякова делает оговорку, что исключение составляют только встречающиеся в документах XVIII в. фамилии иноземцев (поляков, немцев и др.). Может быть, с точки зрения полноты воссоздаваемой исторической картины развития местной антропонимии подобное исключение не вполне оправданно, но в данном случае принятие решения является прерогативой автора.

В качестве основ пермских фамилий автором указаны канонические имена (в полной и неполной форме), прозвища и иноязычные имена народов России. Необходимо только уточ-

нить, что приводимые в качестве примеров прозвищные фамилии образовывались не только от прозвищ в современном понимании этого слова (*Пинягин*), но и от неканонических имен (*Верещагин, Замятнин*), нередко называемых в документах XVII в. «прозвищами».

Принципиально важным представляется решение автора включать в словарь фамилии, правильность написания которых вызывает сомнения, тем более что во всех подобных случаях делаются соответствующие оговорки. Мотивация такого подхода, сопровождающая пример с фамилией человека, учтенного в разных документах как *Персидин* и *Пресидин*, безупречна с точки зрения приоритета честного поиска научной истины: «Одна из фамилий записана ошибочно, но какая именно – точно установить на данном этапе изучения лексики и ономастики нельзя. Возможны были обе, поэтому и в словаре помещаются обе. Последующие исследования пермских фамилий XIX в. покажут, какая была правильной» (с. 16).

Вслед за этим с тщательностью и обстоятельностью, присущими всем публикациям Е. Н. Поляковой, охарактеризованы составные части словарной статьи: передача заглавного слова, способ приведения текста источника (включающего, кроме именованного человека, сведения о его социальном положении, месте проживания и дату фиксации в документе: *Житель Очерского острожка Микитка Зиновьев сын Ивойлов, 1623*) и ссылки на архивный источник или публикацию, справка о происхождении фамилии со всеми необходимыми ссылками на словари и исследовательскую литературу.

Приведенные далее списки использованных при составлении словаря источников, опубликованных и неопубликованных (из фондов архивов, библиотек и музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Кунгура и Чердыни), и литературы (63 названия), не могут не вызвать глубокого уважения у самого взыскательного историка и источниковеда. Внушительный научно-справочный аппарат издания дополняется еще двумя списками условных сокращений, принятых в издании.

Включение в словарь отыменных фамилий, составляющих, по подсчетам автора, более четверти состава словаря, сделало его безусловно репрезентативным для изучения исторических корней всего комплекса пермских фамилий, позволило с высокой степенью достоверности выявить исторически сложившееся ядро местного антропонимического фонда. Более того, еще около полутора сотен фамилий, относимых автором к числу прозвищных, образованных от нерусских имен или неясного происхождения (*Абакишин, Борыкин, Веденов, Галухин, Докшин* и мн. др.), с большей или меньшей долей вероятности могли происходить от производных форм канонических имен. Впрочем, недооценка роли канонических имен в процессах образования фамилий в той или иной степени характерна для всех словарей фамилий, что может и должно послужить отправной точкой для безусловно необходимой и, вне всякого сомнения, плодотворной в научном отношении дискуссии. Ценнейшие материалы для этой дискуссии содержатся в рецензируемой книге.

С сожалением приходится отмечать, что книги по антропонимии вообще и словари фамилий в частности выходят, как правило, небольшими тиражами. Новый словарь Е. Н. Поляковой составляет на этом фоне отрадное исключение, его тираж – 2 500 экземпляров. Правда, учитывая то, что словарь подготовлен и издан на гранты Международного научного фонда «Культурная инициатива» и Российского гуманитарного научного фонда и рекомендован в качестве учебного пособия департаментом образования Пермской области, трудно надеяться на то, что сколько-нибудь значительная часть тиража попадет на прилавки книжных магазинов и уж тем более выйдет за пределы Пермской области (не считая обязательной рассылки по условиям грантов и отправки автором отдельных экземпляров книги своим коллегам, живущим в других регионах). Между тем новый словарь Е. Н. Поляковой должен был бы стать настольной книгой историков, лингвистов, краеведов, генеалогов и других спе-

циалистов, изучающих прежде всего (с учетом преимущественно восточной направленности массовых миграций) население Урала и Сибири.

«Словарь пермских фамилий» Е. Н. Поляковой – замечательный пример действенного внедрения научных знаний в практику образования и воспитания в средней школе. Благодаря этой книге тысячи пермских школьников – завтрашних граждан России – получают ключ к пониманию собственного места в истории родного края и Отечества, приобщаются к богатствам родного языка. Может ли быть более высокое оправдание деятельности научного работника, исследователя и педагога?

Житников В. Ф. Фамилии уральцев и северян: Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. Челябинск, 1997.

Мосин А. Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург, 2000.

Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001.

Назаров А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы, 2003.

Парфенова Н. Н. Русские фамилии конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). Вып. 1–2. Сургут, 2002.

Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.

А. Г. Мосин, докт. ист. наук, проф. кафедры истории России Уральского гос. университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)

НОВЫЕ КНИГИ*

Азнабаева А. Ф. Сопоставительная антропонимика: современное имянарекание в Башкортостане и в Германии. – Уфа, 2006. – 122 с.

В монографии рассматриваются вопросы языковой номинации на материале личных имен новорожденных в последние десять лет XX века и первые два года XXI столетия в двух социумах – полиэтническом Башкортостане и моноэтнической Германии. Дается сопоставительная характеристика становления, сегодняшнего состояния национальных антропонимиков и описываются тенденции имянарекания.

Багомедов М. Р. Словарь даргинских личных имен. – Махачкала: ИПЦ Дагестанск. гос. ун-та, 2006. – 169 с.

Словарь даргинских личных имен издается впервые. В нем представлено около 5 000 личных имен даргинцев. Словарная статья содержит языковую и культурно-историческую информацию: даргинское имя, его русский вариант (т. е. официальный, паспортный), язык – источник происхождения имени, этимологию имени (принятую в существующей научной литературе). Словарь рассчитан не только на лингвистов, но и на широкий круг читателей: учащихся и учителей школ, работников администраций и ЗАГСов, паспортно-визовых служб Республики Дагестан.

Беляев А. Н., Раемгузина З. М. Топонимы и антропонимы в немецком языке. – Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2006. – 82 с.

В книге освещаются некоторые проблемы возникновения и функционирования географических названий, личных имен и фамилий в немецком языке, затрагиваются вопросы передачи собственных имен при переводе, их произношения и написания.

Воронежское лингвокраеведение: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Под ред. Г. Ф. Ковалева. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 303 с.

Сборник посвящен многообразным проблемам воронежского лингвокраеведения (диалектология, региональная ономастика и др.). В связи с 300-летним юбилеем г. Богучара дается подборка материалов, рассматривающих в различных аспектах ономастику Богучарского района Воронежской области.

* Аннотации составлены аспирантами кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) Ю. А. Кривошаповой, К. В. Пьянковой, канд. филол. наук, асс. вышеназванной кафедры С. О. Горяевым; часть материалов любезно предоставлена автором сайта «Ономастика России» (www.onoma.newmail.ru), канд. филол. наук С. А. Поповым.

Ковалев Г. Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности: Учеб. пос. для учителя русского языка и литературы. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 214 с.

В данном учебном пособии представлены статьи, в которых рассматривается специфика употребления имен собственных в произведениях А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова, А. П. Платонова, А. Т. Твардовского. К методическим разработкам прилагаются библиографии по ономастике произведений указанных авторов.

Ономастика Поволжья: Материалы X Междунар. науч. конф. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. / Отв. ред. Е. А. Яковлева. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – 372 с.

В сборник вошли материалы докладов ученых из 30 городов России, Казахстана и Чехии. В них рассмотрены проблемы возникновения и функционирования имен собственных в Поволжье и на других территориях, а также общие вопросы ономастики (подробнее о содержании докладов участников конференции см. в публикации И. А. Петровой в наст. изд.).

Ономастическое пространство и национальная культура: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14–16 сентября 2006 г. / Отв. ред. Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – 298 с.

В настоящий сборник вошли статьи ученых-ономастов России, Белоруссии, Украины, Германии, Ирана, Канады, Монголии, посвященные актуальным вопросам лингвистического статуса имени собственного и его функционирования в речи, художественной ономастики, отражения этнической истории в именах собственных, проблемам исследования ономастического ареала, ономастической лексикографии.

Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках: Романская и русская антропонимика. – М.: Аст, Восток-Запад, 2006. – 320 с.

В книге исследуются антропонимические традиции у итальянцев, испанцев и русских. Показано, что, несмотря на видимое сходство, у каждой нации складываются свои особые традиции именования людей, отражающие этнический взгляд на мир и место в нем индивида. Современные антропонимические системы – результат многовековой эволюции и действия разнообразных факторов: религиозных, правовых, культурно-исторических, собственно языковых. В поле зрения автора находятся проблемы типологии итальянских, испанских и русских имен и фамилий, семантические и грамматические особенности антропонимов, их когнитивный потенциал, связь с апеллятивной лексикой, а также социокультурные параметры функционирования имен собственных. Для студентов, аспирантов, преподавателей итальянского, испанского и русского языков и широкого круга читателей, интересующихся проблемами антропонимики.

Записки з ономастики. Вип. 8 / Відп. ред. Ю. О. Карпенко. – Одеса: «Астропринт», 2005. – 136 с; Вип. 9 / Відп. ред. Ю. О. Карпенко. – Одеса: «Астропринт», 2005. – 156 с.

«Записки ономастики» – сборник научных работ, отражающих результаты диссертационных исследований на соискание степени доктора и кандидата филологических наук. В 8-й выпуск «Записок ономастики» вошло 14 статей, большинство из которых посвящено литературной ономастике – статьи Ю. О. Карпенко о юмористическом принципе включения онимов в художественный текст, Ю. Л. Мосенкиса о мифонимах «Слова о полку Игореве» и других исследователей, рассматривающих онимы на материале конкретных русских, украинских и даже японских текстов. В нескольких статьях объектом анализа является украинская

топонимия и антропонимия. 9-й выпуск содержит 8 статей по литературной ономастике (Е. В. Боева о заголовках произведений Григория Сковороды, Л. Н. Гукова и Л. Ф. Фомина об экклезионимах в творчестве А. С. Пушкина, О. Ф. Немировской об антропонимизации как способе создания хронотопа, и др.), а также три статьи об антропонимах – прозвищах (Н. Л. Швецова и Н. Ю. Булава) и женских именах в динамическом аспекте (О. Ю. Медведева). Кроме того, в двух статьях Ю. О. Карпенко рассматриваются проблемы топонимии в контексте истории языка и народа и различные разряды онимов в «ассоциативном» аспекте, а в работе А. В. Ковалевской – проблема соотношения бренд-эргонима и рекламного слогана.

Зубов М. І. Юрій Олександрович Карпенко. Бібліографічний показник. Вип. 4. – Одеса: Одеськ. регіональн. ін-т державного управління Національної академії державного управління при Президентові України, 2006. – 26 с.

В четвертый выпуск библиографии трудов Ю. О. Карпенко, возглавляющего Одесскую ономастическую школу, включены публикации с 1999 по 2005 гг. Среди них – не только собственные работы ученого (статьи, рецензии), но и опубликованные студенческие работы, авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, выполненные под его руководством.

Студії з ономастики та етимології 2005 / Відп. ред. В. П. Шульгач. – Київ: Видавничий дом «Академперіодика» НАН України, 2005. – 296 с.

Сборник, выпускаемый Национальной академией наук Украины, знакомит читателя с новыми работами по актуальным вопросам ономастики и этимологии, а также с рецензиями на новые книги по данной проблематике. Историко-культурный аспект анализа географических названий представлен в статьях таких авторов, как Л. П. Вербич, Ю. О. Карпенко, реконструирующих этническую историю Карпат по данным топонимии и оронимии, Я. П. Редька, восстанавливающего систему ойконимов Львовской земли конца XIV в. Этимологизации географических названий посвящены статьи О. И. Илиади (о славянской топонимии на территории Греции), Р. М. Козловой (о топониме Волга), И. М. Железняк (материалы к «Историко-этимологическому словарю топонимов Киева»), Я. Матушовой (о чешском топониме Вацов) и И. Маленинской (о географических терминах, скрытых в ряде чешских топонимов). Проблемы антропонимии рассматриваются в статьях Л. П. Васильева (о хорватских антропонимах), И. В. Ефименко (о дательном падеже личных имен, на материале письменных памятников), Л. Р. Осташи (об изучении чешской антропонимии), Р. И. Осташи (об украинских личных именах XVII в. как объекте лексикографии) и С. М. Пахомова (об антропонимических способах обозначения возраста человека в доименной период). Вторым разделом сборника составляют статьи по этимологии (работы И. А. Илиади, О. П. Карпенко, М. Белетич, В. П. Шульгача, Е. С. Отина и Л. П. Борисовой). В конце публикуются рецензии и новые ономастические материалы (антропонимия и микротопонимия), собранные в различных областях Украины.

Студії з ономастики та етимології 2006 / Відп. ред. О. П. Карпенко. – Київ: Університетське видавництво ПУЛЬСАРИ, 2006. – 260 с.

Статьи, вошедшие в ежегодник, посвящены актуальным вопросам славянской ономастики и этимологии, а также *potina propria* определенных регионов. Статьи таких авторов, как Р. И. Осташ, С. О. Вербич, О. И. Илиади, являются продолжением соответствующих работ, опубликованных в сборнике за 2005 г. Л. Р. Осташ анализирует чешские имена славянского происхождения, С. М. Пахомова – былины киевского цикла как источник изучения староукраинской антропосистемы. О. С. Бараневская рассматривает польские прозвища с форманта-

ми *-ik, -uk, -czyk*, Л. В. Литвинчук – украинские прозвища XVI в. с суффиксом *-ов-ич/-ев-ич*. Топонимы оказываются в центре внимания О. П. Карпенко, предлагающего этимологию названия Балчуг, И. М. Железняк, прослеживающей географию словенско-восточнославянских топонимических параллелей, и О. В. Иваненко, анализирующей географическую терминологию в составе топонимии Сумщины. Статья В. О. Яцый открывает серию публикаций, содержащих материалы к историко-этимологическому словарю ойконимов Коломыйского района Ивано-Франковской области. И. М. Козлова обращается к исследованию и.-е. **sel-* в славянской гидронимии, тогда как праслав. **Gьrtь/*gьrtь* на материале различных групп онимов рассматривается В. П. Шульгачом. Наконец, читатель может ознакомиться со статьей Я. П. Редьквы об актуальной проблеме составления интернационального словаря ономастической терминологии. Второй раздел сборника формируют статьи по этимологии (И. А. Илиади, И. В. Ефименко, В. П. Шульгач). В сборнике публикуются также рецензии на новую литературу по ономастике и этимологии, и, кроме того, новые ономастические материалы.

Mikrotoponimia na pograniczach językowo-kulturowych / Red. M. Łesiów, M. Olejnik. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. – 245 s.

Сборник содержит материалы научной конференции «Микротопонимия на культурно-языковых пограничьях», проведенной 17–18 мая 2004 г. в Роскоши (Польша). В издание включены доклады исследователей из Польши и Украины, объектом анализа которых стали микротопонимы на языковых пограничьях (польско-украинском, польско-русском, а также польско-белорусско-балтийском и польско-немецком), рассмотренные в этимолого-словообразовательном и функциональном аспектах.

Polskie nazwy własne: Encyklopedia / Pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko. Wyd. II. – Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2005. – 540 s.

Издание представляет собой первую польскую энциклопедию, посвященную именам собственным. Она содержит следующие разделы: 1. Общие замечания («Теория собственных имен», «Грамматика имен собственных», «Направления и методология исследований», «История и современное состояние ономастики в Польше» – С. Калета); 2. Личные имена: антропонимия («Имена», «Этнонимы» – М. Малец, «Коллективные и индивидуальные прозвища», «Псевдонимы» – А. Чесликова, «Фамилии» – К. Рымут); 3. Географические названия: топонимия («Макротопонимия» – Э. Жетельска-Фелешко, «Микротопонимия», «Оронимия» – Р. Мрозек, «Гидронимия» – К. Рымут, «Заимствованные названия географических объектов» – К. Зерхофер, С. Зерхофер); 4. Другие категории личных имен («Зоонимия» – Е. Бубак, «Личные имена в художественной литературе» – Ч. Косыль, «Названия объектов и учреждений, связанных с современной цивилизацией: хрематонимы» – Э. Бреза); 5. Ономастика пограничных территорий («Западное пограничье» – Е. Дума, «Северо-западное пограничье» – М. Бёлик, «Восточное пограничье», «Южное пограничье», «Проблемы правильности имен. Ономастическая политика» – Э. Вольнич-Павловская). Продолжая традицию «Энциклопедии польской культуры XX века» под ред. Е. Бартминьского, авторы книги основное внимание уделяют историко-культурному контексту, в котором функционирует тот или иной оним. Издание снабжено библиографией, индексом фамилий, индексом используемых терминов и понятий.

Acta onomastica. Ročník XLVI. Praha, 2005. 316 s.; Ročník XLVII. – Praha, 2006. – 508 s.

46-й выпуск чешского ежегодника «Acta onomastica», издаваемого под редакцией М. Гарвалика, содержит статьи, фрагменты дипломных и семинарских работ, дискуссии, по-

священные проблемам имени собственного, а кроме того, рецензии на новую ономастическую литературу, хроники конференций и иные новости ономастического мира. Проблематика статей весьма разнообразна: литературная ономастика (*М.-М. Дановская* – об ономастике польского перевода романа «Гарри Поттер», *Я. Давид* – об антропонимии и топонимии произведений В. Ванчуры, *А. Феттерс* – о личных именах в романе Ю. Шкворецкого), историческая антропонимия (*Р. Шимунек* – о родовых именах чешской шляхты в эпоху позднего средневековья), зоонимия (*Д. Копертовская* – о женских гипокористиках в кличках собак), чешская и польская топонимия и гидронимия (в частности, *З. Хлубинкова* – об образовании оттопонимических прилагательных, *З. Йискра* – о древних названиях притоков р. Мжа, *П. Штепан* – о *Barbora* и *Barborka* в топонимии, *Ю. Колажик* – о лексике птицеводства и микротопонимии, и др.).

47-й выпуск «Acta onomastica» посвящен юбилею чешской исследовательницы Милославы Кнапповой, уже более тридцати лет занимающейся именами собственными (публикуется библиография ее трудов с 1962 по 2006 гг.). В ежегодник помещено более 60 работ по актуальным проблемам ономастики, написанных лингвистами из Чехии, Словакии, Польши, Германии, России, Украины, Финляндии, Болгарии. Здесь можно найти статьи по славянской гидронимии (*А. И. Илиади*, *З. Йискра* и др.), антропонимии (*С. Пастыржик* – о гипокористиках как особом типе антропонимов, *Э. Эйхлер* – о чешских фамилиях в Лейпциге, *Д. Копертовская* – об отыменных фамилиях и др.), литературной ономастике, а также астронимии (*Э. Якус-Боркова* – о польской народной астронимии) и новых разрядах онимов (например, *Я. Давид* – об употреблении топонимов в составе ников).

Merck P. Krajevno imenoslovje na slovenskem zahodu. – Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2006. – 215 s.

Книга словенского ономаста Павле Мерку представляет собой словарь географических названий западной части Словении, источником материала для которого послужили как собственные записи автора, так и широкий круг письменных источников. Словарная статья содержит географическое название, минимальный контекст, уточнение вида онима (топоним, микротопоним, гидроним и т. п.), указание на вид объекта и его территориальную привязку, если возможно – исторический, картографический комментарий и этимологию.

Павлова Н. Топонимията на Чирпанско. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005. – 406 с.

Монография Н. Павловой посвящена топонимии Чирпанского района Болгарии. Работа состоит из двух частей: в первой (теоретической) освещается история заселения края, а также дается языковая характеристика топонимов (разделы «Этноцентрический аспект черпанской топонимии», «История заселения», «Языковая характеристика местных названий», «Семантическая классификация местных названий»); вторая (практическая) представляет собой словарь топонимов.

Langendonck Willy van. Theory and Typology of Proper Names. – Berlin; N. Y., 2007. – 378 p.

В монографии осуществляется комплексный междисциплинарный подход к имени собственному: кроме собственно лингвистической теории автор привлекает к работе, например, достижения философии языка, психолингвистики, нейролингвистики и др. Для определения статуса имени собственного автор разрабатывает оригинальную прагматико-семантическую синтаксическую теорию. Он предлагает разграничивать особые грамматические функции имени (прототипического существительного) – проприальную и апеллятивную и

вводит для обозначения лексических единиц, выполняющих данные функции, термины «проприальная» и «непроприальная лемма» соответственно. Синхроническая типология имени базируется на противопоставлении прототипических и непрототипических классов собственных имен; к первым относятся антропонимы и топонимы, ко вторым, например, бренды, а также названия языков, цветов, болезней и т. п., которые в отечественной лингвистике рассматриваются как неименные образования (номенклатурные наименования, термины). Автор оперирует данными английского и фламандского языков, большой раздел работы посвящен анализу собственных имен во фламандском языке (в синхроническом, диахроническом, лингвогеографическом и социолингвистическом аспектах). Для отечественного читателя книга будет интересна не только новаторским подходом В. ван Лангендонка к проблеме собственного имени, но и тем, что в ней широко представлены достижения западноевропейской ономастической традиции, во многом отличающейся и, к сожалению, у нас пока мало известной.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Новый Топонимический журнал. – СПб.: Инфорю-изд. агентство «ЛИК», 2005. № 1 [10] – 4 [13]. 2006. № 1 [14] – 2 [15].

Как известно, одна из важнейших функций научно-популярной литературы – это функция связующего звена между представителями академической науки – носителями объективных фундаментальных знаний о мире – и той средой, которая является широким транслятором этих знаний, – преподавателями, работниками СМИ и всеми теми, кто по роду своей деятельности создает устные и письменные тексты, адресуя их массовой аудитории. К сожалению, в настоящее время нередко это звено демонстрирует свою слабость и ущербность, причем лингвистика оказывается здесь одной из наиболее уязвимых сфер. Языковой материал нередко становится объектом крайне непрофессиональных, тенденциозных интерпретаций, созданных в значительной мере под воздействием конъюнктуры либо определенных мировоззренческих установок автора. Увы, нередко подобные сочинения издаются, причем немалыми тиражами, продаются в авторитетных книжных магазинах под видом научно-популярной лингвистической и краеведческой литературы. В качестве примера можно вспомнить такие «исследования» по топонимии, как сочинение В. Киприянова, в котором субстратные, финно-угорского происхождения, топонимы возводятся к русской лексике (преимущественно из сферы традиционной культуры и религии) [1991], или труд М. Безлюдовой, интерпретирующей названия российских сел в связи с тайными знаками рунической азбуки [2005]. Если лингвист-ученый уже при беглом просмотре обнаружит безграмотность и псевдонаучность такого рода текстов, то учителю или журналисту это может быть не столь очевидно.

Рост интереса общества к русскому языку поддерживается и со стороны государства (например, введение предмета «Русский язык и культура речи» в качестве обязательного для студентов вузов всех специальностей, разработка законодательных актов, касающихся функционирования русского языка, активный выпуск разного рода словарно-справочной литературы), и со стороны СМИ (присутствие передач о русском языке на популярных «говорящих» радиостанциях – таких как «Радио России», «Эхо Москвы»). Этот интерес – на популярном уровне – простирается в обе плоскости – синхроническую и диахроническую. В первом случае он главным образом сосредоточивается на вопросе языковой практики и затрагивает преимущественно сферу ортологии («как правильно?»). Во втором случае его реализацией является вопрос «откуда произошло?» и оказываются востребованными знания по этимологии, исторической лексикологии – нередко в связи с историческими, этнографическими, культурологическими сведениями. Потребность в информации первого типа вполне удовлетворяют профессионально созданные словари и справочники, во втором же случае необходима научно-популярная лингвистическая литература, делающая результаты научных изысканий доступными для массовой аудитории.

В первую очередь должны быть популяризованы сведения, на которые есть социальный запрос. Таковыми, например, являются данные, полученные в результате ономастических, в частности топонимических, исследований, касающиеся этимолого-исторической интерпретации топонимов, существования имен в историческом и культурном контекстах. Понятно, что этот интерес обусловлен специфической семиотической нагрузкой топонимов: в сознании носителей языка они зачастую ощутимо связаны с политико-идеологической, этноисторической и этнокультурной сферами. Выходящий в Санкт-Петербурге «Новый Топонимический журнал»¹ – периодическое издание, которое может быть признано актуальным и пока единственным в своем роде: авторский коллектив избрал наиболее органичный ракурс представления топонимических знаний на научно-популярном уровне – в рамках краеведения, т. е. журнал ориентирован на публикацию различных микрорегиональных исследований, так или иначе связанных с топонимической проблематикой.

«Новый Топонимический журнал» весьма молод: в существующем варианте он выходит с 2005 г., с периодичностью 4 раза в год ежеквартально. Среди авторов журнала – ученые (А. А. Бурыкин, А. С. Герд, Н. Д. Светозарова, Г. Л. Тульчинский, С. Е. Глезеров, Т. А. Корованенко, И. С. Николаев, А. М. Пашков, И. Ю. Шундалов), известные петербургские краеведы – ведущие специалисты по городской топонимике, члены Топонимической комиссии Санкт-Петербурга (А. Г. Владимирович, А. Ф. Векслер, А. Д. Ерофеев), члены краеведческих обществ (председатель историко-краеведческого объединения «Карелия» Е. А. Балашов, глава «Общества любителей Павловска» Е. Е. Юрченко), сотрудники Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Г. Ю. Никитенко, К. Ф. Чистов), ведущие педагоги (действительный член Международной Московской академии детско-юношеского туризма и краеведения В. И. Аксельрод), а также начинающие исследователи – студенты, члены исторического клуба «Петрополь» Дворца творчества юных, учащиеся юношеского факультета Института Петербурга. Такая «вертикаль» наилучшим образом реализует столь необходимые сотрудничество, связь и преемственность в трансляции знаний, информационном обмене между представителями различных сфер – академической, официальной, просветительской, общеобразовательной.

Значительное место занимают в журнале топонимические исследования исторической направленности. В вышедших номерах обе основные рубрики отдела «Исторические исследования» («Петербург: город, пригороды, окрестности», «Россия: города и веси») включают в себя статьи, посвященные истории топонимов (чаще урбанонимов) – как правило, в связи с историей самих объектов номинации. Изучению может подвергаться как один топонимический факт: *Никитенко Г. Ю.* Миллионная улица: история наименования (2005, № 1); *Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я.* Лермонтовский проспект: между прошлым и настоящим (2006, № 1); *Глезеров С. Е.* Забытая деревня Ручьи (2006, № 2), – так и система топонимов: *Бердышев С. Н.* Саратов топонимический: штрихи к портрету, *Викулов Н. П.* Московская топонимика во времени и пространстве (2005, № 1); *Глезеров С. Е.* Топонимия Гражданки: вчера и сегодня (2006, № 1); *Ратников Д. С.* Липецкие городские топонимы (2006, № 2). В специальном выпуске (2006, № 2), подготовленном по материалам II Городской топонимической конференции.

¹ Учредитель и издатель – Информационно-издательское агентство «ЛИК» (Санкт-Петербург). Главный редактор – проф. П. А. Скребин, зам. главного редактора – В. Е. Левтов. Журнал является преемником «Топонимического журнала», который издавался с 1998 по 2002 гг. под учредительством Санкт-Петербургского Топонимического общества. Когда Общество прекратило свое существование, произошла смена учредителя и издателя, изменились форма, логотип, дизайн, отчасти название журнала, кроме того, он получил статус общероссийского периодического издания.

мической конференции «Традиции и новации петербургской топонимики», в числе прочих представлены работы, в которых анализируются названия таких объектов городской среды, как мосты (*Н. Д. Светозарова*) и станции метрополитена (*А. А. Бурькин*).

Журнал публикует работы историко-биографической направленности: об исторических лицах, чьими именами названы городские объекты (рубрика «Страницы памяти»), о личностях, внесших вклад в дело градостроительства (*Амагаев М.* Австрийская площадь – площадь Шауба (2005, № 3/4); *Сахаров Г. А.* С именем барона Штиглица – к духовному возрождению (2006, № 1)); об ученых, занимавшихся историей, этнографией, топонимией (статьи *А. М. Пащикова* о первом карельском краеведе и топонимисте *И. В. Кондратьеве* (2006, № 1), *К. Ф. Чистова* о журналисте и бытописателе XIX в., авторе «Заметок петербургского зеваки» *В. Р. Зотове* (2006, № 2); *Т. А. Корованенко* и *А. Н. Сероус*, посвященные научному творчеству проф. *К. С. Горбачевича* (2006, № 1, 2)). В рамках историко-биографического аспекта топонимическая проблематика журнала расширяется: ряд публикаций основывается на содержательном принципе «адрес – объект – история – люди»: такова, например, статья *А. А. Бурькина* о биографии дворянской семьи Леваневских и петербургском периоде жизни выходца из нее – полярного летчика, Героя Советского Союза *Сигизмунда Леваневского* (2005, № 3/4); такого же плана работа юной исследовательницы *А. Площадновой* «Набережная Лейтенанта Шмидта, 37: домашний адрес российских флотоводцев», содержащей биографические сведения о российских адмиралах *Г. А. Спиридове*, *В. Я. Чичагове*, *Н. К. Краббе*, *С. И. Зеленом* (2006, № 1).

Кроме того, в журнале представлен историко-архивный аспект изучения топонимов – с публикацией документальных источников, архивных материалов. В частности, в рамках изучения истории официальной номинации интересны списки первых официальных топонимов Петербурга, подготовленные *А. Ф. Владимировичем* и *А. Ф. Векслером* по материалам императорских указов XVIII в. (2005, № 3/4; 2006, № 1). Также среди публикаций есть работа *А. Кузнецова*, в которой анализируются сведения, полученные автором из топонимического источника 1849 г. – «Атласа тринадцати частей Петербурга...» *Н. И. Цылова* (2005, № 3/4).

На страницах издания уделяется также внимание проблемам современной официальной номинации: в каждом из выпусков публикуются документы, статьи, заметки, информирующие о присвоении названий объектам, восстановлении названий, переименовании, знакомящие читателей с проблемами выбора имени («Официальный отдел» и отдел «Топонимические новости»).

Редакция журнала ориентирована на более обширный охват топонимического материала: публикация работ по топонимии Санкт-Петербурга и окрестностей будет продолжена, при этом будут активно привлекаться к сотрудничеству авторы, занимающиеся историей и топонимией других регионов России.

Планируется дальнейшее расширение круга проблем и аспектов топонимических исследований. В частности, уже есть отдельные публикации, касающиеся такого направления, как литературная ономастика: это статьи *А. Д. Ерофеева* о топонимии в произведениях *А. Прокофьева*, *А. Вересова*, *Л. Кассиля* (2005, № 3/4) и *Л. И. Бройтман* о связи литературного онима *Бармалей* с топонимом *Бармалеева улица* (2005, № 1). Редакция журнала предполагает видеть в качестве своих авторов исследователей в области контактологии, финно-угроведения, этнолингвистики и планирует размещать на страницах журнала статьи, посвященные анализу микротопонимии и субстратной топонимии Русского Севера и Карелии (в данном случае начало также положено публикацией работы историка *И. Ю. Шундалова* о сакральной топонимии Белого и Баренцева морей (2006, № 2)).

«Новый топонимический журнал», будучи научно-популярным периодическим изданием, публикующим материалы и исследования, посвященные российской топонимии в различных аспектах ее изучения, приглашает авторов к сотрудничеству.

Подписку на «Новый Топонимический журнал» можно оформить по каталогу Северо-Западного Агентства «Пресс-Информ» (тел. 335-97-51, факс 337-16-27), а также непосредственно в редакции по адресу: 191023, Санкт-Петербург, Апраксин пер., д. 4. Тел./факс: (812) 315-35-92, 314-59-82. E-mail: info@licpublish.ru. Адрес в Интернете: www.licpublish.ru.

Безлюдова М. Генетическая память славян в названиях русских сел. М.; Тверь, 2005.

Киприянов В. Двинская топонимика: краеведческие рассказы, очерки. Топонимические зарисовки о названиях сел и городов. Архангельск, 1991.

И. В. Родионова, канд. филол. наук, докторант
Института русского языка им. В. В. Виноградова
(Москва)

ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция на Осудареву дорогу

В течение нескольких последних лет топонимисты Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН ведут сбор топонимии в Беломорье – на западном побережье Белого моря. Летом 2006 г. территория обследования была расширена и вышла за пределы собственно Беломорья, на Онежско-Беломорский водораздел (рис. 1). Этот район имеет исключительное культурно-историческое значение, поскольку на протяжении по крайней мере двух последних тысячелетий именно через него проходили водно-волоковые пути, связывающие Онежское озеро с Белым морем. Таких путей было несколько, все они шли через обширное озеро Выгозеро, с которого путь к Беломорскому побережью мог быть продолжен по разным маршрутам. Одна из дорог шла вниз по реке Выг. Именно здесь в 1930-е гг. был проложен Беломоро-Балтийский канал. Другой путь выводил с Выгозера через тридцатикилометровый Черный Волок к верховьям реки Сумы, а третий – через лесное Хижозеро на реку Нюхчу. Существовал и путь из Нюхчи на Сумозеро. Одной из упомянутых дорог воспользовался в самом начале XVIII в. Петр Первый, организовавший тайную переброску двух кораблей из Архангельска к устью Невы, бывшему в то время шведским. Именно в связи с этим событием путь получил название Осударевой, или Царской, дороги. Путь через Черный волок описан уже в изгонных книгах XVI в. [см.: Голубцов, 1950, 286]. На протяжении столетий он, по-видимому, был наиболее используемым, о чем свидетельствуют упоминания о нем в описаниях Олонецкой губернии XVIII–XIX вв. [см.: Озерецковский, 1989, 154; Пименов, Эпштейн, 1958, 157–190], а также возникновение крупного центра Сумского Посада в устье реки Сумы, равно как и целой сети поселений на Суме. Эти исторические волоки не забыты и сейчас. Наши информанты-охотники неоднократно рассказывали о своем личном опыте преодоления расстояния от берегов Выгозера до побережья Белого моря в течение одних суток.

На территории обследования выделяется две традиционные зоны: во-первых, Выгозеро, жители которого – выгозеры – образуют этнолокальную группу русских Карелии, во-вторых, бассейн реки Сумы (включая ее исток озеро Сумозеро), население которого иногда называет себя поморами, однако право на такую этноидентификацию оспаривается жителями поморских сел, признающих за поморов только население Сумского Посада, расположенного при впадении реки Сумы в Белое море. Жителей же материковых деревень они называют карелами. Этот этноним фиксируется иногда и в качестве самоназвания, что отражает переходный характер зоны и ее карельское прошлое.

Сбор материала был значительно осложнен тем, что многие водораздельные поселения исчезли в послевоенные годы. Кроме того, большая часть современных населенных пунктов Выгозерья возникла в 1930-е гг., в связи со строительством Беломоро-Балтийского канала и

Рис. 1. Территория обследования

ституте языка, литературы и истории, для привязки топонима к местности использовались топографические карты масштаба 1:50 000. Всего собрано более 2 000 топонимов, из которых значительная часть картографирована. В настоящее время этот материал вводится в базу данных топонимии Карелии.

Ниже излагаются некоторые первичные выводы, касающиеся историко-культурной интерпретации собранного материала.

В силу устойчивости топонимии лучше других источников сохранила память о саамском периоде в истории территории. Здесь представлено большинство топонимных моделей, которые рассматриваются исследователями в качестве саамских маркеров: саамское слово в значении 'камень, каменный' закрепилось в *Кетькозеро* (Воренжа); названия оз. *Нюхчезеро*, бол. *Нюхчемох* (д. Нюхчезеро) и залив Выга *Нюхча* (Парандово) образованы от саамского слова, обозначающего лебедя; целый ряд топонимов с основой *ухт-* — р. *Ухтица*, оз. *Ухтозеро* (в окрестностях Лапина), руч. *Ухта* (Оштомозеро), р. *Ухта*, оз. *Ухтозеро*, *Ухтинские пороги* (Калгачиха) сохраняют память о древних волоках, так как в них закрепился древний финно-угорский термин со значением 'волок'. Названия озер *Лумбасозеро* (Вожмозеро) и *Лумбушское озеро* (Волозеро) восходят к саамскому слову, обозначающему озеровидное расширение на реке; в свою очередь, саамский ландшафтный термин со значением 'озеро', сохранился в целом гнезде топонимов — *Яброболото*, *Яброгора*, *Ябругуба*, *Яброкорга*,

подъемом уровня воды в озере. Вначале их населяли жители ушедших под воду прибрежных и островных деревень Выгозера, однако постепенно в эти поселки переселились и жители материковых деревень. Так, в пос. Валдай стянулось население обширной округи, начиная от деревень, располагавшихся на Верхнем Выге, до поселений бывшего Калгачихинского сельсовета Архангельской области, стоявших на Беломорско-Водлозерском водоразделе. В ходе экспедиции собиралась по возможности вся топонимия, что позволило получить представление о топонимической системе относительно широкой территории, расположенной на Онежско-Беломорском водоразделе. Всего получен материал из почти 40 небольших деревень. Конечно, качество собранного материала разнится. Негативно сказалось изменение ландшафта, разрушение традиционной системы расселения, переход с традиционных форм экономической жизнедеятельности на лесозаготовки. Тем не менее полученные данные позволяют реконструировать основные этапы и основные пути освоения Выгозерья и Выгозерско-Беломорского водораздела.

Сбор материала проводился по специальной программе, разработанной в Ин-

Яброручей у д. Тайгиницы. Река *Илеменза* (Пулозеро) воспринималась саамами как «самая верхняя», а река *Вола* и служащее ее истоком озеро *Волозеро* как «нижние». Список саамских моделей может быть продолжен. Хорошая сохранность саамской топонимии указывает на активные контакты пришлого прибалтийско-финского и русского населения с местными саамами и на вхождение во всяком случае части саамов в состав карел и русских Выгозерья в связи со сменой этнического самосознания и языка.

Будучи русской по употреблению, топонимия обследуемой территории содержит значительный и убедительный пласт названий карельского происхождения. Вообще, карельское прошлое территории как Выгозера, так и верховий реки Сумы не вызывает сомнений. Здесь в большом количестве представлены карельские топоосновы, бытующие как в макротопонимии, так и на относительно неустойчивом микротопонимическом уровне – как наименования мелких, не имеющих широкой известности объектов. Это обстоятельство позволяет констатировать относительно недавнее обрусение карельских поселений Выгозерья. Очевидно, русские поселенцы не оседали вдоль маршрута, которым продвигались к побережью Белого моря. Топонимия содержит некоторые дифференцирующие собственно карельские топоосновы и модели номинации, например: гора *Кеука* или *Келка* (карел. *keykkä* ‘невысокая горка’), оз. *Люлезеро*, имеющее изогнутую форму (карел. *lylü* ‘изогнутый, кривой’), возвышенность *Мальягора* (карел. *massa* ‘чаша, миска’, в топонимии используется для называния гор с покатыми склонами).

Ближайший карельский языковой и этнокультурный ареал располагается на западе от Выгозера, в Сегозерье. Сегозерские карелы сформировались как этнолокальная группа собственно карельского населения в XVII в., в результате переселения карел из Северного Приладожья. На Онежско-Беломорском водоразделе обнаруживаются некоторые топонимные факты, определенно указывающие на существование ареальных связей именно с Сегозерьем. Так, именно в сегозерском значении ‘мыс’ используется в Выгозерье карельский термин *korgo* (ср. названия мысов *Валкорга*, *Варишкорга*, *Кузькорга*, *Шихокорга* и др. в Коросозере). На Суне термин бытует в первоначальном значении ‘луда, мель на озере’.

Связь с Сегозерьем просматривается и в существовании на Выгозере карельской ойконимии *-l*-ового типа, которая в результате русской адаптации представлена здесь названиями с формантом *-ицы*. Как показали предшествующие исследования, данная структурная модель использовалась южнее, в Присвирье и Обонежье, при включении в русскую систему именования прибалтийско-финских ойконимов. Формант *-ицы/-ичи* присоединяется к основе, выраженной прибалтийско-финским антропонимом, и замещает прибалтийско-финский суффикс *-la*: **Kurhila* > *Кургеницы* [см.: Муллонен, 2002]. Такова же ситуация в южном Выгозерье: в основе по крайней мере трех ойконимов можно реконструировать карельский антропоним прозвищного характера:

– *Тайгиницы*, ср. известное во всяком случае карельскому именослову *Taikina* [Nissilä, 1975, 152–153]. Антропоним, восходящий к прибалтийско-финской лексеме (ср. фин. *taikina*, карел. *taikina*, *taigin(a)*, вепс. *taigin*) со значением ‘квашня (посуда для закваски теста)’, служил для называния неумного человека;

– *Тиконицы*, ср. карельский антропоним *Tikka*, известный по средневековым документам в северо-западном Приладожье и восходящий, возможно, к карел. *tikka* ‘дятел’ [SN];

– *Койкиницы*, ср. зафиксированный в средневековых источниках финский, а также карельский антропоним *Koikka*, по-видимому, восходящий к апеллативу *koikka* ‘длинноногий, сгорбленный (о человеке и животном)’ [Там же]. В связи с этимологической интерпретацией уместно упомянуть, что на Водлозере до сих пор бытует легенда о Койкке (иногда в народной огласовке – *Колька*), основателе деревни Койкиницы, утопившем в Воиц-

ком падуне литовских панов. В свое время эту легенду рассказывали М. Пришвину, который воспроизводит ее в повести «В краю непуганых птиц».

Если на более южных участках новгородского пути на север, в частности в Присвирье, происходила адаптация вепских ойконимов, то на Выгозере, судя по топоосновам, речь должна идти о русской адаптации карельских топонимов. Возвращаясь к мысли о наличии аналогов в Сегозерье, необходимо отметить, что там модель ойконимов с *-l*-овым формантом стала актуальной не ранее XVII в. [см.: Юккогуба, 2001, 28]. Очевидно, этот вывод уместен и для Выгозерья.

Русско-карельское контактирование отразилось также в использовании русского «речно-го» суффикса *-ица* для интеграции субстратных наименований рек: *Ялмица*, *Ухтица*, *Пагрица*. Есть основания полагать, что данная модель распространилась из восточного Обонежья, где она закрепились в ряде речных названий (р. *Шалица*, *Тамбица* и др.), в то время как на западном берегу Онежского озера в той же функции используется формант *-ина* (*Савина*, *Ивина*, *Чебина* и др.).

Топонимы с этнонимической основой *карел-* (*корел-*) – д. *Карельский Остров* (Тиконицы), *Карельская ламбина* (Надвоицы), залив *Карельская губа* (Кочкамозеро), *Карельское поле* (Сумостров), ур. *Карельские Избы* к югу от Калгачихи, бол. *Карелино* (Егозеро) отражают, по-видимому, позднее (вторичное) карельское этническое внедрение в русское окружение.

Среди русских топонимов есть такие, которые в действительности являются кальками прибалтийско-финских, что выясняется при сопоставлении наименований смежных объектов или вариантов названия одного объекта: из озера *Среднего* (д. Коросозеро) вытекает ручей с названием *Кеськоручей* (приб.-фин. *keski* ‘средний’), а два озера, соединенных прото-

кой и общим именем – *Рогастые* или *Рога* (д. Лапино), известны также и под вторым названием – *Сармосозеро*, в основе которого карел. *sarvi* ‘rog’ (с переходом *v > t* в позиции после сонорного).

Собранный материал содержит некоторые интересные данные о фонетической адаптации карельских топонимов, например о неустойчивости прибалтийско-финского *h* в соседстве с согласным: *Пикозеро* и *Пиккозеро* являются вариантами первоначального *Пихкозеро* (карел. *pihka* ‘смола’, вепс. *pihk* ‘густое мелколесье; молодой хвойный лес’); в атрибутивной части топонима *Вавенनावолок* можно предполагать приб.-фин. *ahven* ‘окунь’; *Лавнозеро* из **Лахнозеро* (приб.-фин. *lahna* ‘лещ’).

Среди дистрибутивных русских моделей, зафиксированных на территории между Обонежьем и Беломорьем, топооснова *острец*, или *остреч*, ‘окунь’ (рис. 2). Анализ бытования старого новгородского слова, рано вытесненного общерусским синонимом *окунь*, в топонимии Присвирья показал, что там оно маркирует места относительно раннего русского освоения [см.: Муллонен, 2002, 143]. Этот вывод подтверждается и ареалом топоосновы, который

Рис. 2. Ареал топоосновы *острец*-/*остреч*- в Обонежье

на севере четко привязан к транзитному водно-волоковому пути из Присвирья через Онежское озеро на юго-западное побережье Белого моря. Она закрепилась здесь в названии нескольких гидрообъектов, расположенных на водоразделе Онежского озера и верхнего Выга, в частности оз. *Остречье* в окрестностях с. Лобское, оз. *Остречье* и руч. *Остречьручей* в окрестностях д. Щепина Гора, расположенной на водоразделе рек Немина и Верхний Выг. Одноименное озеро известно также в Хижозере (верховья реки Сума), а также на Сумозере и в Лапине, расположенных ниже по реке. Нанесенные на карту, они выстраиваются в путь или пути русского продвижения из Обонежья в Беломорье. Один из них, по-видимому, выходил через Челмужскую округу на Верхний Выг и Выгозеро, далее в Хижозеро, откуда можно было, преодолев водораздел, выйти на реку Нюхчу и в Беломорье. Другой проходил явно с Выгозера через Черный волок – тридцатикилометровый лесной водораздел на Сумозере и далее вниз по Суме к морскому побережью.

Еще один показательный в смысле русского освоения топонимный факт – это противостояние основ *большой* и *великий*, из которых вторая может рассматриваться как маркер относительно раннего новгородского освоения, в то время как *большой* не несет на себе особой этноисторической нагрузки. Во всяком случае, на более южных территориях Обонежья и Присвирья она ведет себя именно так. В Выгозерье обнаружилось всего несколько примеров бытования в топонимах основы *великий*, однако симптоматично, что все они привязаны к тем же маршрутам, которые намечает картографирование модели *острец* (*остреч*): ср. *Великий мох* (Лапино), *Великий мох* (Пулозеро), *Великое озеро* (Щепина Гора). Есть еще *Великая губа* на Уросозере, которое расположено на западном берегу Выгозера, вдоль южного участка современного Беломоро-Балтийского канала.

Остается вопрос о возможном участии вепского этнического компонента в освоении Онежско-Беломорского водораздела. Средневековые вепсы, освоившие маршрут самостоятельно или вместе с древнерусским потоком колонизации, могли входить в число прибалтийско-финских насельников края. Вепсская топонимия известна на северном берегу Онежского озера – Заонежском полуострове, курганы XII в. вепского типа обнаружены на выходе из Обонежья в Беломорье, в Челмужах. То, что не удается выявить в Выгозерье четких вепских топонимных моделей, еще не означает, что их здесь не было. В силу близкого родства карельской и вепской топонимии не просто выявить дифференцирующие вепские признаки. Существуют некоторые косвенные признаки возможного вепского присутствия на Выгозере. В частности, есть основания полагать, что созданная в конце XV в. в связи с присоединением новгородских земель к Москве административная единица – Заонежские погосты Обонежской пятины, в состав которых входил и Выгозерский погост, объединяла прежде всего земли с вепским населением. Далее, по западной границе земель Заонежских погостов проходит линия, разделяющая ареалы лексем *vaara* (*voara*, *vuara*) и *selkä* (*selgä*, *selgy*), обозначающих возвышенность, поросшую лесом. Первая является собственно карельской, вторая господствует в вепском языке и южных карельских наречиях (ливвиковском и людиковском), которые, как известно, сформировались при активном участии вепского языкового компонента. Можно, таким образом, говорить об ареальной дистрибуции карельского *vaara* и вепского *selkä*. В этом контексте примечательно явное преобладание убедительных топонимов с элементом *selkä* над топонимами с элементом *vaara* на Выгозере и Сумозере (*Виксельга*, *Сайвосельга*, *Габсельга*, *Палосельга*, *Комосельга* и др.). По-видимому, они могут рассматриваться как прямое или опосредованное русским языком (*Еловая сельга*, *Верхняя сельга*) вепское наследие.

Выше внимание было сосредоточено в основном на историко-культурной информации, которую можно извлечь из собранного материала, понятно, однако, что возможности его использования шире и многограннее. В частности, он очень полезен для ведущихся

в ИЯЛИ работ по созданию Топонимического атласа Карелии, ибо позволяют заполнить существовавшую до сих пор лауну в ареалах ряда топонимных моделей. Появился новый материал для изучения образной номинации: круглая форма объекта обеспечила появление таких названий, как поля *Котелок* и *Пятачок*, озерко *Кекозеро* (карел. *kiekko* 'диск, выпиленный из круглого чурбана'); узкое извилистое место в Сумареке имеет название *Мышьи Чрева*, а первый от деревни Воренжа островок назван *Курочкой*, подтверждая высказанную Е. Л. Березович мысль о том, что образ курицы является в топонимии маркером близости объекта к дому [см.: Березович, 2000, 95–96].

Пополнилась и картотека диалектных апеллятивов, сбор которых не ведется целенаправленно, однако они фиксируются в связи с топоосновами: *нюрюша* 'намытый островок в реке, поросший травой' (Тайгиницы), *ряньга* 'возвышенное моховое место на болоте (гряды)' (Шелтопорог), *ламбуха* 'кувшинка' (Нюхчезеро), *шувала* 'травя (мох) для мшения построек' (Воренжа), *тайбола* 'место, где оставляют лодки и идут дальше пешком' (Ендогуба).

Зафиксированы также некоторые локальные групповые прозвища. Так, жители Хижозера известны как *литовцы*, Воренжи – *гагары*, Пулозера – *писанные батюги*, Ендогубы – *линдуншники*, Сумострова – *вороны*.

В 2007 г. экспедиционные работы в Беломорском ареале планируется продолжить.

- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и их отражение на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950.
Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
Озерцековский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.
Пименов В. В., Эшштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958.
Юккогуба – Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001.
Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
SN – Uusi suomalaisen nimikirja. Keuruu, 1988.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Д. В. Кузьмин, канд. филол. наук,
мл. науч. сотр. Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
(Петрозаводск)

Из материалов экспедиции Уральского университета в Кадуйский район Вологодской области

Экспедиция Уральского государственного университета (далее – ТЭ УрГУ) в августе 2005 г. работала на территории Кадуйского района Вологодской области, занимаясь сбором топонимии, прозвищной антропонимии, хрононимии, астронимии, а также диалектной лексики. В настоящих заметках речь пойдет о «топонимических» итогах экспедиции.

Для ТЭ УрГУ данный район является территорией вторичного сбора. Впервые сбор топонимии в Кадуйском районе проходил летом 1981 г., а в некоторых населенных пунктах экспедиция побывала весной 1967 г. (территория бывших Конецкого и Шикшеостровского сельсоветов, которые тогда относились к Бабаевскому району). В итоге полевых сборов пополнена топонимическая картотека Кадуйского района Вологодской области (около 5 тыс. единиц хранения, из них около 800 единиц – фиксации субстратной топонимии).

В работе экспедиции принимали участие сотрудники и студенты кафедры русского языка и общего языкознания филологического факультета УрГУ (20 человек). В Барановском и Мазском сельсоветах работали: *Е. Л. Березович* (начальник экспедиции), *Ю. А. Кривошапова*, *К. В. Пьянкова*, *А. А. Макарова*, *Е. В. Шабалина*, *О. В. Атрошенко*, *А. В. Тихомирова*, *О. А. Усольцева*; в Андроновском и Бойловском – *Т. И. Киришева*, *К. С. Верхотурова*, *Е. В. Попова*, *К. М. Старикова*, *М. А. Замураева*; в Великосельском и Никольском – *Л. А. Феоктистова* (заместитель начальника экспедиции), *А. А. Великова*, *Е. А. Верхотурова*, *Е. А. Хайретдинова*, *М. Н. Гафурова*, *А. О. Давыдова*, *Ю. А. Ланда*.

В ходе повторного полевого выезда предполагалось осуществить фронтальный сбор топонимии с применением усовершенствованных методик получения ономастической и диалектной информации, а также выявить изменения, произошедшие в топонимической системе за 25 лет.

Сравнение материалов первой и второй экспедиций позволяет сделать вывод о том, что участники экспедиции стали более тщательно фиксировать сведения о характере поименованного топонимом географического объекта, ориентируясь на понятийную сетку, существующую в сознании местных жителей. К примеру, была собрана более полная информация о названиях такой специфичной для данной территории географической реалии, как остров леса на болоте. Более тщательно фиксировались и другие виды микротопонимов: названия лесных расчисток, делянок, участков покосов и др. Больше внимания, чем ранее, было уделено сбору мотивировочных контекстов для топонимов.

Кадуйский район характеризуется рядом географических, исторических и социально-этнических особенностей, накладывающих отпечаток на топонимическую систему, среди которых особо отметим, во-первых, концентрацию населения по берегам двух крупных рек района – Суды и Андоги, что приводит к соответствующей организации топонимического пространства (ср., в частности, номинативное противопоставление разных берегов р. Суды: правый берег – *Дуброва*, левый – *Таница*); во-вторых, «свежесть» межэтнических контактов, отражающихся в топонимии (в недалеком прошлом в некоторых деревнях проживали вепсы: так, топонимические системы Чупринского, Шикшеостровского и Конецкого сельсоветов отличаются повышенным содержанием заимствованных названий¹).

Анализ субстратной и заимствованной топонимии Кадуйского района позволяет выделить два основных хронологических слоя: один связан с саамскими данными, другой – с прибалтийско-финскими – главным образом, вепскими диалектами.

В качестве наиболее частотных топонимических формантов, встречающихся на территории исследуемого района, можно привести следующие: *-бой*, *-гумузь*, *-солово*, *-Ич*.

Топонимы с формантом *-гумузь* образуют компактный ареал на севере Кадуйского района. Источником русских субстратных форм большинство исследователей считает вепский

¹ Эти сельсоветы ликвидированы в конце 1950-х – начале 1960-х гг., поэтому работа велась с переселенцами из них, которые ныне проживают в Барановском сельсовете. Сами информанты отмечали культурно-языковую и социальную специфику своего прежнего места жительства: «Государство в государстве жили, своим законом».

язык [Матвеев, 2001, 214–215; Муллонен, 1994, 47; Субботина, 1987, 96; Чайкина, 1977]. < Приб.-фин., ср. фин. *halme*, карел., люд. *halmeh*, вепс. *haimeh*, *haimez*, *houimeh* ‘пожог (поле в лесу)’, ‘растущие на пожоге хлеба’ [SSA, 1, 133]. Формант встречается в названиях населенных пунктов, расположенных в глухих местах, и в названиях островов леса на болоте: *Лугумузь*, пок.; *Музгумузь*, б. д.; *Пергумузь*, б. д.; *Пигумузь*, б. д.; *Редумузь*, б. хут.; *Сятрумузь*, б. д.; *Фекмузь*, лес на бол. (все объекты находятся на территории бывших Конецкого и Шикшеостровского сельсоветов).

На территории Кадуйского района зафиксировано множество топонимов с формантом *-Vч*: *Колкач*, б. д.; *Лопач*, руч.; *Негач*, бол.; *Нернич*, руч.; *Рогач*, лес на бол.; *Сивеч*, ур.; *Тырнич*, д. Формант не является дифференцирующим: с одной стороны, его принято считать аффиксом карельско-вепсского типа, с другой – отмечены параллели в саамской топонимии [см.: Матвеев, 2001, 248].

Формант *-бой* встречается преимущественно в названиях рек и ручьев (*Буй*, руч.; *Амбой* (*Амбуй*) руч.; *Ингобой*, руч.; *Ишкобой*, руч.; *Лёдбой* (*Лёдбуй*), руч.; *Нежбуй*, р.; *Солбуй*, руч.; и др.) и фонетически наиболее близок диалектам саамского языка [см.: Матвеев, Стрельников, 1988, 25; Субботина, 1984, 98]. < Приб.-фин. или саам., ср. фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* ‘ручей’, ‘канава’, лив. *v(u)ojā* ‘заполненная водой ложбина’ = саам. (Кильдин, Йоканьга) *viåjji* ‘ручей’ (? < фин. или карел.); ср. также саам. *uoij*, *oj*, *viui*, *uij*, *viui* ‘ручей’ [см.: Матвеев, 2001, 257].

Топонимы с формантом *-солово* также образуют ареал на севере района и называют лес на болоте: *Баксолово*, *Ваньгасолово*, *Кумасолово*, *Шаймашолово* (< **Шаймасолово*). Семантически наиболее близкими оказываются саамские данные: ср. фин. *salo* ‘большой лес, тайга’, ‘островок леса’, ‘большой остров’, ливв. *šalo*, *salo*, люд. *salo* ‘глухой лес’, эст. *salu* ‘лесок, роша; островок на болоте’, ‘холм, находящийся на болоте’ = саам. Луле *suolō*, *suolōv*, норв. *suolo*, Кильдин *siel* ‘остров’ (в норвежском диалекте и диалекте Луле также ‘островок на болоте’, ‘островок леса’) [см.: Матвеев, 2001, 225].

Сопоставление ареалов названий с компонентами *-солово* и *остров* (*Большой Остров*, *Ванюшкин Остров*, *Василисин Остров*, *Долгий Остров*, *Поднарожный Остров* и мн. др.) – ограниченная зона в пределах северной части района, преимущественно территория бывших Конецкого и Шикшеостровского сельсоветов – позволяет сделать предположение о том, что во многих случаях вторые являются кальками первых.

По значению к *острову* (‘остров леса на болоте’) близки и другие географические термины, зафиксированные ТЭ: *веретье* ‘сухое возвышенное место, горка (в лесу, на болоте, на лугу, покосе и др.), часто поросшая лесом, кустарником’ (*Веретье*, бол., д., лес, пок.), *оплечек* ‘лес, выдающийся мысом в болото’ (*Лупанов Оплечек*, о-в леса в бол.), *шайма* ‘мелкий лес в сырой низине, на болоте’ (*Шаймашолово*, лес на бол.).

Географическая терминология в топонимическом употреблении представлена как широко распространенными в северно-русской диалектной зоне терминами (*вельга*, *веретье*, *исада*, *лядина* и др.), так и узколокальными, отмеченными на территории только одного района, а нередко и одного сельсовета (см. выше *оплечек*, а также *стамик* ‘полоса, распахиваемая отдельно и находящаяся в стороне от поля’, *фарта* ‘узкая просека, разделяющая два земельных надела’).

Большинство географических терминов, зафиксированных в составе топонимов, имеются в апеллятивной лексике Кадуйского района или соседних районов – Бабаевского и Белозерского: *бочаг* (*Бочаги*, место в лесу), *букля* (*Букля*, поле), *валежа*, *валежи* (*Валежа*, лес; *Валежи*, лес), *вельга* (*Вельга*, руч.; *Глухая Вельга*, бол., *Туманова Вельга*, бол., пок.), *веретье*, *веретья* (*Веретье*, вар. *Веретья*, бол., лес, пок., д.), *выгорода* (*Выгорода*, поле; *Большая Выгорода*, пок.), *грива* (*Грива*, лес; *Еловая Грива*, лес; *Долгая Грива*, лес), *дор* (*Дор*,

пок.; *Ближний Дор*, пок.; *Михейков Дор*, пок.), *лом* (*Лом*, б. д.; поле, *Ломы*, пок.), *ляга* (*Ляга*, бол., пок.; *Черная Ляга*, бол.; *Черёмухова Ляга*, о-в леса на бол.; *Митракова Ляга*, поле; *Совинова Ляга*, руч.; *Ближние Ляги*, пок.), *лядина* (*Бортова Лядина*, пок.; *Катькина Лядина*, бол.; *Ольхова Лядина*, лес), *мох* (*Великий Мох*, бол.; *Малой Мох*, бол.), *наволоок* (*Наволоок*, мыс, пок.; *Ларионовский Наволок*, пок.), *оплечек* (*Лупанов Оплечек*, о-в леса на бол.), *осёлок* (*Осёлок*, б. д., поле; *Дальний Осёлок*, поле; *Первый Осёлок*, лес), *остров* (*Остров*, б. д., лес; *Долгий Остров*, лес на бол.; *Черный Остров*, лес; *Тяпин Остров*, лес; *Филиппов Остров*, поле), *павна* (*Павна*, бол., пок., поле), *порёлка*, *порёлок* (*Порёлки*, пок.), *рамень*, *раменьё* (*Рамень*, лес; *Раменьё*, пок., поле; *Федото-Раменьё*, к. д.), *стамик* (*Стамики*, поле), *старунья* (*Старунья*, оз.; *Верхнедворская Старунья*, старица), *тонь* (*Тонь*, бол.), *увия* (*Увия*, лес; *Дальняя Увия*, лес), *уйта* (*Уйта*, д.), *чисть* (*Чисть*, бол.; *Морошечная Чисть*, бол.; *Горская Чисть*, бол.; *Куликова Чисть*, пок.), *чища* (*Чища*, пок.; *Евдешина Чища*, поле; *Филиппова Чища*, лесная расчистка; *Мокрые Чищи*, пок.), *чуна*, *чупак* (*Чуна*, лес; *Ваничева Чуна*, пок.; *Конёва Чуна*, часть бол.; *Чудинская Чуна*, пок.; *Чупак*, лес, пок.; *Чупаки*, лес), *шайма* (*Шайма*, лес).

С точки зрения ономастической номинации интерес представляют названия покосов и лесных угодий. При номинации покосов систематически происходит расширение семантики слов, обозначающих такие сельскохозяйственные реалии, как *овин* (*Иванов Овин*, пок.; *Колькин Овин*, пок.; *Овинец*, пок.) и *стожжъё* (*Стожжъё*, пок.; *Андрюхино Стожжъё*, пок.; *Боярские Стожжъя*, пок.; *Поповские Стожжъя*, пок.; *Солдатские Стожжъя*, пос.; *Чертовские Стожжъя*, ур.). В названиях лесов отмечены географические термины *рудник* 'небольшой сосновый лес на болоте' (*Рудник*, лес; *Рудники*, лес, пок.; апеллатив фиксируется только на территории Устюженского и Чагодощенского районов Вологодской области) и *сельник* 'небольшой редкий лесок, служащий для выпаса скота' (*Андроновский Сельник*, лес; *Демидовский Сельник*, лес).

Только на территории Кадуйского района зафиксирован термин *фарта* 'узкая просека, разделяющая два земельных надела', см.: *Ступочная Фарта*, ур.; *Земляная Фарта*, *Маленькая Фарта*, *Широкая Фарта*, *Мельничная Фарта*, *Омутновская Фарта*, *Плосковская Фарта*, *Рижная Фарта*, *Скобольшая Фарта*, все – названия просек. Апеллатив не засвидетельствован лексикографическими источниками. Наиболее вероятным представляется, что слово восходит к вепсскому *fartal* 'квартал (участок леса)' [СВЯ, 83] < рус. *квартал*. Лексема имеет ограниченный ареал, все топонимы функционируют на территории Мазского сельсовета (на юге района, а не в месте концентрации вепсского населения).

Один из наиболее поздних слоев топонимии – многочисленные названия хуторов (вокруг некоторых деревень располагалось до двадцати хуторов и более). Хутора быстро появлялись и быстро исчезали, поэтому их названия представляют собой самую «неустойчивую» часть ойконимической системы. В ряде случаев это «полуфабрикаты» для будущих топонимов, застывшие речевые конструкции: *Бабушки Вениной Хутор*, *У Ваньки Горшка*, *Хутор Вани Чистовского* и т. п. В названиях хуторов отмечена структурная микросистема названий на -*ята*: *Ваганята*, *Макарята*, *Оводята* (в Андроновском сельсовете.).

В структурном отношении можно отметить географические названия, образованные по нетипичным для русской топонимии моделям:

– названия, возникшие на базе антропонима и апеллативной характеристики человека в им. п.: *Алёха Старик*, б. хут; микросистема названий хуторов в к. д. *Остров* – *Дядя Алёша*, *Дядя Паля*, *Дядя Филя*;

– напоминающие полукальки словосложения: *Клад-Камень*, камень; *Спас-Гора*, гора; *Вах-Починок*, д. (официальное название – *Вахонин Починок*).

С точки зрения семантики интересны соотносящиеся друг с другом названия соседних болот – *Железное Болото* и *Каменное Болото*. В этом же ряду необходимо отметить фикса-

цию названия куста деревень *Коера* в варианте *Железная Коера* с сообщением информанта о существовании песни, начинавшейся словами «Железная Коера, кованный народ...».

В топонимии Кадуйского района встретилось несколько этнотопонимов. Одни из них, возможно, содержат информацию о дорусском населении (*Чудин*, руч.; *Чудское*, бол.), другие возникли в связи с переосмыслением иноязычных топонимов, ср. *Татарщина*, д. (официальное название – *Ишкобой*): *Татарщиной называли, потому что жители те к нам придут, говорят что-нибудь, а мы их понять не можем*. Интересно, что название д. *Ишкобой* получает и другую этническую мотивировку: *Поляки тут были, бой был большой, вот и зовется: Ишь, какой бой*. Любопытная ситуация сложилась и с названием урочища *Паны*, относившемуся первоначально к географическому объекту в кусте деревень Остров Шикшеостровского сельсовета, а впоследствии перенесенному переселенцами на урочище у д. Крестовая, ср. также прозвище жителей этой деревни – *паны*. Происхождение названия урочища *Немецкая Делянка* может быть обусловлено различными факторами (ср., например, вполне реальную информацию о том, что «аэродром в Шоборове строили немцы»).

Этнонимы задействуются и при создании топонимических легенд. Наибольшее число таких легенд связано с поляками (*панам*), топонимические легенды с их участием распространены в восточной части района, в Бойловском и Андроновском сельсоветах: *Женищина Алёнка, где кладбище, со своей дружиной завела бой с поляками* (Алёнкино); ур. *Паны* у б. д. Остров – *Там ямы, паны были похоронены. Они, говорят, здесь жили, бежали от татаро-монгольского ига* (Крестовая); ур. *Паны* у д. Крестовая – *Наверное, и здесь паны похоронены, да не слышал* (Крестовая); поле *Хоронуха* – *Там, говорят, поляки золото закопали* (Нижний Починок); камень *Клад-Камень* – *Там паны польские в колодце клад зарыли и камнем завалили. Сколько раз хотели его поднять, перевернуть, так ничего и не вышло* (Илемное); ур. *Орешное* – *На Орешном камень есть, а под ним клад, его поляки зарыли. Так камень этот пять тракторов не могли вытащить* (Илемное); лес *Засека* – *От поляков засеку делали, так и стали Засекой лес звать* (Марлыково); б. д. *Пособково* – *Это бывшая деревня, по слухам, ее поляки сожгли* (Никоновская); *В 17 в. набеги поляков были, старую деревню Починок сожгли, а жители Новый Починок построили – так и назвали* (Новый Починок); б. д. *Осёлок* – *Раньше на Пособковой Горе наша деревня была, а называлась Осёлки, а потом польские паны пришли, и деревню сюда перенесли* (Пособково); д. *Панюково* – *Паны здесь жили всё – недалеко Демидов: кулак на кулаке* (Панюково).

На втором месте по популярности – топонимические предания о *финнах*. Ареал бытования этих преданий – северная часть района, что соотносится с территорией расселения в прошлом вепсов: поле *Клуковская* – *Лошади стояли, раньше финны здесь жили* (Крестовая); д. *Стан* – *Финнов сюда переселили в 632 году, племя какое-то; Племя какое-то было, и назвали Стан, что стояли здесь* (Стан).

Кроме поляков и финнов, участниками топонимических легенд становятся *татары*: ур. *Домницы* – *Место ямам таким. Татара, что ли, плавил руду* (Алеканово) – и *цыгане*: *Цыгане раньше приезжали, табором ездили, по ручью всё ночевали* (Успенское). Предания о цыганах связаны с этнотопонимами *Цыганский Мыс*, мыс; *Цыганский Угол*, пок.; *Цыганское Место*, ур. (все объекты находятся около с. Успенское).

Особенностью местных топонимических преданий, связанных с чужими этносами, является мотив захоронений, возможно, некоторые мотивировки наведены самими названиями – *Могилчи* (Могильцы), ур.; *Могильница*, пок.; *Могильницы*, поле: *Там могилы, русские с татарами бились* (Рыканец); *В какие-то старые времена шел ледник, там жило какое-то племя. Они все туда забрались, выкопали пещеру. Все племя ушло, столбы-то подпилили, и все погибли, черепа находили* (Кананьевская); *На Могильницах 10 лет назад хотели делать раскопки. Там всё ямы. В этих Могильницах народ подрывался. Ставили столбы и зарывали*

сами себя семьями. Русские были (Крестовая). Рассказывая о бывшей деревне Сяттрумузь, информанты упоминают о захоронениях в сидячем положении: Там, говорят, сидя людей хоронили (Аксентьевская); Там часовенка была, там человек захоронен, сидя сидит (Кананьевская).

Стоит также отметить распространенные топонимические легенды, связанные с именем Петра Первого: Дуброво – это район был раньше, там петровская дорога, несколько деревень, ещё с тысяча семисотого года (Подосинник); Ехал Петр Первый мимо Ватбола да провалился. А тогда оно просто Ват было. После того случая «бол» добавилось (Красное); Завод Петра Первого стоял, лили пушки там (Завод).

Как и любая топонимическая система, топонимия Кадуйского района содержит ряд семантических микросистем, как вполне традиционных (ср., например, пару Белый Ручей – Черный Ручей, которые впадают в р. Андога недалеко от с. Никольское, а также названия ручьев Берёзовский, Осиновский, Ольховский, впадающих в р. Колпь), так и достаточно необычных (ср. оппозицию названий бывших хуторов Гласная – Согласная или названия пожен Кринка, Кувшин и Латка, расположенных вблизи д. Бережок).

В топонимии района отмечено несколько вторичных (прецедентных) топонимов, большинство из которых репрезентируют семантику удаленности: Камчатка, часть д. Нижние (На отшибе они); Карпаты, лес; Япония, д. (официальное название – Якшинская), ср. также из материалов первой экспедиции – Шанхай, часть д. Андронов. Интересно, что коллективные прозвища жителей нескольких соседних деревень образуют микросистему – все они связаны с макротопонимами или названиями этносов: черкесы (жители д. Кананьевская), паны (жители д. Крестовая), ленинградцы (жители д. Коротневая), япония (жители д. Якшинская).

Задачи уточнения старого и сбора нового материала, стоявшие перед повторной экспедицией, можно считать выполненными. Проверены данные первой экспедиции (что наиболее значимо в отношении единичных фиксаций субстратной топонимии), уточнены связи между топонимами и соответствующими апеллятивами. Собрана новая топонимия территории недавнего вепсского расселения, названия специфичных в идеографическом отношении микротопонимических реалий.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Матвеев А. К., Стрельников С. М. Лексические параллели между диалектами Белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Вып. 4. Свердловск, 1988. С. 23–27.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Субботина Л. А. Географический термин бой и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984. С. 98–118.

Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 95–109.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Чайкина Ю. И. О субстратных топонимах с формантом -гумзь (гумузь) в Белозерье // Вопр. ономастики. Вып. 12. Русская топонимия и географическая терминология. Свердловск, 1977. С. 119–123.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. О. 1–3.

А. А. Макарова, магистрантка кафедры русского языка
и общего языкознания Уральского гос. университета
им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Прозвища жителей чадромского куста деревень Устьянского района Архангельской области

В июне – июле 2006 г. состоялась культурно-географическая экспедиция географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в западную часть Устьянского района Архангельской области. В составе экспедиции работали ведущий науч. сотр. В. Н. Калущков и студент А. И. Глухов. Одна из задач экспедиции носила просветительский характер, связанный со сбором историко-культурного материала о крае, в котором уже несколько лет действует учебно-научная станция географического факультета МГУ. Среди научных задач – сбор материалов по местной географической терминологии и топонимии, картографирование топонимов, запись топонимических преданий, поиск новых текстов географических песен и др.

Были обследованы два куста деревень – чадромский и ростовский. Наиболее интересные результаты были получены при работе в Чадроме и ее окрестностях, где лучше сохранилась диалектная составляющая местного культурного ландшафта.

Своеобразие Чадромскому краю придает широкое распространение коллективных деревенских прозвищ (в соседнем ростовском такой феномен не встречается). Этот пласт удерживается не только самыми старыми жителями, но и 50–60-летними.

ГАЛКИ. Прозвище жителей д. Чадромская (неоф. *Чадрома, Погост*). Потому, что только в одной этой деревне живут галки. Я так думаю почему... Потому, что они жили в церкви. Там были ниши. Они же не перелетная птица. А куда им деваться. И они в ниши прятались, там вили гнезда, там хоронились они... И вот.... Точно, галки. Чадромские галки (МА¹); Галки, галки – Чадрома. А то по церкви, наверное, ведь галки любят церкви да вот эти здания такие... Дак вот галки (МП).

ДИКОВЦЫ. Прозвище жителей д. Анциферовская (неоф. *Діково*).

ЁЖИКИ. Прозвище жителей д. Неклюдовская*² (неоф. *Сóлица*). *Деревня Солица – ёжики. Ёжики – это такие колючие, не всегда уступают, неласковые, несговорчивые.* «Ну, ты и ёжик» (МА); *А Солицу звали «Ёжики – по карманам ножжики».* (А почему?) *Не знаю... колючие-колючие. Придут раньше в Чадрому на танцы и обязательно раздерутся с кем-то. Не зря ёжиками названы были, наверное* (ГА); *Ну дак, Солица дак ёжики. А ёжики – тоже любили ершиться, дак... (смеется).* *С ножами все больше ходили. Вот так* (МП).

КОЗЛЫ. Прозвище жителей д. Остапово*. *Их так оставовцы и звали. Но у них очень хорошее прозвище – козлы. Остаповские козлы. Упрямые, вредные такие* (ЭВ).

КОЗЫ. Прозвище жительниц д. Остапово*. *Остапово – козы...* (смеется). *А замуж в Чадрому вышла (из Остапова. – В. К.) и сразу прозвали меня козой. И всю жизнь я живу козой (смеется). Дак я не обижаюсь* (ГА).

КРЫСЫ (КРЫСЫ АМБАРНЫЕ). Прозвище жителей д. Вахрушевская (неоф. *Шастово, Шастовская*). *Наша деревня (Вахрушевская), например, крысы. Видимо, было негатив-*

¹ В скобках приводятся инициалы информантов: АП – Александра Петровна Антуфьева, 1928 г. р., ур. д. Маренинской; ГА – Галина Алексеевна Кулакова, 1950 г. р., ур. д. Остапово (бывший директор местного совхоза); МА – Мария Александровна Суровцева, 1947 г. р., ур. д. Вахрушевской (в прошлом глава местной администрации); МП – Мария Парфеновна Братаева, 1926 г.р., ур. д. Шастов Починок; ПА – Павел Аполлонович Беляев, 1930 г. р., ур. д. Беляевской; ПП – Павла Пантелеймоновна Беляева, 1938 г.р., ур. д. Ревдино Вельского р-на; ЭВ – Энгельс Васильевич Короткий, 1939 г. р., ур. Чадромы (бывший директор Чадромской школы и партийный работник).

² Знаком «*» отмечены нежилые деревни.

ное мнение о людях, которые проживали в этой деревне. Были, наверно, какие-то вороватые, людям зло причиняли (МА); Прозвище жителей – крысы. Крысы амбарные звали. Бывало, в чужой амбар заглядывали. Один провинился... Ведь раньше как было, если дадут кличку – так всё... Приезжают они, скажут: «Крыса приехала» (смеется) (ЭВ); Шастово? Ой, там нехорошее. Там – крысы. (А почему?) Они вот и... колхозы уже большие были, дак на собрания придут, дак уж действительно, что крысы. Им (смеется), не зря название дано, ну, любили между собой скандалить. Грызутся прямо... Ну, это прежнее все дак (смеется). Между собой они... недружны были. Ну и вот, их и назвали (МП).

ЛАБАЗЯТА. Прозвище жителей д. Шилов починок* (неоф. Дальний сузём). А Дальний Сузем – лабазята. Ну дак там медведей много было, то да сё... лабазы, лабаз-то делали, дак... Большие всё там охота-та была – да вот лабазята (МП).

МЕЩАНЕ. Прозвище жителей д. Леонтьевская (неоф. Пахомово). Мещане там преж жили, мещане их и прозвали. Там и казёнка была... (АП); Раньше еще тут был уезд, дак, вроде того, что нынешней конторы да вроде того. Ну, в общем, правление раньше было в Леонтьевской (вероятно, волостное – В. К.). Ну, а мещане – тут правление было, да все (МП).

МОНАХИ. Прозвище жителей д. Беляевская (неоф. Беляево). Они очень не общительные, они даже к друг другу редко ходят (МА); Они не общаются... Они каждый единолично живут... Сейчас их осталось три жителя (ГА).

ОРЛЫ. Прозвище жителей д. Рыжковская (неоф. Рыжково). (А орлы, они были какие-то видные?) Да уж, наверное. Ведь даже по Никифоровичу видишь, там мужики здоровые были раньше. И у них постройка такая... большая тоже деревня была. И мужики все ядреные (МП).

ПОМЁЛА. Прозвище жителей д. Беляевская (неоф. Беляево); то же, что МОНАХИ. Дак помёла, дак, уж видно, любили лягаться или что ли, не знаю. Или сами себя вели как-то... неприлично, как уж выразить. Помело есть помело, значит (смеется) (МП).

ПОРОСЯТА. Прозвище жителей д. Лосевская (неоф. Лосево). Их так называли, потому что там были фермы с поросятами. Всю жизнь, сколько я еще в школу ходила, в старшие классы... И вот тех людей, всех называли поросята (МА); А вот уж тоже не знаю почему. «Лосята – поросята». Наверное, так уж... вроде того что, ну... как стишки, ведь тоже чтобы складно было. Так и тут тоже, наверное (МП).

СПИЦЫ. Прозвище жителей д. Ломовская* (неоф. Ломоватка).

ТЕЛЯТА (МИХАЙЛОВСКИЕ ТЕЛЯТА). Прозвище жителей д. Михайловская (неоф. Михайлово). А в Михайлово – там телята. Мы когда в школу ходили... «Да кто там?». «Это теленок». Это значит из Михайлово парень (МА); Михайловские телята их звали. Телята молодые такие, безалаберные... Ну, телята, одним словом. Далеко им еще до коровы, даже до первотёлки. Телята, одним словом. Куда его пихни – туда он и идет (смеется) (ЭВ); А вот уж не знаю. Наверно, смирённые какие были (смеется). Смирные. Неподвижные ли. Не знаю что (МП).

ХАРАОНЫ. Прозвище жителей д. Белоусово. Хараоны какие-то. Они зажиточные были (ГА); А белоусовцы – так хараоны. Ну, вообще оне любили, наверно, хараониться. Ну, компания собирается, дак всё дак. Сами себя, видно, выгораживают ли что, хараониться. Дак, вот хараоны и есть. Ну, они, вообще такие характером все тут как будто, действительно, что одна деревня... Какие-то были... Ну, не знаю уж, любили или хвастаться или хараониться... Вот это слово. Любили... скандалить да... Это у них было (МП).

ЧТОБЫЖЕНА. Прозвище жителей д. Шастов починок* (неоф. Ближний сузём). (А как шастовцев звали? Прозвище у них было «суземцы»?) Суземцы да чтобыжена да всяко... (смеется). Я не знаю, раньше это... разговор такой между собой, как мы с вами разговари-

ваем, что обсуждаем, или что ли... Так, вроде вводного слова «Что бы жо» (смеется). И вот – *чтобы́жена*. Их это ругали... (МП).

В основу номинаций местных сообществ положены главным образом особенности социально-бытового поведения (для характеристики которого, как правило, привлекаются образы животных), реже – социального статуса (*мещане*) или говора (*чтобы́жена*).

Опрос жителей разных деревень свидетельствует в целом об устойчивости деревенских прозвищ края. 80-летние жители при толковании прозвищ удерживают дореволюционные реалии, например связанные с прозвищами *мещане* и *галки*. В современной ситуации важным моментом является размывание «ругательной», уничижительной функции прозвищ, . это хорошо проявляется во время бесед, в которых прозвищная тематика практически всеми информантами воспринимается с юмором, со смехом: *Остапово – козы...* (смеется). *И всю жизнь я живу козой* (смеется). *Дак я не обижаюсь*. Только в одном случае мы столкнулись с нежеланием назвать, вероятно, обидное с точки зрения старожилов прозвище жителей своей деревни (д. Беляевская).

Выявленные прозвища функционируют как система, выполняющая важную функцию идентификации и самоидентификации местных сообществ. Эта система способствует сохранению социальной памяти, отражает процессы, протекающие в культурном ландшафте.

В. Н. Калуцков, ст. науч. сотр.,
вед. науч. сотр. географического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

ЮБИЛЕИ

Елена Николаевна Полякова: Исследователь и Учитель

«Полякова Елена Николаевна, исследователь в области русской исторической лексикологии, лексикографии и ономастики, автор книг по лексике, топонимии и антропонимии пермских памятников письменности XVI–XVIII веков и русских говоров Прикамья, профессор Пермского государственного университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации», – этими словами начинается библиографический указатель научных работ Елены Николаевны, изданный в 2002 году к ее 70-летию. В этом емком определении отражена одна из главных ипостасей Елены Николаевны – Исследователь. Назовем основные, на наш взгляд, направления ее исследований.

Ономастика. К исследованию пермских имен собственных Е. Н. Полякова обращается еще в 60-е годы. В сборнике всесоюзной конференции по топонимике СССР (1965) публикуется ее статья «Из наблюдений над топонимикой д. Акчим Красновишерского района Перм-

ской области в связи с составлением полного словаря акчимского говора». Проблема включения имен собственных в диалектный словарь недифференциального типа не просто обозначается ученым, занимающимся в это время другими немаловажными изысканиями в области лексики, а серьезно обсуждается. Елена Николаевна продолжает размышлять на эту тему на протяжении долгого времени. Не случайно появление у нее аспирантов, темы диссертаций которых непосредственно связаны с данной проблемой: В. А. Малышева – «Топонимы и оттопонимические единицы в лексической системе одного говора (говора д. Акчим Перм-

кой области)» (защищена в 1993 г.), О. В. Гордеева – «Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале» (1998), Т. А. Сироткина – «Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре (на материале говора деревни Акчим Пермской области)» (1999), М. В. Богачева – «Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области» (2003).

В 1975 году выходит в свет ставшая для многих настольной книга «Из истории русских имен и фамилий». Адресованная школьникам, написанная просто и понятно, данная книга содержит глубокие наблюдения над тем, как формировалась русская антропонимическая система.

В книге «К истокам пермских фамилий: Словарь» (1997) описано происхождение около 2,5 тыс. фамилий, история которых начинается в XVI–XVII вв. на территории Пермской области, а в «Словаре пермских фамилий» (2005) представлено уже более 5 тыс. фамилий, возникших в Пермском крае или принесенных сюда с других территорий России в XVI–XVIII вв., показаны способы их образования, определены значения слов, ставших основами фамилий.

История языка. Еще работая в Кунгурском сельскохозяйственном техникуме, Елена Николаевна разобрала коллекцию свитков Пермского краеведческого музея и составила их коллекционную опись, а затем описала коллекцию свитков и тетрадей XVI–XVIII вв. Кунгурского краеведческого музея. Параллельно с этим она начинает поиски пермских текстов в архивах, музеях, библиотеках различных городов: Москвы (РГАДА, Российская государственная библиотека), Санкт-Петербурга (архив Института истории РАН), хранилищах Чердыни, Соликамска, Кунгура. Так постепенно накапливался материал для создания «Словаря пермских памятников XVI – начала XVIII века» (Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001).

Учебное пособие Е. Н. Поляковой «Русская региональная историческая лексикография» (1990) дает рекомендации всем исследователям, которые сталкиваются с проблемами лексикографического описания местных памятников деловой письменности.

Не случайно и то, что многие аспиранты Елены Николаевны занимались именно проблемами исторической лексикологии: Л. В. Соколовская – «История слов с корнем *-лук-/-ляк-* в русском языке XI–XX вв. (семантический аспект)» (1996); Л. А. Белова – «Отвлеченные существительные в кунгурской деловой письменности середины XVI – начала XVIII века (словообразовательный и стилистический аспекты)» (1997). Две диссертации аспирантов Елены Николаевны посвящены исторической ономастике: Н. В. Медведева – «Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых)» (1999); Д. В. Семькин – «Антропонимия чердынской ревизской сказки 1711 года» (2000).

Диалектология. Исследование лексики пермских памятников Елена Николаевна проводит, сопоставляя ее с материалами пермских говоров. Она выехала первый раз в диалектологическую экспедицию еще в студенческие годы, в «холодное лето пятьдесят третьего», и интерес к диалектной лексике, возникший именно там, побуждает Елену Николаевну, когда она уже стала сотрудником Пермского государственного университета, к изучению речи жителей сел и деревень разных территорий Пермской области. Елена Николаевна участвует в сборе материала для картотеки и в составлении «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», записывает лексику в Чердынском, Соликамском, Ильинском, Добрянском, Карагайском, Оханском, Осинском, Частинском и других районах. По разработанной ею программе сбора географических терминов и названий хозяйственных участков обследованы более 200 населенных пунктов края. Полученные данные легли в основу книги «От арайны до яра: Русская народная географическая терминология Пермской области» (в которой наряду с современными были использованы и материалы пермских памятников письменности), соответствующие словарные статьи для «Словаря Чердынских говоров» (являясь одним из его авторов). На основе книги «От арайны до яра», но с включением огром-

ного пласта новых материалов Елена Николаевна составила «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края», вышедший в 2007 году. Этот словарь содержит описание более 1,5 тыс. диалектных и общерусских географических терминов, зафиксированных в речи жителей Пермского края. Е. Н. Полякова – автор первой части коллективной монографии «Русские говоры пермского региона» (1998), в которой описывает этапы формирования пермских говоров начиная с XV в. И это направление исследований Елены Николаевны не осталось без продолжателей: В 1996 году ее аспирантка И. И. Русинова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Глагольные вербальные формулы в быличках севера Пермской области» и сейчас продолжает заниматься диалектологией, возглавляя авторский коллектив «Словаря чердынских говоров» и собирая диалектный материал для «Лексического атласа русских народных говоров».

Учебное пособие «Региональная лексикология и ономастика», написанное Е. Н. Поляковой в 2006 году, показывает на местном материале происхождение диалектной лексики и ономастики, отражение в языке особенностей материальной и духовной культуры жителей Пермского края.

Монографиями, учебными пособиями, научными статьями далеко не исчерпывается научная и учебная деятельность Елены Николаевны. Она ежегодно составляет десятки отзывов и рецензий (на кандидатские и докторские диссертации, авторефераты, учебники и учебные пособия, учебные программы). Елена Николаевна для многих любимый рецензент и оппонент, но не потому, что от нее легко получить хвалебный отзыв. Просто все знают: Полякова просто так, незаслуженно, не будет ни превозносить, ни ругать. Отзыв будет содержать максимально объективную оценку научного труда.

В рамках одной публикации невозможно перечислить все, чем занимается профессор Е. Н. Полякова. Остается только удивляться ее глубокому знанию предмета и тонкому чувству языка, неиссякаемой энергии, способности воплощать свои научные замыслы, щедро дарить себя многочисленным ученикам и последователям.

Писать об Учителе Елене Николаевне Поляковой очень легко и одновременно очень трудно. Легко, потому что ее присутствие в жизни многих учеников составляет не один десяток лет. Это годы счастливого учебного, научного и человеческого общения. За это время накопилось много впечатлений, которыми хочется поделиться с другими. А трудно писать потому, что, увлекшись, можно сфальшивить, напеть дифирамбов, которые Елена Николаевна, будучи человеком скромным, никогда не приветствовала.

Для многих Елена Николаевна ассоциируется с явлениями вечными и в то же время органичными. Ее присутствие на кафедре, факультете, в нашем городе воспринимается так же естественно, как наличие солнца в небе. Есть оно – значит все в мире нормально, можно жить дальше.

И курсы, которые читает Елена Николаевна, – история русского литературного языка; введение в славянскую филологию; региональная лексика и ономастика; лингвистическое краеведение Прикамья – вполне ей соответствуют. Они вырастают корнями в глубокую древность, питаются народной мудростью. Кто слушал лекции Елены Николаевны, тот скажет, что они не имеют внешнего блеска, не искрят эффектными приемами. Спокойно и вдумчиво, взвешенно и очень по-человечески тепло подает Елена Николаевна материал, увлекая не столько формой изложения, сколько фундаментальностью содержания, делая студентов соучастниками великих и малых открытий, пробуждая в них инстинкт научного поиска.

Все, кто выпорхнул из «гнезда Полякова», могут сказать, что Елена Николаевна очень теплый человек. Несмотря на вечный цейтнот, она всегда находит время на то, чтобы выслушать, дать совет, ободрить, поддержать. «Вы можете на меня рассчитывать», – так просто и

лаконично формулирует Елена Николаевна свое отношение к выросшим ученикам. И мы идем к ней уже много лет, собираемся (пусть не все и не каждый год) на День рождения, пытаемся вернуть ей хотя бы часть того тепла, что подарила она нам.

Т. А. Сироткина, канд. филол. наук, доц. кафедры
русского языка Пермского гос. пед. университета,

И. И. Русинова, канд. филол. наук,
доц. кафедры общего и славянского языкознания
Пермского гос. университета

СОКРАЩЕНИЯ

В географических названиях

Вель	Вельский р-н Архангельской обл.
В-Т	Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
Вил	Вилегодский р-н Архангельской обл.
Вин.	Виноградовский р-н Архангельской обл.
Карг	Каргопольский р-н Архангельской обл.
Кон	Коношский р-н Архангельской обл.
Котл	Котласский р-н Архангельской обл.
К-Б	Красноборский р-н Архангельской обл.
Лен	Ленский р-н Архангельской обл.
Леш	Лешуконский р-н Архангельской обл.
Мез	Мезенский р-н Архангельской обл.
Нянд	Няндомский р-н Архангельской обл.
Он	Онежский р-н Архангельской обл.
Пин	Пинежский р-н Архангельской обл.
Плес	Плесецкий р-н Архангельской обл.
Прим	Приморский р-н Архангельской обл.
РС	Русский Север
С-Двин	г. Северодвинск
Уст	Устьянский р-н Архангельской обл.
Холм	Холмогорский р-н Архангельской обл.
Шенк	Шенкурский р-н Архангельской обл.

В названиях географических объектов

к. д.	куст деревень
пок.	покос
р. п.	рабочий поселок
с.	село
ур.	урочище

В названиях языков и диалектов

вепс.	вепсский язык
ин.	диалект Инари саамского языка
карел. твер.	тверские говоры карельского языка
кильд.	кильдинский диалект саамского языка
коми-зыр.	коми-зырянский язык
ливв.	ливвиковский диалект карельского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка
марГ	горное наречие марийского языка
марЛ	луговое наречие марийского языка
нов.-в.-нем.	нововерхненемецкий язык
саам. норв.	норвежский диалект саамского языка
полаб.	полабский язык
полес.	полесские говоры
прасаам.	прасаамский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
саам.	саамский язык
серб.-хорв.	сербскохорватский язык

ст.-в.-нем.	староверхненемецкий язык
субстр.	субстратные языки
твер.	тверские говоры русского языка
тер.	терский диалект саамского языка
удм.	удмуртский язык
ф.-уг.	финно-угорские языки

Прочие

вар.	вариант
неоф.	неофициально

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2007. № 4

Редактор	<i>Л. А. Феоктистова</i>
Корректор	<i>К. В. Пьянкова</i>
Компьютерная верстка	<i>К. С. Верхотурова</i> <i>К. В. Пьянкова</i>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.
Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2007 г., поз. 58.
Подписано в печать 07.10.2007. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 16,6. Усл. печ. л. 15,8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .
Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сноска – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат – Абзац – Отступ – Первая строка 0,7*).
- Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘’), при цитировании – угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Резюме на русском и английском языках (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
- Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
- Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
- Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
- Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
- Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
Филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики».
Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.
- Электронная версия журнала размещается на сайтах:
Института русского языка им. В. В. Виноградова – <http://www.ruslang.ru/agens.php?id=onomastica>,
научной библиотеки УрГУ – <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/786>.